

161
Вильямъ Карпентеръ.

МЕСМЕРИЗМЪ, ОДИЛИЗМЪ, СТОЛОВЕРЧЕНІЕ

И

СПИРИТИЗМЪ.

СЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ И НАУЧНОЙ ТОЧКЕЪ ЗРѢНІЯ.

Лекціи, читанныя, въ декабрѣ 1876 года, въ Лондонскомъ Институтѣ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ADT8351

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 13 января 1878 г.

ЛЕКЦІЯ ПЕРВАЯ.

„Исторія повторяется“, — говоритъ извѣстный афоризмъ. Другими словами, — существенно одинаковыя явленія въ исторической жизни человѣчества повторяются только подъ нѣсколько видоизмѣненными формами. Быть можетъ, ни въ одной области эта истина не оказывается болѣе справедливою, какъ въ той, о которой я намѣренъ побесѣдовать съ вами теперь. Ибо, съ самыхъ древнихъ временъ и вплоть до настоящей минуты, мы находимъ повсюду непрерывное существованіе болѣе или менѣе общераспространеннаго вѣрованія въ „тайныя“ силы, проявляющія свое присутствіе разными загадочными явленіями, которыя наша обыкновенная опытность не въ состояніи объяснить вполне рациональнымъ образомъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что самая живучесть этого вѣрованія должна считаться доказательствомъ дѣйствительнаго существованія такихъ силъ. Но я постараюсь показать, что это обстоятельство не доказываетъ ничего другаго, кромѣ необычайно-широкаго распространенія между людьми, какъ самой низкой, такъ и самой высокой культуры, извѣстныхъ умственныхъ наклонностей, которыя по-

стоянно или создавали воображаемые чудеса, не имѣвшія никакихъ фактическихъ основаній, или преувеличивали, искажали и облекали сверхъестественнымъ характеромъ событія, вполне допускавшія совершенно естественныя объясненія. Такъ, напримѣръ, не заходя въ глубь исторіи далѣе перваго вѣка нашей эры, мы находимъ, какъ у языческихъ, такъ и у христіанскихъ историковъ, самые изумительные рассказы о подвигахъ восточныхъ „волшебниковъ“ и еврейскихъ „чародѣевъ“, наводнявшихъ въ то время Римскую Имперію. Но, и въ наши собственные времена, намъ приходится слышать о вещахъ не менѣе изумительныхъ. Такъ, напримѣръ, одинъ господинъ, благороднаго происхожденія и притомъ извѣстный своими научными трудами, совершенно серьезно увѣряетъ насъ, что онъ видѣлъ самъ лично, какъ мистеръ Гомъ взвился на воздухъ (при лунномъ свѣтѣ), вылетѣлъ въ одно окно и влетѣлъ въ другое, на высотѣ семидесяти футовъ отъ поверхности земли. Этого мало. Одиннадцать человѣкъ согласно утверждаютъ, что мистриссъ Гёппи не только была перенесена по воздуху, въ припадкѣ столбняка, изъ Гай-бюри-парка вплоть до самой Лямзъ-Кондьюитъ-Стритъ, но что она была вдобавокъ доставлена невидимою силою въ комнату, всѣ двери и окна которой были заперты и укрѣплены ставнями и болтами, гдѣ она „хлопнулась“, въ совершенно безсознательномъ состояніи и полуодѣтая, прямо на столъ, вокругъ котораго эти одиннадцать человѣкъ сидѣли въ темнотѣ, плечо въ плечо.

Понятно, что коль скоро вы примете показанія этихъ свидѣтелей относительно воздушныхъ полетовъ мистера Гома и мистриссъ Гёппи, вы не будете имѣть рѣши-

тельно никакихъ данныхъ отказывать въ довѣріи и другимъ. Еще болѣе обязаны вы признать, въ этомъ случаѣ, несомнѣнность воздушныхъ путешествій вѣдьмъ на ихъ демонскія праздненства, такъ какъ справедливость этихъ фактовъ торжественно подтверждается присяжными показаніями свидѣтелей, находящимися въ протоколахъ нашихъ судовъ за послѣднія два столѣтія; тѣмъ болѣе, что въ существованіе вѣдьмъ вѣрила тогда не одна только невѣжественная чернь, но и многіе изъ мудрѣйшихъ людей того времени, каковы лордъ Бэконъ, сэръ Маттью Гэль, епископъ Джуэлль, Ричардъ Бакстеръ, сэръ Томасъ Браунъ и Аддисонъ; отрицаніе-же ихъ считалось за настоящій атеизмъ.

Но общій прогрессъ раціонализма измѣнилъ все это, — какъ это отлично показано мистеромъ Лекки; и, для того, чтобы повѣрить какому-либо изъ этихъ чудесъ, мы должны предварительно поставить себя въ душевное состояніе рассказчика о полетѣ мистриссъ Гѣппи, который тщеславится полнѣйшею свободою отъ научныхъ предубѣжденій, позволяющей ему безъ труда проглотить всякую вещь, какою бы нелѣпою и невозможною она ни казалась людямъ науки, коль скоро его вѣра въ „спиритистическихъ“ дѣятелей побуждаетъ его ожидать вѣроятнаго появленія этой вещи.

Если бы я имѣлъ довольно времени, я желалъ бы показать вамъ, съ помощью историческаго изслѣдованія этихъ чудесъ, что жизнь человѣчества представляетъ длинный рядъ эпидемическихъ заблужденій, измѣнявшихъ отъ времени до времени свою форму, но сохранявшихъ повсюду и всегда одну и ту же неизмѣнную сущность; и что, въ основаніи всѣхъ этихъ заблужденій, постоянно лежитъ одна и та же причина.

именно — порабощеніе ума одною господствующею идеею. Во многихъ умахъ существуетъ конституціональное стремленіе подпадать подъ власть какого-нибудь страннаго понятія, овладѣвающаго ими до такой полной степени, что всѣ дѣйствія личностей, „одержимыхъ“ такимъ понятіемъ, становятся результатами его непреодолимаго вліянія. Иногда это понятіе бываетъ чисто умственнаго характера, въ другихъ же случаяхъ, оно таково, что захватываетъ и чувства, и притомъ съ большою силою. Иной разъ, его вліяніе ограничивается лишь небольшою группою личностей, въ другихъ же случаяхъ, оно распространяется на огромныя массы людей. Подобныя заблужденія имѣютъ наиболѣе тираническій характеръ и бываютъ наиболѣе способными къ распространенію по преимуществу въ тѣхъ случаяхъ, когда бываютъ связаны съ религіознымъ энтузіазмомъ. Это мы можемъ видѣть, напримѣръ, изъ исторіи средневѣковыхъ сектъ пласуновъ и бичующихся; изъ воображаемаго одержанія бѣсами, распространившагося нѣсколько позже по женскимъ монастырямъ Франціи и Германіи; изъ проповѣднической эпидеміи между шведскими лютеранами; изъ странныхъ выходокъ конвульсіонеровъ св. Медарда, которыя въ наше время повторились приблизительно въ той же самой формѣ на полевыхъ митингахъ и „ревиваляхъ“ ¹⁾ методистовъ и изъ многихъ другихъ эпидемическихъ вспышекъ болѣе или менѣе подобнаго свойства. Но для нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ формъ такихъ эпидемическихъ заблужденій характерно то, что они являются въ связи скорѣе съ наукою, чѣмъ съ религіею. Въ самомъ дѣлѣ, грандіозныя

¹⁾ « Revival » — воскресеніе, оживаніе, возрожденіе.

притязанія Месмера, — который заявлялъ претензію на открытіе новой силы природы, столь же всеобщей какъ тяготѣніе и болѣе таинственной въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ электричество и магнетизмъ, — нашли самый лучший приѣмъ какъ разъ между скептическими поклонниками новизны, подготовившими путь французской революціи. И эта псевдо-научная идея долго давала главное направленіе ученіямъ, проповѣдывавшимся послѣдователями Месмера, пока не наступило новое возвращеніе къ религіозной формѣ, въ видѣ ученія о воображаемыхъ „спиритистическихъ“ явленіяхъ. Я полагаю, что, стараясь прослѣдить генезисъ этого возвращенія, мы принуждены будемъ признать его главную причину въ страстномъ желаніи человѣческаго сердца (эмоціональной природы человѣка) получить какія-нибудь завѣренія относительно продолженія существованія нашихъ усопшихъ друзей, а слѣдовательно, и нашего собственнаго будущаго существованія; такъ какъ, въ умственной сферѣ, древняя, традиціонная вѣра въ безсмертіе души сильно расшатана критикою и подверглась для многихъ полнѣйшему сомнѣнію.

Но недостатокъ времени заставляетъ меня ограничиться только этой самой послѣдней фазой исторіи; и я постараюсь показать вамъ, что научное изслѣдованіе опровергаетъ вполне сумасбродныя притязанія месмеризма и одилизма; ибо все то, что есть дѣйствительнаго въ ихъ явленіяхъ, объяснимо вполне на основаніи хорошо извѣстныхъ фізіологическихъ законовъ; всѣ же рассказы о ихъ чудесахъ неизмѣнно разбивались въдребезги, какъ только эти чудеса подвергались подробнымъ испытаніямъ со стороны экспертовъ-спеціалистовъ, которые, какъ я утверждаю, одни только мо-

гутъ. считаются правоспособными къ произнесенію сужденія по этому вопросу.

Въ публикѣ очень сильно распространено мнѣніе, что эти вещи могутъ быть изслѣдуемы всякимъ человѣкомъ обыкновеннаго ума. Но любой химикъ или физикъ посмотрѣлъ бы, безъ сомнѣнія, крайне неодобрительно на подобное мнѣніе, въ приложеніи къ химическому или физическому изслѣдованію; точно также фізіологъ и геологъ запротестовали бы съ неменьшею силою противъ правоспособности неспеціалистовъ судить о вопросахъ фізіологіи и геологіи. И я полагаю, что исторія месмеризма, одилизма и спиритизма, тянущаяся въ теченіе болѣе чѣмъ сорока лѣтъ, вполне оправдываетъ защищаемое мною убѣжденіе, что основательное знакомство съ фізіологіей и патологіей человѣческаго духа, съ его необычайной наклонностью къ самообольщенію по отношенію къ предметамъ, затрогивающимъ его чувства, съ его склонностью относиться съ незаслуженнымъ довѣріемъ къ личностямъ, имѣющимъ интересъ его обманывать, и, наконецъ, столь же основательное знакомство съ наилучшими средствами для открытія ошибокъ и для обнаруженія обмановъ, есть неизбежное условіе какъ для отличенія здѣсь дѣйствительнаго отъ ложнаго, такъ и для приведенія дѣйствительныхъ явленій къ ихъ истиннымъ формамъ и размѣрамъ.

Спириты постоянно упрекаютъ людей науки, что они приступаютъ къ подобнымъ изслѣдованіямъ съ заранѣе составленнымъ „предубѣжденіемъ“ въ пользу установленныхъ и всеобщепризнанныхъ законовъ природы; но я утверждаю, что такое предубѣжденіе вполне законно, и что опытъ показываетъ, что предубѣжденіе въ пользу существованія разныхъ „тайныхъ“ силъ почти навѣр-

но приводить изслѣдователя къ слишкомъ легкому принятію доказательствъ ихъ проявленій. Конечно, я послѣдній сталъ-бы опровергать справедливость того, что „на небесахъ и на землѣ есть еще много совершенно неизвѣстнаго для нашей науки“, и я первый готовъ радостно привѣтствовать всякое прибавленіе къ нашему дѣйствительному знанію о великихъ силахъ природы. Но я утверждаю, что ни одно новое начало дѣйствія, ни одна новая сила не можетъ претендовать на научное признаніе, пока дѣйствительность ея не будетъ подтверждена такими же полными и удовлетворительными доказательствами, какихъ мы требуемъ теперь во всякомъ другомъ научномъ изслѣдованіи.

Недавняя исторія послѣдняго, въ высшей степени любопытнаго, изобрѣтенія Крукса чревата полезными уроками на этотъ счетъ. Когда его радіометръ былъ выставленъ впервые на показъ, на одномъ изъ вечеровъ Королевскаго Общества, передъ многочисленнымъ собраніемъ ученыхъ, между ними не было, вѣроятно, ни одного, который не былъ бы готовъ признать, вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ, что вращеніе крыльевъ радіометра производилось свѣтомъ, и самые знаменитые физики, сужденіе которыхъ принималось и принимается всегда съ величайшимъ довѣріемъ, повидимому, ни малѣйше не сомнѣвались въ томъ, что этотъ механический дѣятель представляетъ нѣчто, выходящее изъ предѣловъ собственно такъ-называемой оптики и составляющее если не новую силу природы, то по крайней мѣрѣ новый *modus operandi* силы, извѣстной прежде лишь подъ другой формой. И такъ, Круксъ встрѣтилъ полную готовность признать его новое от-

крытіе, которое казалось столь неопровержимо доказаннымъ, не смотря на то, что оно выступало изъ предѣловъ всей нашей предыдущей опытности. Но, черезъ очень короткое время, былъ поднятъ вопросъ:—не происходитъ ли въ дѣйствительности движеніе радіометра просто отъ дѣйствія теплоты на разрѣженный паръ, отъ котораго тутъ не было возможности освободиться вполне? Началось въ высшей степени тщательное и тонкое экспериментальное изслѣдованіе, при которомъ природа была подвергнута допросу на всѣ фасы, какіе только можно себѣ представить. И вотъ, въ результатѣ оказалось (по крайней мѣрѣ, по моему убѣжденію), если не вполне, то почти несомнѣнно, что первый взглядъ на новое явленіе былъ неправиленъ, и что дѣйствительная движущая сила радіометра есть теплота, дѣйствующая здѣсь при новыхъ, особенныхъ условіяхъ, но вовсе не какимъ либо новымъ образомъ.

Никакое изслѣдованіе явленій спиритизма не можетъ считаться для умовъ, воспитанныхъ въ научныхъ привычкахъ мысли, хотя сколько-нибудь удовлетворительнымъ, пока оно не будетъ, въ своемъ родѣ, столь же тщательнымъ и полнымъ, какъ и только что рассказанное изслѣдованіе открытія Крукса. И когда людей науки приглашаютъ на сеансы, происходящіе въ темнотѣ, да еще съ предупрежденіемъ, что они должны только смотрѣть, а не вдаваться въ слишкомъ близкое изслѣдованіе, то они чувствуютъ, что это такой предметъ, съ которымъ они не могутъ имѣть рѣшительно никакого дѣла. Точно также, когда подобные люди, подмѣтивъ какую-нибудь вещь, представляющую на ихъ взглядъ всѣ признаки весьма прозрачной фокуснической продѣлки, требуютъ повторенія этой вещи, при другихъ

условіяхъ, обезпечивающихъ отъ обмана и признаваемыхъ присутствующими въполнѣ допустимыми и добросовѣстными, то обыкновенно случается, что имъ приходится напрасно ожидать такого повторенія (иногда въ теченіе цѣлыхъ часовъ), и имъ въ концѣ концовъ заявляютъ, что они принесли съ собой „атмосферу невѣрія“, которая мѣшаетъ обнаруженію ожидаемыхъ явленій. Замѣтите, я ничуть не утверждаю, что притязанія спиритизма опровергаются подобными неудачами; но я утверждаю, что до тѣхъ поръ, пока защитники спиритизма не представятъ такихъ фактическихъ доказательствъ, которыя выдержали бы такое же тщательное, перекрестное разслѣдованіе со стороны скептическихъ экспертовъ, какого мы потребовали бы въ случаѣ всякаго другаго научнаго изслѣдованія, спиритизмъ не имѣетъ права заявлять ни малѣйшаго притязанія на всеобщее признаніе; и, чтобы оправдать свое утвержденіе, я перейду теперь къ исторіи прежнихъ изслѣдованій подобнаго рода.

Около 1772 года, Месмеръ, уже напечатавшій ранѣе разсужденіе О вліяніи планетъ на человѣческое тѣло, объявилъ объ открытіи имъ универсальной жидкости, представляющей „непосредственнаго дѣятеля всѣхъ тѣхъ явленій природы, при которыхъ зарождается жизнь и посредствомъ которыхъ она поддерживается“; при этомъ онъ увѣрялъ, что открылъ средство управлять дѣйствіями этой жидкости: направлять ея потоки по здоровымъ каналамъ и изглаживать ея помощью стези, проложенныя болѣзнью. Въ самомъ началѣ онъ утверждалъ, что онъ управляетъ этой жидкостью при помощи магнитовъ; но, поссорившись съ отцомъ Геллемъ, профессоромъ астрономіи въ Вѣнѣ,

снабдившимъ его магнитами для производства его опытовъ и заявившимъ претензію на открытіе ихъ цѣлбной дѣятельности, Месмеръ сталъ утверждать, что онъ можетъ сосредоточивать магнетическую силу въ любой вещи и затѣмъ извлекать ее по своему произволу; что онъ можетъ заряжать ею банки, какъ электричествомъ, и разряжать ихъ по своей волѣ; и, наконецъ, что онъ можетъ исцѣлять съ ея помощью самыя неподдающіяся леченію болѣзни. Произведя большое впечатлѣніе въ Баваріи и Швейцаріи своими таинственными манипуляціями и тѣми небывалыми явленіями, которыя онѣ часто производили, Месмеръ вернулся въ Вѣну и взялся вылечить отъ совершенной слѣпоты знаменитую пѣвицу, мадмуазель Парадизъ, которую безуспѣшно пользовалъ придворный докторъ. Его леченіе начало производить, по его увѣреніямъ, нѣкоторое улучшение, что подтверждала вначалѣ и сама больная; но потомъ тщательное изслѣдованіе ея зрительныхъ способностей опровергнуло, повидимому, всѣ его увѣренія въ такой совершенной степени, что онъ принужденъ былъ внезапно покинуть Вѣну и отправиться въ Парижъ, гдѣ произвелъ вскорѣ большое впечатлѣніе. Настроеніе французскаго общества того времени было, какъ я уже замѣтилъ выше, особенно благопріятно для подобныхъ затѣй. Въ обществѣ господствовала тогда лихорадочная возбудимость, дѣлавшая общественное мнѣніе склоннымъ къ сильнымъ волненіямъ по поводу всякаго поднимавшагося вопроса. Месмеръ скоро нашелъ выгоднымъ вызывать на состязаніе съ собою ученныя общества столицы, такъ какъ буря нападокъ, вызванная имъ этимъ способомъ, имѣла своимъ послѣдствіемъ привлеченіе на его сторону значительнаго числа преданныхъ учениковъ и

горячихъ партизановъ. Онъ одѣлялъ магнетической жидкостью своихъ пациентовъ, собранныхъ въ одной комнатѣ, изъ кадки, которая заранѣе была напитаваема этой жидкостью, причемъ каждый изъ нихъ держался за пруть, опущенный въ кадку; но когда случай бывалъ особенно интересенъ, или когда онъ рассчитывалъ извлечь изъ него особенныя выгоды, то прибѣгалъ къ личному магнетизированію. Вся обстановка его сеансовъ была такова, что должна была сильно благоприятствовать напленію у истеричныхъ субъектовъ, составлявшихъ главную массу его пациентовъ, нервнаго пароксизма, который онъ называлъ „кризисомъ“ и который былъ сразу признанъ врачами просто за видоизмѣненную форму того, что извѣстно обыкновенно подъ названіемъ „истерическаго припадка“; причемъ, при такихъ кризисахъ, обнаруживалось очень сильное вліяніе наклонности къ подражанію, какъ оно обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подобныя припадки охватываютъ цѣлую школу, или женскій монастырь, или фабрику, или митингъ „ревивалистовъ“, или всякое другое подобное мѣсто, гдѣ бываетъ собрано вмѣстѣ значительное число подходящихъ субъектовъ. Французское правительство начало опасаться, чтобы дѣятельность Месмера не повлекла за собой дурныхъ послѣдствій для общественной нравственности, и эти-то опасенія и послужили главною побудительною причиною для назначенія правительствомъ особой ученой комиссіи для изслѣдованія его теоріи и образа дѣйствій, причемъ въ составъ этой комиссіи вошли такіе знаменитые ученые того времени, какъ Лавуазье, Балли и Веньяминъ Франклінъ. Послѣ тщательнаго изслѣдованія, ученые члены комиссіи пришли къ заключенію, что исхожденіе изъ магнетической кадки

(baquet) какого-либо спеціального дѣятеля, или силы, не можетъ быть подтверждено никакими фактическими данными. Ибо они не только не были въ состояніи открыть исхожденія изъ кадки какой-либо жидкости, которая могла бы быть распознана съ помощью электрическихъ, магнетическихъ или химическихъ испытаній, но еще убѣдились, завязывая глаза личностямъ, казавшимся наиболѣе чувствительными къ ея воображаемому вліянію, и производя надъ ними опыты въ этомъ видѣ, что эти лица обнаруживали всѣ обыкновенныя послѣдствія такого вліянія даже и тогда, когда они не находились ни въ какой связи съ магнетической кадкой, если только они вѣрили, что эта связь существуетъ. Точно также они нашли, что, находясь въ саду, нѣкоторыя деревья котораго были предварительно намагнетизированы, пациенты, имѣвшіе глаза завязанными, или же незнавшіе того, какія именно деревья были намагнетизированы, впадали въ конвульсивный припадокъ каждый разъ, когда они воображали себя по близости отъ такого дерева, хотя на самомъ дѣлѣ они находились на значительномъ разстояніи отъ него, и наоборотъ, самая тѣсная близость къ намагнетизированному дереву не вызвала никакихъ послѣдствій, когда пациентъ бывалъ убѣжденъ, что онъ находится далеко отъ него. Далѣе, члены комиссіи доказывали, что хотя месмерическое леченіе и могло, быть можетъ, совершить нѣсколько излеченій, тѣмъ не менѣе они считаютъ его небезопаснымъ, такъ какъ вызываемыя имъ конвульсіи нерѣдко отличаются большою силою и притомъ оказываются чрезвычайно заразительными для остальныхъ присутствующихъ, особенно же для людей, слабыхъ тѣломъ и духомъ, и почти всегда для женщинъ. Кромѣ

того, они настаивали также и на тѣхъ нравственныхъ опасностяхъ, которыя, какъ показало ихъ изслѣдованіе, бывають связаны съ приемами этого леченія.

Хотя этотъ отчетъ комиссіи относится собственно къ той формѣ магнетизированія ¹⁾, которая давно уже потеряла кредитъ и вышла изъ употребленія у магнетизеровъ, тѣмъ не менѣе, на самомъ дѣлѣ, въ немъ подмѣчено одно существенное обстоятельство, которое я считаю однимъ изъ важнѣйшихъ основанийъ всѣхъ подобныхъ явленій. Это обстоятельство, давно уже смутно признававшееся наблюдателями подъ именемъ „воображенія“ и занявшее теперь въ наукѣ физиологій совершенно опредѣленное мѣсто, заключается въ томъ, что у личностей нервнаго, легко возбудимаго темперамента, извѣстнаго подъ названіемъ „истерическаго“ (замѣтимъ, что этотъ темпераментъ ничуть не ограничивается одними только женщинами, хотя онъ рѣдокъ у здоровыхъ и сильныхъ мужчинъ), ожиданіе какого-либо извѣстнаго результата часто оказывается вполне достаточнымъ, чтобы вызвать этотъ результатъ. Исторія медицины представляетъ множество разнообразнѣйшихъ иллюстрацій вліянія такого „ожиданія“ и показываетъ, что оно способно производить замѣчательнѣйшія перемѣны въ тѣ-

¹⁾ Авторъ говоритъ почти вездѣ: месмеризмъ, месмеризировать, месмеризированіе, месмеризеръ, но мы переводимъ повсюду эти выраженія словами: животный магнетизмъ, магнетизировать, магнетизированіе, магнетизеръ, такъ какъ описываемыя авторомъ явленія извѣстны нашей публикѣ преимущественно подъ этими терминами; въ особенности же та форма месмеризированія (или магнетизированія), при которой пациентъ приводится въ безсознательное состояніе посредствомъ ручныхъ пассовъ или упорнаго взгляда магнетизера. — Пр. перев.

лесномъ организмѣ, то спасительнаго, то гибельнаго свойства; а я, съ своей стороны, покажу вамъ сейчасъ, что оно дѣйствуетъ не менѣ замѣчательнымъ образомъ и въ дѣлѣ вызыванія у человѣка такихъ движеній, которыя, не будучи подчинены сознательному управленію производящей ихъ личности, приписывались вслѣдствіе этого вліянію гипотетическихъ тайныхъ дѣятелей или силъ.

Я не буду слѣдить за дальнѣйшей исторіей Месмера или провозглашенной имъ теоріи, ограничившись однимъ забавнымъ примѣромъ его смѣшныхъ претензій. Будучи спрошенъ въ старости однимъ изъ своихъ учениковъ, почему онъ предписываетъ своимъ паціентамъ купанье въ рѣчной водѣ, предпочтительно предъ колодезною, онъ отвѣчалъ: потому что рѣчная вода подвержена дѣйствію солнечныхъ лучей; когда же его спросили, какое вліяніе можетъ имѣть это послѣднее обстоятельство, за исключеніемъ того, что вода становится болѣе теплою, онъ сказалъ: „Любезный докторъ, причина, почему вода, подвергающаяся дѣйствію солнечныхъ лучей, превосходитъ всѣ другіе сорта воды, заключается въ томъ, что такая вода магнетична, ибо, двадцать лѣтъ тому назадъ, я намагнетизировалъ солнце!“

Впрочемъ, въ рукахъ нѣкоторыхъ изъ учениковъ Месмера, животный магнетизмъ, или месмеризмъ (какъ его стали постепенно называть въ обществѣ), получилъ совершенно новое развитіе. Маркизь де-Пуисегюръ, — крупный землевладѣлецъ, практиковавшій это искусство, какъ кажется, самымъ безкорыстнымъ образомъ, единственно на пользу своихъ поселянъ и бѣдныхъ сосѣдей, — нашелъ нѣкоторые, очень простые приемы, способные вызывать у однихъ личностей состояніе глубокой

безчувственности, у другихъ же состояніе, сходное съ сомнамбулизмомъ. Многочисленные французскіе и нѣмецкіе адепты месмеризма подхватили это открытіе и разтрубили его славу повсюду; но у насъ, въ Англіи, во все время долгой континентальной войны, и даже въ теченіе нѣкотораго времени по ея окончаніи, оно оставалось почти совершенно неизвѣстнымъ. Повидимому, наше общественное мнѣніе впервые обратило на него свое вниманіе вслѣдствіе опубликованія отчета объ одной трудной операціи, исполненной въ 1829 году докторомъ Клокé, однимъ изъ знаменитѣйшихъ парижскихъ хирурговъ, надъ пациенткой, приведенной, съ помощью магнетизерскихъ приемовъ, въ состояніе сомнамбулизма, въ продолженіе котораго она сохранила способность разговаривать съ окружающими, но выказала полнѣйшую безчувственность къ боли, и обнаружила впоследствии совершеннѣйшее отсутствіе всякаго воспоминанія о томъ, что происходило съ нею во время сеанса. Черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого, въ нашемъ собственномъ отечествѣ было произведено двѣ операціи (одна въ Ноттингемширѣ, другая—въ Лейстерширѣ) надъ замagnetизированными пациентами, не обнаружившими при этомъ никакихъ признаковъ сознанія, кромѣ почти неслышнаго стога; оба пациента непрерывно сохраняли, во все время операціи, спокойное выраженіе лица и заявили, по возвращеніи въ нормальное состояніе, что они не сознавали рѣшительно ничего изъ того, что было съ ними дѣлано въ продолженіе ихъ сна. Въ непродолжительномъ времени послѣ этого, докторъ Эсдель, калькутскій хирургъ, напечаталъ подробный отчетъ относительно множества крайне трудныхъ, мучительныхъ и продолжительныхъ операцій, выполненныхъ имъ, безъ нанесе-

нія боли, надъ туземцами, приведенными имъ въ магнетическій сонъ; лордъ Дальгаузи, тогдашній генералъ-губернаторъ Индіи, возвелъ его за это въ санъ хирурга президентства, „ради торжественнаго признанія услугъ, оказанныхъ имъ человѣчеству.“ Болѣе мелкіе опыты, произведенные различными лицами съ цѣлью провѣрки дѣйствительнаго существованія такого состоянія, дали результаты, совершенно согласные съ этими. Манчестерскій докторъ Нобль (съ которымъ я съ давнихъ уже поръ вступилъ въ сношенія, черезъ посредство Сэра Джона Форбса, для совмѣстнаго изслѣдованія этого предмета) писалъ въ 1845 году слѣдующее: „Конечъ иголки былъ засунутъ на нашихъ глазахъ очень глубоко подъ ноготь женщины, усыпленной помощью месмерическихъ приемовъ, не вызвавъ у нея даже вздрагиванья; ѣдко-пахучее вещество, въ большихъ количествахъ, было поднесимо, въ нашемъ присутствіи и при тѣхъ же условіяхъ, къ ея ноздрямъ и проводимо передъ ними нѣсколько разъ, не вызвавъ чиханія, которое явилось только тогда, когда пациентка была разбужена, черезъ нѣсколько минутъ послѣ опыта; мы замѣтили, что пациентка ни разу не вздрогнула даже тогда, когда, подлѣ самаго ея уха, были совершенно неожиданно и съ большимъ трескомъ разбиваемы взрывчатые пистоны; мы видѣли также собственными глазами, какъ мизинецъ пациентки былъ внесенъ въ пламя свѣчи, причемъ она не обнаружила ни малѣйшаго признака болѣзненнаго ощущенія. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, всякая мысль о возможности тутъ мужественнаго при творчества должна была исчезнуть изъ нашего ума, когда мы увидѣли изумленіе и негодованіе, выраженное впоследствии пациенткой по поводу такого обращенія съ

нею во время ея сна, такъ какъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ этого случая, поврежденіе пальца, бывшее далеко не незначительнымъ, должно было повлечь за собою весьма существенныя не-пріятности для паціентки“ ¹⁾).

Этотъ „магнетическій сонъ“ соотвѣтствуетъ вполне по своимъ свойствамъ тому, что извѣстно въ медицинѣ подъ именемъ „истерической комы“ (столбняка): въ обоихъ этихъ случаяхъ, безчувственность паціента, во все время своего продолженія, бываетъ столь же глубока, какъ и при спячкѣ, вызванной отравленіемъ наркотическими веществами или давленіемъ на мозгъ; но внезапное наступленіе и столь же внезапное исчезновеніе магнетическаго сна показываетъ, что онъ зависитъ отъ какого-то временнаго, преходящаго состоянія центральнаго чувствилища; наше теперешнее знаніе позволяетъ намъ сказать съ довольно значительною увѣренностью, что это состояніе вызывается уменьшеніемъ притока крови къ мозгу, причиненнымъ чѣмъ-то вродѣ спазмодическаго сокращенія кровеносныхъ сосудовъ. Итакъ, все сказанное выше показываетъ, что мы не имѣемъ основаній отрицать дѣйствительности магнетическаго сна; такое признаніе его дѣйствительнаго существованія подтверждается еще болѣе однимъ открытіемъ, сдѣланнымъ вскорѣ послѣ выше-приведенныхъ изслѣдованій манчестерскимъ хирургомъ, докторомъ Бредомъ (D-r Braid). Онъ нашелъ, что можетъ вызывать такой сонъ съ помощью очень простаго способа, который не только гораздо дѣйствитель-

¹⁾ British and Foreign Medical Review, April 1845.

нѣе, чѣмъ магнетическіе „пассы“¹⁾, но и гораздо выгоднѣе ихъ еще съ той стороны, что тутъ паціентъ совершенно независимъ отъ чьей-бы то ни было воли, кромѣ своей собственной. Онъ нашелъ, что значительное большинство людей обоего пола и всѣхъ званій, возрастовъ и темпераментовъ способны впадать въ это состояніе (которое онъ называлъ гипнотизмомъ), если только рѣшатся, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ сряду, удерживать свой взглядъ на какомъ-нибудь предметѣ, находящемся такъ близко отъ глазъ, что надлежащая степень схождения на немъ глазныхъ осей можетъ быть поддерживаема только посредствомъ значительнаго усиленія²⁾.

Первое состояніе, въ которое впадаетъ „субъектъ“ вслѣдствіе такихъ пріемовъ, бываетъ обыкновенно состояніемъ глубокаго коматознаго сна, изъ котораго онъ не можетъ быть вызванъ чувственными впеячтлѣніями обыкновеннаго свойства, и въ продолженіе котораго онъ переноситъ безъ малѣйшихъ признаковъ сознанія такія вещи, которыя, при обыкновенныхъ условіяхъ,

¹⁾ Извѣстные, плавные жесты руками, помощью которыхъ магнетизеры усыпляютъ своихъ паціентовъ.

²⁾ Особенный успѣхъ самого доктора Бреда въ вызываніи этого состоянія зависѣлъ, повидимому, отчасти отъ его способа практиковать свой методъ, а отчасти отъ «ожиданія» его субъектовъ. Найдя, что свѣтлый предметъ дѣйствуетъ успѣшнѣе, онъ употреблялъ обыкновенно съ этою цѣлью серебряную ручку своего ланцета, которую онъ держалъ сначала на разстояніи обыкновеннаго яснаго видѣнія отъ глазъ паціента, нѣсколько выше плоскости глазъ; затѣмъ онъ начиналъ медленно приближать ее къ средней точкѣ, находящейся нѣсколько выше переносицы, причемъ все время держалъ свои глаза твердо устремленными на глаза паціента и тщательно наблюдалъ за направленіемъ его

вызвали бы въ немъ невыносимое безпокойство или даже ощущеніе мучительной боли. Но, черезъ нѣсколько времени, это состояніе переходитъ въ состояніе сомнамбулизма, опять-таки соответствующаго до весьма близкой степени, съ одной стороны,—естественному сомнамбулизму, а съ другой,—магнетическому, или месмерическому, сомнамбулизму. И дѣйствительно, только изученію этого искусственнаго сомнамбулизма, вызываемаго по способу доктора Бреда, мы обязаны какъ уясненіемъ существенной природы этого состоянія, такъ и возможностью дать научно-раціональное объясненіе значительной части явленій, обнаруживаемыхъ, по словамъ магнетизеровъ, ихъ сомнамбулами.

Впрочемъ, приверженцы ученія о животномъ магнетизмѣ заявляютъ претензіи на то, что нѣкоторые изъ ихъ сомнамбулъ обладаютъ по временамъ такимъ знаніемъ прошедшаго, настоящаго и будущаго, которое должно считаться совершенно сверхчеловѣческимъ и которое получило, вслѣдствіе этого, названіе „ясновидѣнія“; причемъ они утверждаютъ, что тѣ свидѣтельства, которыя мы принимаемъ за достаточныя для доказательства дѣйствительности явленій, согласныхъ съ

зрительныхъ осей. Какъ скоро онъ замѣчалъ, что ихъ схождение ослабѣваетъ; онъ удалялъ ручку ланцета до тѣхъ поръ, пока обѣ оси оказывались опять направленными на нее; затѣмъ онъ снова начиналъ приближать ее и подводилъ на столько близко къ глазамъ пациента, на сколько это оказывалось согласимымъ съ постояннымъ схожденіемъ его зрительныхъ осей. Если такое схождение осей могло быть поддержано, въ теченіе достаточно долгаго времени, на предметъ, отстоящемъ отъ глазъ не далѣе трехъ дюймовъ, то за нимъ обыкновенно наступало коматозное состояніе.

нашей научной опытностью, должны считаться въ такой же мѣрѣ достаточными и для доказательства дѣйствительности явленій, которыя они называютъ „высшими“ и которыя не только превосходятъ все намъ извѣстное, но и безусловно противорѣчатъ всему тому, что масса просвѣщенныхъ людей привыкла считать доказаннымъ всеобщей опытностью человѣческаго рода. Мнѣ кажется, что такое утвержденіе основывается на совершенно неправильной оцѣнкѣ доказательной силы фактическихъ данныхъ; ибо, какъ я постараюсь показать въ слѣдующемъ чтеніи, единственное надежное основаніе для нашей вѣры во что бы то ни было заключается въ подтвержденіи внѣшнихъ свидѣтельств нашимъ чувствомъ внутренней вѣроятности засвидѣтельствованнаго факта; такъ что, — какъ это прекрасно было замѣчено уже ранѣе, — „фактическое свидѣтельство, стремящееся къ подтвержденію чего-либо новаго, должно соответствовать, по своей силѣ, степени несогласимости этого новаго съ ученіями, признаваемыми всѣми за истинныя; поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-либо утвержденіе явно противорѣчитъ всей прошедшей опытности и всеобщему согласію на этотъ счетъ всего человѣческаго рода, никакое фактическое свидѣтельство не можетъ считаться достаточно доказательнымъ, если только оно не будетъ вполне совершеннымъ, стоящимъ выше всякаго подозрѣнія или сомнѣнія и не могущимъ быть устраненнымъ посредствомъ какого-либо другаго объясненія“.

Но я оставляю на время въ сторонѣ обсужденіе чудесъ, сообщаемыхъ намъ адептами животнаго магнетизма, и перехожу къ другому предмету: а именно, я постараюсь показать вамъ вкратцѣ существеннѣйшія

черты, отличающія состояніе сомнамбулизма (врожденнаго или приобрѣтеннаго), съ одной стороны—отъ сна, сопровождаемаго сновидѣніями, а съ другой—отъ обыкновеннаго бодрственнаго состоянія. Какъ въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ, такъ и въ сомнамбулизмѣ, духъ находится въ состояніи дѣятельности; но дѣятельность его, въ состояніи сомнамбулизма, какъ и во время соннаго видѣнія, бываетъ свободна отъ той контролирующей власти воли, которая управляетъ ею въ бодрственномъ состояніи; кромѣ того, сомнамбулическое состояніе удалено отъ бодрственнаго еще съ той стороны, что „субъектъ“, пришедшій въ себя изъ этого состоянія, оказывается въ полномъ невѣдѣніи относительно всего того, что имѣло мѣсто съ нимъ въ продолженіе этого состоянія; хотя событія, имѣвшія мѣсто во время одного приступа этого „второго сознанія“, могутъ очень живо представляться его уму во время слѣдующаго приступа, такъ живо, какъ будто бы они случились только что передъ этимъ. Далѣе, во время обыкновеннаго сна, сопровождаемаго грезами, всѣ внѣшнія чувства бываютъ закрыты, тогда какъ, въ состояніи сомнамбулизма, нѣкоторыя изъ нихъ не только бодрствуютъ, но даже отличаются сверхъестественной впечатлительностью; такъ что теченіе мыслей сомнамбулиста можетъ быть легко направлено въ ту или другую сторону, посредствомъ внушеній всякаго рода, доставляемыхъ ему извнѣ, черезъ тѣ изъ его чувствительныхъ каналовъ, которые остаются открытыми. Но, въ то время, какъ духъ человѣка, находящагося въ состояніи обыкновеннаго сновидѣнія, столь же мало можетъ вызывать движенія въ его тѣлѣ, какъ мало могутъ его внѣшнія чувства оказывать какое-либо вліяніе на его духъ, духъ сомнамбулиста сохраняетъ

полную власть надъ его тѣломъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ его внѣшнія чувства сохраняютъ способность помогать управленію движеніями тѣла); такъ что сомнамбулизмъ продѣлываетъ свои сновидѣнія, какъ будто бы они были его бодрственными мыслями. Человѣкъ, приведенный въ состояніе сомнамбулизма посредствомъ магнетизерскихъ или гипнотизерскихъ приемовъ, можетъ быть названъ сознательнымъ автоматомъ, котораго можно заставить, съ помощью приличныхъ внушеній, думать, чувствовать, говорить и дѣлать почти все то, чего желаетъ управляющая имъ личность; причемъ въ этомъ автоматѣ наблюдается та замѣчательная особенность, что вся его сила кажется сосредоточенной на томъ состояніи дѣятельности, въ которомъ онъ находится въ каждый данный моментъ, вслѣдствіе чего каждая способность, которую онъ въ состояніи упражнять, можетъ принять чрезвычайно усиленные размѣры. Такимъ образомъ, при полномъ бездѣйствіи чувства зрѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ въ сомнамбулизмѣ, чувства слуха, обонянія и осязанія, а также и мускульное чувство, представляютъ часто сверхъестественную остроту, повидимому, вслѣдствіе ничѣмъ неразвлекаемаго сосредоточенія вниманія на ихъ указанія. Я могъ бы сообщить вамъ изъ моей собственной опытности много любопытныхъ примѣровъ такой необычайной остроты нѣкоторыхъ чувствъ у сомнамбуль, а также чрезвычайно сильныхъ мускульныхъ упражненій, выполнявшихся въ этомъ состояніи субъектами, отличавшимися крайне слабымъ тѣлосложеніемъ; но такъ какъ всѣ эти случаи сводятся слишкомъ очевидно къ этому одному простому принципу, то я не хочу останавливаться на нихъ въ подробности,

а предпочитаю рассказать вамъ такой случай, котораго я хотя и не видѣлъ самъ, но который былъ сообщенъ мнѣ крайне достовѣрнымъ свидѣтелемъ, и въ которомъ была обнаружена замѣчательная сила подражательной вокализациі, могущая быть достигнутой при обыкновенныхъ условіяхъ только путемъ долгихъ упражненій. Однажды, когда знаменитая Дженни Линдъ пѣла въ Манчестерѣ, мистеръ Бредъ пригласилъ ее присутствовать при опытахъ надъ однимъ изъ его гипнотизированныхъ субъектовъ; субъектъ этотъ была безграмотная, фабричная дѣвушка, обладавшая превосходнымъ голосомъ и ухомъ, но не получившая почти никакого музыкальнаго развитія. Эта дѣвушка, находясь въ состояніи гипнотизма, повторяла мгновенно и совершенно правильно пѣсни „шведскаго соловья“ на разныхъ языкахъ; чтобы испытать еще болѣе ея способности, миссъ Линдъ спѣла экспромтомъ очень длинное и очень сложное хроматическое упражненіе, которое немедленно же было повторено дѣвушкой съ неменьшей точностью, какъ и все остальное, хотя въ своемъ обыкновенномъ, бодрственномъ состояніи она не была бы въ силахъ даже попытаться выполнить что-либо подобное. Теперь я желалъ бы, чтобы вы сравнили этотъ случай съ другимъ, рассказъ о которомъ появился около того же времени и справедливость котораго подкрѣплялась, повидимому, столь же неопровержимыми свидѣтельствами. Когда миссъ Мартино¹⁾ впервые заявила о своемъ обращеніи къ месмеризму, въ обществѣ много толковали о необычно-

¹⁾ Известная своею популяризацией позитивной философіи и другими трудами, а также своею близостью со многими знаменитостями своего времени.—Прим. перев.

венныхъ вещахъ, выполнявшихся ея служанкою Дж.; въ числѣ прочихъ чудесъ, рассказывали, что, находясь въ магнетическомъ снѣ, она могла говорить на такихъ языкахъ, которымъ она никогда не обучалась и о которыхъ она не знала рѣшительно ничего въ бодрственномъ состояніи; при этомъ указывалось прямо и положительно на одинъ особенный фактъ, а именно на то, что лордъ Морпетъ испытывалъ эту ея способность и нашелъ, что она дѣйствительно обладаетъ ею. Вы сами, конечно, легко замѣтите, что, даже при допущеніи совершенно одинаковой достовѣрности свидѣтельствъ въ этихъ двухъ случаяхъ, ихъ доказательная сила будетъ очень различна. Ибо первый случай, хотя и совершенно новый, не представляетъ никакой научной невѣроятности для тѣхъ людей, которые, вслѣдствіе предварительнаго, тщательнаго изученія явленій гипнотизма, подготовлены къ принятію того, что способность къ подражательной вокализации, подобно всякой другой способности, можетъ значительно усиливаться вслѣдствіе сосредоточенія всего вниманія „субъекта“ на томъ, что онъ дѣлаетъ. Но намъ кажется совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ необразованная служанка можетъ понимать, что ей говорятъ на языкѣ, которому она никогда не училась; и еще менѣе понятно для насъ, какимъ образомъ она можетъ быть способной отвѣчать на томъ же самомъ языкѣ. Единственное возможное объясненіе этого факта, граничащаго съ чудомъ,—если только это дѣйствительно фактъ,—можетъ заключаться для насъ только въ томъ, что или эта дѣвушка знала этотъ языкъ когда-нибудь прежде, но потомъ совершенно забыла его, или же она способна угадывать и выражать отвѣтъ, ожидаемый отъ нея лор-

домъ Морпетомъ, посредствомъ „чтенія чужихъ мыслей“ (которое, какъ извѣстно, даже еще и въ настоящее время, считается нѣкоторыми однимъ изъ атрибутовъ месмерическаго состоянія). Но все это чудо было вполне разсѣяно изслѣдованіями доктора Нобля, который, желая добиться точной истины, обратился сначала за справками къ одному близкому родственнику миссъ Мартино и получилъ отъ него въ отвѣтъ признаніе, что рассказъ объ этомъ дѣлѣ былъ не совсѣмъ точенъ; и что на вопросы, дѣланные лордомъ Морпетомъ на иностранномъ языкѣ, Дж. давала подходящіе отвѣты на своемъ отечественномъ языкѣ. Но даже пониманіе ею вопросовъ лорда Морпета, уже само по себѣ, казалось настолько страннымъ, что невольно заставляло подозревать тутъ какую-нибудь ошибку. Поэтому, получивъ вскорѣ возможность переговорить съ самимъ лордомъ Морпетомъ, докторъ Нобль спросилъ у него, какъ обстояло дѣло въ дѣйствительности, и получилъ въ отвѣтъ, что когда тотъ ставилъ Дж. какой-нибудь вопросъ на иностранномъ языкѣ, она подражала его фразѣ посредствомъ ряда ничего не означающихъ звуковъ.

Въ слѣдующемъ чтеніи, я остановлюсь долѣе на томъ урокѣ, который мы можемъ извлечь изъ этого случая, и покажу—насколько велика степень того довѣрія, котораго заслуживаютъ свидѣтельства, приводимыя въ подтвержденіе такъ-называемыхъ „высшихъ явленій“ месмеризма; теперь же я замѣчу только, что самое тщательное сравненіе явленій, обнаруживаемыхъ однѣми и тѣми же личностями, въ одномъ случаѣ,—„намагнизированныхъ“ съ помощью обыкновенныхъ магнетизерскихъ приѣмовъ, и, въ другомъ,—„гипнотизированными“ по способу доктора Бреда, показало, что между двумя

этими состояніями не существуетъ никакого другаго различія, кромѣ того, которое возникаетъ изъ спеціальнаго отношенія между магнетизеромъ и его субъектомъ, и что это отношеніе объясняется вполне удовлетворительно и ясно тѣмъ „ожиданіемъ“, подѣ вліяніемъ котораго находится „субъектъ“, въ моментъ своего перехода въ состояніе втораго сознанія. Ибо докторъ Бредъ нашель, что онъ можетъ установить это спеціальное отношеніе между своимъ „субъектомъ“ и любую изъ извѣстныхъ „субъекту“ личностей, помощью очень простаго способа; а именно, для этого ему стоило только увѣрить „субъекта“, въ моментъ приведенія его въ коматозное состояніе, что онъ не будетъ слышать ничьего голоса, кромѣ голоса указанной ему личности. Очевидно, что этотъ случай строго аналогиченъ съ пробужденіемъ телеграфиста отъ стука его аппарата, съ пробужденіемъ доктора отъ звука его ночнаго звонка, съ пробужденіемъ матери отъ крика ея ребенка, хотя всѣ эти личности продолжаютъ спать при гораздо сильнѣйшемъ шумѣ, коль скоро шумъ этотъ такого рода, на который онѣ не чувствуютъ себя обязанными обращать вниманія. Такимъ образомъ,—какъ это давно уже было показано докторомъ Ноблемъ и мною,—мы не только можемъ допустить вполне дѣйствительность существованія месмерическаго сомнамбулизма, но еще можемъ дать раціонально-научное объясненіе всѣхъ предполагаемыхъ отличительныхъ особенностей этого явленія, не прибѣгая вовсе для этого къ допущенію какого-то спеціальнаго „магнетическаго“, или „месмерическаго“, дѣятеля.

Впрочемъ, приверженцы месмеризма въ свою очередь, утверждаютъ, что мы имѣемъ доказательство существованія такого дѣятеля въ томъ фактѣ, что „безмолв-

ная воля" магнетизера имѣетъ силу наводить сонъ на „субъектовъ“, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что эта воля обращена на нихъ въ данный моментъ; а также въ томъ, что эта воля способна управлять издали дѣйствіями усыпленныхъ такимъ образомъ сомнамбулъ. Конечно, если бы это утверждение было подкрѣплено удовлетворительными фактическими доказательствами, то оно придало бы несомнѣнно очень значительную силу притязаніямъ месмеристовъ. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ устранить всѣ источники ошибокъ въ подобномъ случаѣ. Сами же магнетизеры допускаютъ, что, у привычныхъ сомнамбулъ, простая увѣренность въ томъ, что онѣ сейчасъ подвергнутся дѣйствію извѣстнаго вліянія, оказывается вполне достаточною, чтобы вызвать у нихъ результаты такого вліянія; а, съ другой стороны, не менѣе достоверно и то, что всѣ такіе „сензитивы“ удивительно быстро догадываются, по самымъ ничтожнымъ признакамъ, относительно того, чего отъ нихъ ожидаютъ. Поэтому-то такъ часто оказывалось, что магнетизеры, утверждавшіе безъ малѣйшаго колебанія, что они могутъ усыплять извѣстныхъ „субъектовъ“, а также вызывать въ нихъ разныя другія явленія, посредствомъ простаго усилія своей безмолвной воли, терпѣли полнѣйшую неудачу въ тѣхъ случаяхъ, когда другимъ лицамъ удавалось тщательно устранить отъ „субъекта“ всякое подозрѣніе о томъ, что магнетизеръ собирается испытывать надъ нимъ свою волю. Таковъ, напримѣръ, случай, сообщаемый докторомъ Ноблемъ относительно одного изъ своихъ друзей. Этотъ другъ доктора Нобля былъ вполне убѣжденъ въ своей способности дѣйствовать этимъ способомъ на свою служанку, надъ которой онъ часто про-

изводилъ свои месмерическіе опыты; а потому онъ принялъ, съ полнѣйшею увѣренностью въ успѣхѣ, предложеніе доктора Нобля — произвести этотъ опытъ не у себя, а у него. Согласно заранѣе состоявшемуся условію, служанка была послана къ доктору Ноблю съ записочкою; тамъ ей велѣли подождать отвѣта и сидѣть пока въ приѣмной; стулъ, на который ее посадили, стоялъ подлѣ полуоткрытой двери, по другую сторону которой находился ея хозяинъ, который усѣлся тамъ уже заранѣе и относительно котораго она предполагала, что онъ находится совершенно въ другомъ мѣстѣ. И что же? Хотя этому господину обыкновенно бывало достаточно двухъ или трехъ минутъ, чтобы повергнуть въ сонъ эту дѣвушку, когда онъ находился въ своей собственной гостиной, а она въ кухнѣ, т. е. когда ихъ раздѣляли промежуточные стѣны и потолки разныхъ этажей, но здѣсь, находясь въ разстояніи всего какихъ-нибудь двухъ футовъ отъ дѣвушки, и будучи отдѣленъ отъ нея только полуоткрытою дверью, онъ напрасно напрягалъ всю свою силу въ теченіе цѣлой четверти часа и долженъ былъ оставить свою попытку, не добившись никакого результата; причемъ не было никакой возможности открыть какой-либо другой причины этой неудачи, кромѣ той, что дѣвушка была въ этомъ случаѣ совершенно свободна отъ всякаго ожиданія. Таковъ же и другой случай, бывшій съ мистеромъ Льюисомъ (считавшимся однимъ изъ самыхъ могущественныхъ магнетизеровъ своего времени), который взялся управлять дѣйствіями своей сомнамбулы изъ другой комнаты, по программѣ, условленной между нимъ и нѣсколькими посторонними свидѣтелями, въ то время какъ другая группа свидѣтелей находилась подлѣ сомнамбулы, чтобы

наблюдать и записывать, когда и что она действительно дѣлала. При этомъ оказалось такое полное разногласіе между программой, предписанною „безмолвною волею“ магнетизера, и действительно выполненными дѣйствіями, что участники этого опыта не могли не отьергнуть вполне всякую идею о какой-либо зависимости дѣйствій „субъекта“ отъ направительной силы магнетизера. Ясно, что воображаемая связь между дѣйствіями „субъекта“ и волею магнетизера явилась просто вслѣдствіе привычнаго повторенія извѣстнаго ряда дѣйствій, или представлений (какія я самъ не разъ видалъ собственными глазами), которыхъ, по убѣжденію сомнамбулы, магнетизеръ ожидаетъ отъ нея, и притомъ въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ прежнихъ случаяхъ ¹⁾). Опытъ обратнаго порядка, выполненный самимъ докторомъ Эллотсономъ, показалъ ему совершенно удовлетворительнымъ образомъ, что простое ожиданіе можетъ замѣнить вполне то, что онъ считалъ до тѣхъ поръ действительно магнетическимъ вліяніемъ. Онъ сказалъ одной изъ своихъ постоянныхъ сомнамбулъ, что онъ пойдетъ въ другую комнату и будетъ магнетизировать ее оттуда, черезъ закрытую дверь; затѣмъ онъ действительно ушелъ изъ комнаты, заперъ за собою дверь, и не только

¹⁾ Мистеръ Льюисъ былъ вызванъ на это испытаніе, вслѣдствіе его увѣреній, что онъ много разъ наводилъ сонъ на своихъ сомнамбулъ издали и затѣмъ управлялъ ихъ дѣйствіями тоже издали, посредствомъ простаго усилія „безмолвной воли“. Полная неудача, которую онъ потерпѣлъ въ своей попыткѣ добиться такого результата подъ наблюденіемъ скептическихъ изслѣдователей, очевидно, лишаетъ всякаго значенія всѣ его предшествовавшія утвержденія; такъ что имъ могутъ вѣрить только тѣ, которые всегда готовы принимать, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, самыя слабыя доказательства самыхъ большихъ чудесъ.

не сталъ продѣлывать своихъ магнетическихъ „пассовъ“, но постарался забыть совсѣмъ о сидѣвшей въ другой комнатѣ дѣвушкѣ; для этого онъ отошелъ отъ двери и занялся чѣмъ-то другимъ, и даже ушелъ потомъ въ третью комнату; не смотря на это, вернувшись, менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ, въ ту комнату, гдѣ находилась дѣвушка, онъ нашелъ ее въ состояніи обыкновеннаго магнетическаго сна. Затѣмъ, слѣдуетъ сказать, что чрезвычайная впечатлительность многихъ изъ такихъ субъектовъ, — не даромъ называемыхъ „сензитивами“, — также можетъ объяснить намъ многія загадочныя явленія месмеризма; ибо эта необыкновенная впечатлительность дѣлаетъ ихъ способными воспринимать такія физическія впечатлѣнія, которыя совершенно не могутъ быть подмѣчены или восприняты остальными присутствующими: такъ, напримѣръ, легкую разницу въ температурѣ двухъ предъявленныхъ имъ монетъ, изъ которыхъ одна находилась въ теченіе нѣкотораго времени въ рукѣ магнетизера; или такую же разницу между двумя рюмками воды, изъ которыхъ въ одну магнетизеръ погружалъ на нѣкоторое время свой палецъ; а, разъ различивъ намагнитизированную вещь отъ остальныхъ, они (безъ всякаго намѣреннаго обмана) подвергаются сейчасъ же ея вліянію, вслѣдствіе простой увѣренности въ неизбежности и непобѣдимости этого вліянія. Но для произведенія такого же результата вполне достаточно и одной вѣры въ передачу магнетизмомъ своего вліянія какимъ-нибудь изъ этихъ путей; какъ это отлично видно изъ забавнаго случая, сообщаемого Бертраномъ, сочиненіе котораго о Животномъ Магнетизмѣ (Парижъ, 1826) представляетъ наиболѣе научно-философскій трудъ по этому вопросу,

далеко оставляющій за собою все остальное, написанное по этому предмету. Отправившись однажды въ путешествіе, верстѣ за пятьсотъ отъ своего мѣста жительства, онъ оставилъ одну изъ своихъ сомнамбулъ подъ при-
смотромъ одного изъ ихъ друзей; прибывъ на мѣсто своего назначенія, онъ послалъ этому другу намагнетизированное письмо и просилъ его положить это письмо на желудокъ своей больной, которой дано было понять заранѣе, какіе результаты ожидаются отъ дѣйствія этого письма; и дѣйствительно, вслѣдъ за наложеніемъ этого письма, у больной наступилъ немедленно магнетическій сонъ, со всѣми его обычными явленіями. Послѣ этого, онъ написалъ другое письмо, которое онъ не магнетизировалъ, но которое было послано имъ своей больной тѣмъ же самымъ путемъ и съ тѣми же самыми наставленіями. Она снова впала отъ этого письма въ магнетическій сонъ, что было, впрочемъ, приписано тому обстоятельству, что Бертранъ, писавъ это письмо, могъ неумышленно пропитать его магнетической жидкостью. Желая изслѣдовать это дѣло еще болѣе обстоятельнымъ образомъ, онъ попросилъ одного изъ своихъ пріятелей написать за него такое письмо, поддѣлавшись по возможности подъ его почеркъ; тотъ выполнилъ эту поддѣлку съ такимъ совершенствомъ, что лица, получившія это письмо, приняли его за письмо самаго Бертрана; и это поддѣльное письмо возымѣло тоже самое дѣйствіе, какъ и два предъидущія.

Тожe самое имѣло мѣсто и въ тѣхъ многочисленныхъ опытахъ, предпринятыхъ съ цѣлью провѣрки способности магнетизёровъ вызывать какія либо изъ явленій магнетическаго состоянія, безъ вѣдома „субъектовъ“, — которые мнѣ случилось видѣть въ теченіе тѣхъ двад-

цати лѣтъ, въ продолженіе которыхъ я внимательно слѣжу за этимъ предметомъ. Правда, что удачи были нерѣдки; но всѣ эти удачи неизмѣнно имѣли мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда опыты производились при условіяхъ, привычныхъ для дѣйствующихъ лицъ, какъ это было, напримѣръ, въ случаѣ, сообщенномъ мною выше относительно одного изъ друзей доктора Нобля. Онъ такъ часто повторялъ свои представленія, для удовольствія любознательности своихъ гостей, что уже одного прихода доктора Нобля въ его домъ было бы вполне достаточно, чтобы возбудить въ его „субъектѣ“ ожиданіе опыта, которое повергло бы его въ магнетическій сонъ. Но когда всякая возможность такого ожиданія была тщательно устраняема, опыты давали отрицательные результаты, и при томъ съ такимъ замѣчательнымъ постоянствомъ, которое если и не опровергало вполне рѣшительнымъ образомъ существованія какой-либо специальной магнетической силы, то, во всякомъ случаѣ, нейтрализовало вполне цѣнность утвердительныхъ свидѣтельствъ, приводившихся въ доказательство этой силы. Ибо, какъ мнѣ кажется, вы должны согласиться со мною, что если одно ожиданіе вполне достаточно для произведенія извѣстныхъ результатовъ, какъ это допускаютъ сами-же магнетизеры, или, по крайней мѣрѣ, самые ученые и образованные изъ ихъ среды, то допущеніе участія тутъ еще какого-либо другаго дѣятеля не можетъ основываться ни на какихъ другихъ опытахъ, кромѣ тѣхъ, при которыхъ имѣетъ мѣсто самое полное и строгое устраненіе такого ожиданія. За тѣмъ, мое собственное, долговременное изученіе этого предмета даетъ мнѣ право защищать то положеніе, что для того, что бы результаты какихъ-либо опытовъ этого

рода могли заявлять хотя-бы самомалѣйшее притязаніе на научную цѣнность, необходимо, чтобы управленіе этими опытами и сообщеніе объ ихъ результатахъ было произведено экспертами-скептиками. Ибо даже самые честные и добросовѣстные приверженцы „тайныхъ“ силъ животнаго магнетизма обнаруживали постоянно такое сильное расположеніе упускать изъ виду источники ошибокъ, раздувать обыкновеннѣйшіе пустяки въ настоящія чудеса и создавать складные, обстоятельные миѳы (какъ это мы видѣли, напримѣръ, въ случаѣ съ миссъ Мартино, ея служанкой Дж. и лордомъ Морпетомъ), что, и по моему личному убѣжденію, и по убѣжденію всѣхъ моихъ союзниковъ по этому изслѣдованію,—людей очень способныхъ и знающихъ,—свидѣтельскія показанія любаго числа такихъ приверженцевъ, по отношенію къ предметамъ, лежащимъ внѣ научнаго опыта, не будучи подтверждены никакими другими доказательствами, должны считаться лишенными всякаго права на признаніе. И дѣйствительно, положеніе, занятое по отношенію къ месмеризму моимъ другомъ, докторомъ Ноблемъ, уже въ 1845 году ¹⁾, а затѣмъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, развитое съ большею полнотою мною самимъ, на основаніи опытовъ доктора Бреда, а также моихъ собственныхъ физиологическихъ и психологическихъ изслѣдованій ²⁾, нашло себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ послѣдующемъ ходѣ событій, и притомъ не только въ нашихъ собственныхъ глазахъ, но и въ единодушномъ мнѣніи на этотъ счетъ всего медицинскаго и научнаго

¹⁾ British and Foreign Medical Review. vol. XIX.

²⁾ Principles of Human Physiology, 4 изд. 1853 года, и Quarterly Review, October 1858.

міра. Історію этихъ послѣдующихъ событій я и постараюсь вкратцѣ изложить вамъ теперь.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, извѣстный химикъ, баронъ фонъ-Рейхенбахъ,—ислѣдованія котораго надъ составомъ углеводовъ составляютъ основаніе всѣхъ нашихъ теперешнихъ свѣдѣній о парафинѣ и другихъ сродныхъ съ нимъ продуктахъ сухой перегонки каменнаго угля,—заявилъ, что онъ открылъ существованіе субъектовъ, одаренныхъ усиленною чувствительностью, вслѣдствіе которой они способны подвергаться какому-то особенному вліянію со стороны находящихся неподалеку отъ нихъ магнитовъ и кристалловъ; и что это вліяніе магнитовъ и кристалловъ на такихъ чувствительныхъ особъ заставляетъ насъ предположить существованіе особой полярной силы, которую онъ назвалъ одиломъ, и которая, по его мнѣнію, сродна съ обыкновеннымъ магнетизмомъ, но не тождественна съ нимъ; сила эта присутствуетъ во всѣхъ матеріальныхъ веществахъ, хотя обыкновенно въ гораздо меньшей степени, чѣмъ въ магнитахъ и кристаллахъ; но она можетъ быть вызвана къ энергической дѣятельности путемъ всякаго рода физическаго или химическаго измѣненія, т. е. она развивается въ большомъ количествѣ при всякой физической или химической реакціи; а потому она особенно изобилуетъ въ человѣческомъ тѣлѣ. Рейхенбахъ видѣлъ достаточное доказательство существованія этой одилической силы, которую онъ отождествлялъ съ „животнымъ магнетизмомъ“ Месмера, въ тѣхъ особенныхъ ощущеніяхъ и притяженіяхъ, которыя испытывали его „сензитивы“, находясь по сосѣдству съ магнитами, или съ кристаллами, или съ человѣческими существами, особенно сильно заряженными этою силою. Послѣ проведенія маг-

нитовъ, нѣсколько разъ кряду, вдоль одной изъ та-
кихъ „сензитивъ“, она чувствуетъ колющее, растека-
ющееся, или стрѣляющее ощущеніе; она слышитъ за-
пахи, исходящіе изъ магнита; наконецъ; глядя на его
полюсы, она видитъ, даже среди бѣлаго дня, маленькіе
волеяны пламени, исходящіе изъ этихъ полюсовъ. Какъ,
въ магнетическомъ. снѣ, сомнамбулы нерѣдко видятъ
огонь, исходящій изъ пальцевъ магнитезера, такъ точно
и Рейхенбаховскія „сензитивы“ различаютъ въ темнотѣ
одиноческій свѣтъ, исходящій не только изъ рукъ, но
изъ головы, изъ глазъ и изо рта могущественныхъ по-
родителей этой силы. Въ особенности одна изъ изслѣ-
дованныхъ имъ личностей была одарена высокою сте-
пенью такой чувствительности; чувствительность эта до-
ходила до того, что она видѣла (въ темнотѣ) искры и
языки пламени, исходявшіе отъ обыкновенныхъ гвоздей
и крючковъ, вбитыхъ въ стѣну. Затѣмъ насъ увѣряютъ,
что руки нѣкоторыхъ изъ этихъ „сензитивъ“ такъ
сильно привлекались къ себѣ магнитами или кристал-
лами, что онѣ притягивались ими съ неудержимою си-
лою; и когда притягивающій предметъ былъ насиль-
ственно оттаскиваемъ прочь, то за нимъ влеклась не
только рука, но и все тѣло „сензитивы“. Затѣмъ, мы
имѣемъ тутъ еще одну группу фактовъ, которая приво-
дится для доказательства специальной связи между оди-
ломъ и земнымъ магнитизмомъ; а именно, насъ увѣ-
ряютъ, что многія „сензитивы“ не могутъ спать на по-
стеляхъ, стоящихъ поперегъ магнитнаго меридіана, при-
чемъ положеніе, находящееся подъ прямымъ угломъ къ
нему, для нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывается совершенно
невыносимымъ.

Ученіе Рейхенбаха было предложено англійской пуб-

ликѣ подѣ авторитетнымъ покровительствомъ покойнаго доктора Грегори, бывшаго профессора химіи въ Единбургскомъ университетѣ, который доходилъ до того, что утверждалъ, что „трудолюбивое и прекрасное изслѣдованіе Рейхенбаха доказало существованіе силы, вліянія, или невѣсомой жидкости, — все равно, какимъ бы именемъ мы ни назвали этого новаго дѣятеля, — совершенно отличной отъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ силъ, вліяній и невѣсомыхъ жидкостей, каковы теплота, свѣтъ, электричество и магнетизмъ, а также отъ всѣхъ извѣстныхъ притяженій, каковы тяготѣніе или химическое сродство“. Но для опытныхъ медиковъ, хорошо знакомыхъ съ многообразными, чисто протейными проявленіями того легко-возбудимаго, нервнаго темперамента, о которомъ мнѣ уже приходилось говорить выше, стало сразу совершенно очевиднымъ, что всѣ эти ощущенія принадлежать къ разряду тѣхъ ощущений, которыя фізіологи называютъ „субъективными“, и что то состояніе общаго чувствилища (*Sensorium*), отъ котораго они непосредственно зависятъ, представляетъ результатъ не физическихъ впечатлѣній, произведенныхъ внѣшними дѣятелями на органы чувствъ, но мозговыхъ измѣненій, связанныхъ съ идеями, которыми „одеждаемъ“ въ данную минуту духъ такого „сенситива“. Уже одинъ тотъ фактъ, что ни одно изъ обнаруженій предполагаемой новой силы не можетъ быть получено иначе, какъ черезъ посредство сознающаго человѣческаго организма, долженъ бы былъ быть совершенно достаточнымъ для изслѣдователя со сколько-нибудь научно-философскимъ складомъ ума, чтобы внушить ему мысль, что онъ имѣетъ тутъ дѣло не съ какою-либо новою физическою силою, но лишь съ особенною фазою физиче-

скаго дѣйствія, которая ничуть не представляетъ чего-либо новаго или неизвѣстнаго для людей, имѣвшихъ ранѣе случай заниматься изученіемъ вліянія духа на тѣло. Затѣмъ, самъ же Рейхенбахъ имѣлъ достаточно добросовѣстности, чтобы признать тотъ фактъ, что рука „сензитивы“, помѣщенная выше или ниже магнита, подвѣшеннаго на нитѣхъ и находящагося въ состояніи весьма чувствительнаго равновѣсія, никогда не была въ состояніи притянуть его къ себѣ; и этотъ фактъ долженъ бы былъ убѣдить его, что сила, привлекавшая руку „сензитивы“ къ магниту, не имѣетъ ничего общаго съ физическими притяженіями, дѣйствія которыхъ неизмѣнно имѣютъ повсюду и всегда взаимный характеръ, но что она представляетъ результатъ внутренняго убѣжденія самой пациентки въ томъ, что ея рука должна приблизиться къ магниту. Но Рейхенбахъ былъ до такой степени „одержимъ“ своимъ псевдо-научнымъ представленіемъ, что истинное значеніе этого факта совершенно ускользнуло отъ его вниманія; и хотя онъ считаетъ, что имъ были приняты всѣ необходимыя предосторожности, чтобы устранить отъ своихъ „сензитивовъ“ всякія внушенія, которыя могли бы повліять на ихъ образъ дѣйствій и внести въ него извѣстную намѣренность или сознательность, однако же ему ни разу не пришло въ голову попробовать одно испытаніе, которое могло бы послужить настоящимъ *experiments crucis* по отношенію ко всѣмъ воображаемымъ вліяніямъ магнитовъ,—а именно, онъ ни разу не употребилъ электро-магнитовъ, которые могутъ быть „намагничиваемы“ и „размагничиваемы“ въ одно мгновеніе, помощью простаго замыканія или размыканія электрическаго тока, которое можетъ быть сдѣлано та-

кимъ образомъ, что „сензитивъ“ не будетъ имѣть ни малѣйшихъ данныхъ, чтобы догадаться о происшедшемъ измѣненіи въ условіяхъ. То же самое замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и на недавнее увѣреніе лорда Линдсея относительно того, что мистеръ Гомъ способенъ узнавать положеніе, занимаемое постояннымъ магнитомъ, въ совершенно темной комнатѣ: стоимость этого одиночнаго факта, который можетъ быть объясненъ множествомъ различныхъ способовъ, никогда не была провѣрена съ помощью электро-магнита, пассивное или активное состояніе котораго могло бы быть сдѣлано неизвѣстнымъ не только мистеру Гому, но и никому изъ присутствующихъ. X

Экспериментальныя изслѣдованія доктора Бреда, многія изъ которыхъ были произведены въ моемъ присутствіи, скоро доказали, что „сензитивы“, подобные Рейхенбаховскимъ,—въ тѣхъ случаяхъ, когда они не представляютъ намѣренныхъ обманщиковъ (а надобно замѣтить, что истеричные субъекты обладаютъ конституціональною склонностью къ обманыванію),—могутъ ощущать, обонять и видѣть все то, что они ожидаютъ ощущать, обонять и видѣть, вслѣдствіе внушенной имъ увѣренности. Онъ нашель, что для нѣкоторыхъ личностей,—и притомъ не для однихъ только истерическихъ дѣвушекъ, но и для многихъ мужчинъ и женщинъ, казущихся въ другихъ отношеніяхъ совершенно здоровыми, но обладающихъ „въ высшей степени сосредоточеннымъ кладомъ ума и живымъ воображеніемъ“, — достаточно бываетъ только обратить ихъ вниманіе на извѣстную, особенную форму ожиданія, для того чтобы это ожиданіе вполне осуществилось. Такъ, напримѣръ, достаточно спросить,—не чувствуютъ ли они болючаго, пол-

зающаго, стрѣляющаго ощущенія, или же жара, холода, или какого-либо другаго чувства въ той части тѣла, надъ которою водятъ магнитомъ (причемъ для опыта можетъ быть взята любая часть тѣла); или не видятъ ли они свѣтлыхъ истеченій изъ полюсовъ магнита (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, даже при полномъ дневномъ свѣтѣ), или не притягиваетъ ли къ себѣ ихъ руку магнитъ или кристаллъ, находящійся отъ нихъ на разстояніи вытянутой руки, — чтобы они дѣйствительно ощутили, увидѣли и почувствовали все это. Но и этого мало. Опытъ показалъ, что тѣ же самыя ощущенія и въ той же самой мѣрѣ могутъ быть вызваны у такихъ субъектовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ удастся увѣрить, что на нихъ было подѣйствовано тѣмъ же самымъ дѣятелемъ, хотя на самомъ дѣлѣ не было сдѣлано ничего подобнаго. Такъ, на примѣръ, они продолжаютъ видѣть, въ темной комнатѣ, языки пламени, выходящіе изъ полюсовъ магнита, хотя магнитъ въ это время уже запертъ въ своей коробкѣ или даже вовсе вынесенъ изъ комнаты, конечно, скрытно отъ нихъ. Или: такъ какъ притяженіе руки магнитомъ находится вполне подъ управленіемъ тѣхъ идей, которыя были внушены предварительно „субъекту“, то каждый изъ его полюсовъ давалъ то положительныя, то отрицательныя результаты, смотря по тому, чего было угодно доктору Бреду и какъ онъ располагалъ свой опытъ. „Я знаю“, — говоритъ онъ по поводу одной изъ своихъ паціентокъ, — „что эта госпожа неспособна пожелать обмануть меня или кого-либо изъ присутствующихъ; но она обманываетъ самое себя и находится подъ непреодолимою властью извѣстной, предвзятой идеи; повѣрьте, что она сама искренно удивляется измѣнчивому дѣйствию магнита, и поражена

этимъ обстоятельствомъ ничуть не менѣе, чѣмъ осталъ-
ная публика, присутствующая при опытѣ ¹⁾“.

Однимъ изъ лучшихъ „субъектовъ“ доктора Бреда былъ одинъ господинъ, жившій въ Манчестерѣ и хорошо извѣстный со стороны своихъ прекрасныхъ способностей, высокаго умственного развитія и строгой честности. Онъ обладалъ замѣчательной способностью произвольно и во всякое время уходить, такъ сказать, въ себя и наводить на себя состояніе, сходное съ глубокой задумчивостью (и соотвѣтствующее тому состоянію, которое было названо впоследствии самымъ неподходящимъ образомъ— „біологическимъ“); въ этомъ состояніи онъ бывалъ до такой степени „одержимъ“ всякою идеею, которую ему навязывали насильственно со стороны, что всѣ его чувства и дѣйствія оказывались вполне состоящими подъ властью этой идеи. Такъ, напримѣръ, достаточно было ему положить свою руку на столъ и затѣмъ сосредоточить на ней свое вниманіе въ теченіе какой-нибудь полуминуты, чтобы быть потомъ совершенно неспособнымъ взять ее прочь, если только ему заявляли рѣшительнымъ тономъ, что онъ не можетъ сдѣлать этого. Когда его взглядъ былъ упорно устремляемъ въ теченіе нѣкотораго, хотя бы самаго краткаго времени на полюсы магнита, его можно было заставить видѣть языки пламени, исходящіе изъ этихъ полюсовъ, причемъ эти языки принимали въ его глазахъ всѣ тѣ формы и тѣ цвѣта, какіе только приходили въ голову доктору Бреду. Его нерѣдко просили положить свою руку на одинъ изъ полюсовъ магнита и сосредоточить на ней свое вниманіе въ теченіе

¹⁾ The Power of the Mind over the Body.—1846, стр. 20.

нѣсколькихъ мгновеній, послѣ чего ему заявляли рѣшительнымъ тономъ, что, теперь онъ не можетъ оторвать ее отъ магнита; и этого заявленія бывало вполне достаточно, чтобы его рука приставала къ магниту съ такою силою, что я видѣлъ самъ, какъ докторъ Бредъ таскалъ его за этотъ магнитъ кругомъ всей комнаты самымъ смѣшнымъ образомъ, сильно напомнившимъ мнѣ забавныя картинки, приложенныя Джорджемъ Круикшанкомъ къ нѣмецкой волшебной сказкѣ о золотомъ гусѣ. Это непреодолимое притяженіе было сразу уничтожено громкимъ, веселымъ восклицаніемъ доктора Бредъ: „ну, довольно, братъ!“ которое привело субъекта снова въ его нормальное состояніе съ такою же мгновенностью, съ какою пропадаетъ притяженіе сильнаго электро-магнита къ тяжелой массѣ желѣза послѣ разомкнутія электрическаго тока.

Опыты, подобные только-что описаннымъ (видѣннымъ мною впервые лѣтъ тридцать тому назадъ), повторялись съ тѣхъ поръ много разъ надъ значительнымъ числомъ лицъ, у которыхъ соотвѣтственное этому состояніе можетъ быть вызвано просто продолжительнымъ сосредоточеніемъ зрѣнія на какомъ-нибудь маленькомъ предметѣ, находящемся въ рукѣ субъекта. Эта новая форма обнаруженія „тайной“ силы привлекла впервые общественное вниманіе въ 1850 году, вслѣдствіе представленій этого рода, дававшихся парой проѣзжихъ американцевъ, величавшихъ себя „профессорами“ новаго искусства, которое они называли „электро-біологіею“. Эти американцы утверждали, что, при помощи вліянія, секретъ котораго былъ извѣстенъ только имъ однимъ, но которое зависѣло отчасти и отъ маленькаго цинковаго или мѣднаго кружка, даваемого ими въ руку „субъек-

ту“, съ приказаніемъ сосредоточить на немъ свой взглядъ самымъ упорнымъ образомъ, они могутъ подчинять себѣ самую непокорную волю, парализовать самые сильные мускулы, извращать свидѣтельства чувствъ, уничтожать воспоминаніе о самыхъ знакомыхъ вещахъ или самыхъ недавнихъ происшествіяхъ, вызывать повиновеніе любому приказанію, заставлять человѣка считать себя превращеннымъ во всякаго другаго человѣка и т. д. — и все это, и даже еще болѣе этого, они могутъ продѣлывать надъ человѣкомъ въ то время, когда онъ находится въ совершенно бодрствennomъ состояніи. Имъ вскорѣ удалось привлечь на свои представленія многочисленную публику; и рѣдко бывало, чтобы въ многолюдномъ собраніи имъ не удавалось добыть какихъ-нибудь въ высшей степени замѣчательныхъ явленій изъ совершенно незнакомыхъ имъ лицъ, добросовѣстность которыхъ не могла быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ немногочисленнымъ, особенно впечатлительнымъ „субъектамъ“, которыхъ не всегда легко встрѣтить и которые возбуждаютъ подозрѣнія со многихъ сторонъ, „магнетизеры“, прибѣгающіе къ этому приему, всегда находятъ почти во всякомъ кружкѣ людей нѣсколькихъ личностей, которыя способны сами наводить на себя „біологическое“ состояніе посредствомъ упорнаго направленія своихъ глазъ на одну точку, находящуюся на разстояніи обыкновеннаго чтенія, въ продолженіе періода времени, колеблющагося между пятью и двадцатью минутами; впрочемъ, когда этотъ опытъ бывалъ повторяемъ достаточно часто, то результатъ достигался обыкновенно черезъ гораздо болѣе короткій промежутокъ времени. Въ этомъ состояніи все теченіе мыслей направляется внушеніями извнѣ;

собственный же контроль „субъекта“ надъ ходомъ его мыслей совершенно прекращается на это время. Однако, это состояніе отлично отъ сомнамбулизма, и именно съ той точки, что человѣкъ въ продолженіе его не спитъ, а бодрствуетъ, т. е. что онъ въ большинствѣ случаевъ владѣетъ въ это время всѣми своими чувствами и обыкновенно, хотя и не всегда, сохраняетъ ясное воспоминаніе обо всемъ томъ, что происходило съ нимъ въ это время. На самомъ дѣлѣ, между такъ называемымъ „біологическимъ“ состояніемъ и состояніемъ „магнетическаго“ или „месмерическаго“ сна существуетъ рядъ постепенныхъ переходовъ, все равно какъ состояніе глубокой задумчивости, или такъ-называемаго „сна на-яву“, переходитъ постепенно въ состояніе обыкновеннаго сна. Всѣ странныя явленія этого „біологическаго“ состоянія сводятся къ одному простому принципу, а именно къ „одержанію“ духа одною господствующею идеею, отъ которой, какъ бы нелѣпа она ни была, субъектъ никакъ не можетъ освободиться путемъ провѣрки ея посредствомъ данныхъ дѣйствительнаго опыта; ибо, будучи лишень на время способности самоуправленія, онъ не имѣетъ возможности провѣрить и исправить состояніе своихъ идей посредствомъ сравненія его съ внѣшними реальностями; и это временное прекращеніе способности самоуправленія въ сферѣ умственной дѣятельности бываетъ тутъ часто на столько же полнымъ, какъ и при обыкновенномъ сновидѣніи, такъ что хотя чувства тутъ и бодрствуютъ, но они не могутъ быть употреблены въ дѣло. Но это состояніе можетъ распространяться и на одно только какое-нибудь чувство, такъ что впечатлѣнія, получаемыя остальными чувствами, могутъ передаваться духу въ своемъ истинномъ видѣ. Такъ, напри-

мѣръ, я самъ видалъ случаи, когда субъектъ, приведенный въ „біологическое“ состояніе, находилъ въ простой водѣ любой в к у с ь, какой только приходилъ въ голову экспериментатору: прихлебывая изъ стакана чистую воду, онъ воображалъ, что онъ пьетъ молоко, кофе, вино или пиво, однимъ словомъ все, въ чемъ увѣрялъ его экспериментаторъ, и что онъ ожидалъ, вслѣдствіе этого, найти въ своемъ стаканѣ; но первый же взглядъ на жидкость мгновенно выводилъ его изъ заблужденія. Въ другихъ случаяхъ, человекъ видитъ молоко, кофе, вино или пиво, — смотря по тому, чего желаетъ экспериментаторъ, — но онъ мгновенно исправляетъ свою ошибку, какъ только ему дадутъ попробовать на в к у с ь видѣнную имъ жидкость. Ничего не можетъ быть забавнѣе подобныхъ опытовъ надъ субъектомъ, который не имѣетъ никакихъ предчувствій на этотъ счетъ, но всѣ воспріятія котораго находятся вполне подъ властью внушаемыхъ ему идей. Его можно заставить обнаружить всѣ внѣшніе признаки наслажденія, которое было бы вызвано у него самыми любимыми его кушаньями и напитками, и затѣмъ эти обнаруженія удовольствія могутъ быть обращены въ одинъ моментъ въ выраженія величайшаго отвращенія просто посредствомъ одного только слова, которое превратитъ (конечно, лишь въ его идеяхъ) находящееся передъ нимъ кушанье или питье во что-либо такое, чего онъ не можетъ терпѣть. Точно также, въ то время, когда онъ воображаетъ себя пьющимъ чашку чая или кофе, его можно заставить думать, что этотъ чай или кофе очень горячъ, послѣ чего его нельзя будетъ принудить пить его иначе, какъ крошечными хлебками; но чрезъ одно мгновеніе послѣ этого, онъ будетъ готовъ пить большими глотками, если

только увѣрить его, что жидкость уже совершенно простыла. Скажите ему, что мѣсто, на которомъ онъ сидитъ, начинаетъ разгорячаться подъ нимъ и что вскорѣ онъ не будетъ въ состояніи терпѣть долѣе такого жара, и вы увидите, какъ, черезъ нѣсколько времени онъ безпокойно заерзаетъ на своемъ мѣстѣ и, наконецъ, вскочить на ноги, со всѣми признаками того, что онъ находитъ невозможнымъ выносить долѣе нестерпимый жаръ. Увѣрьте его въ то время, какъ онъ твердо держитъ въ рукѣ свою трость, что она обожжетъ его, если онъ будетъ продолжать держать ее, или что она становится такъ тяжела, что онъ не въ состояніи долѣе держать ее, и вы увидите, какъ онъ немедленно выпуститъ ее изъ рукъ, съ жестами, соотвѣтствующими той изъ этихъ идей, которую вы внушили ему.

Конечно, мнѣ могутъ возразить, что всѣ тѣ факты, которые я представилъ вамъ, какъ реальныя явленія, были результатами простаго притворства, и такъ какъ подобное притворство не представляетъ ничего особенно труднаго, то, конечно, это возраженіе должно считаться вполне допустимымъ. Но всѣ эти факты такъ полно согласуются съ извѣстными намъ принципами душевной дѣятельности, что мы не имѣемъ никакихъ основаній подозрѣвать тутъ умысленный обманъ, когда такіе факты наблюдаются надъ личностями, къ добросовѣстности которыхъ мы относились съ этихъ поръ съ полнѣйшимъ и заслуженнымъ довѣріемъ. Въ самомъ дѣлѣ, почти всякій можетъ припомнить изъ своей собственной опытности нѣсколько примѣровъ случайныхъ ошибокъ, когда онъ воображалъ, что онъ видѣлъ или слышалъ что-либо, чего не было на самомъ дѣлѣ; и когда, отыскивая причину этихъ ошибокъ, онъ почти всегда отырывалъ ее въ пред-

варительномъ ожиданіи извѣстной вещи. Въ поясненіе моихъ словъ, я могу привести очень поразительный примѣръ этого рода, сообщенный докторомъ Тьюкомъ. Одна госпожа, голова которой была сильно занята вопросомъ объ уличныхъ фонтанахъ ¹⁾, идя изъ Пенрина въ Фальмутъ, увидѣла на дорогѣ недавно построенный фонтанъ, съ надписью: „аще кто жаждетъ, да придетъ сюда и пьетъ“. Черезъ нѣсколько времени она упомянула съ похвалою объ этомъ фактѣ дочерямъ одного господина, которымъ, по ея предположенію, былъ воздвигнутъ этотъ фонтанъ, и была крайне поражена, услышавъ отъ нихъ то такого фонтана вовсе не существуетъ въ этихъ мѣстахъ; вернувшись впослѣдствіи на то мѣсто, гдѣ она видѣла этотъ фонтанъ, она не нашла тамъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ камней, послужившихъ тѣмъ фундаментомъ, на которомъ ея полное ожиданій воображеніе воздвигло идеальную надстройку.

То же самое можетъ быть сказано и по отношенію къ способности экспериментатора управлять мускульными движеніями человѣка, приведеннаго въ „біологическое“ состояніе, посредствомъ увѣренія его въ томъ, что онъ долженъ или что онъ не можетъ сдѣлать то-то или то-то. Субъекта заставляютъ сложить свои руки вмѣстѣ и затѣмъ увѣряютъ его, что онъ не мо-

ст.

¹⁾ Извѣстно, что въ Англіи разныя благотворительныя особы воздвигаютъ на улицахъ, площадяхъ и пр. маленькіе фонтаны, украшенные обыкновенно благочестивыми надписями и служащіе для освѣженія жаждущихъ прохожихъ и даже собакъ, для которыхъ обыкновенно устраивается внизу особый маленькій водоемъ. Одинъ англичанинъ, Ричардъ Уоллесъ, понаставилъ такихъ фонтанчиковъ даже въ Парижѣ, гдѣ они извѣстны подъ именемъ Уоллесовскихъ.

жетъ теперь растащить ихъ одну отъ другой, послѣ чего онѣ дѣйствительно остаются такъ плотно сжатыми вмѣстѣ, какъ будто бы онѣ были склеены клеемъ, не смотря на всѣ его видимыя усилія оторвать ихъ другъ отъ друга. Или передъ субъектомъ держать руку и увѣряютъ его, что онъ не можетъ ударить по ней, и что же?—не только вся его сила кажется недостаточной для выполнения этого простаго дѣйствія, но она и дѣйствительно остается недостаточной для этого въ продолженіе всего того времени, пока онъ остается убѣжденнымъ въ невозможности для него этого дѣйствія. Такъ, мнѣ самому случалось видѣть сильнаго человѣка, то прикованнаго къ своему стулу, то неспособнаго перешагнуть черезъ лежащую на полу палку, то принужденнаго оставаться, согнутымъ почти вдвое, въ положеніи человѣка, поднимающаго что-либо съ полу,—и все это вслѣдствіе простаго увѣренія его, что онъ не можетъ двинуться съ мѣста или измѣнить своего положенія. Съ другой стороны, мы можемъ вызвать обнаруженіе необыкновенной силы въ любой группѣ мускуловъ,—какъ и у гипнотизированныхъ субъектовъ,—посредствомъ завѣренія субъекта, что ожидаемое отъ него дѣйствіе можетъ быть выполнено имъ съ величайшею легкостью. Все это опять-таки находится въ полномъ согласіи съ обыкновенною нашею опытностью: увѣренность, что мы можемъ выполнить какой-нибудь подвигъ силы или ловкости всегда укрѣпляетъ наши нервы и помогаетъ намъ въ совершеніи даннаго усилія, и, наоборотъ, наша сила крайне ослабляется нашими собственными сомнѣніями въ успѣхѣ, а еще болѣе неблагоприятнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ на насъ постороннимъ, увѣреннымъ предсказаніемъ неуспѣха.

Что касается до меня, то я видалъ множество разъ, что для достиженія того или другаго тѣлеснаго результата требуется только, чтобы умъ субъекта былъ споленъ „одержимъ“ тѣмъ или другимъ убѣжденіемъ.

Явленія этого „біологическаго“ состоянія кажутся мнѣ особенно знаменательными, вслѣдствіе того отношенія, которое существуетъ, на мой взглядъ, между ними и обширнымъ классомъ тѣхъ явленій, въ которыхъ многія хотятъ видѣть обнаруженія воображаемыхъ „спиритическихъ“ силъ. Когда извѣстное число лицъ того „сосредоточеннаго склада ума и живаго воображенія“, которые предрасполагаютъ ихъ къ впадению въ „біологическое“ состояніе, сидитъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ (въ особенности въ темнотѣ) и ожидаетъ какого-нибудь необыкновеннаго событія, какъ, на примѣръ, поднятія кверху и летанія по воздуху или какого-нибудь челоуѣка, или столовъ и стульевъ, безъ помощи какого-либо физическаго дѣятеля; или же ползанія раковъ по ихъ собственному тѣлу, или прикосновенія невидимыхъ рукъ, или звуковъ голосовъ, или появленія видимыхъ, свѣтящихся призраковъ ихъ усопшихъ друзей, то, на основаніи вполне-научной вѣроятности, можно ожидать съ большою увѣренностью, что они (подобно Рейхенбаховскимъ „сензитивамъ“) перейдутъ въ болѣе или менѣе совершенной степени въ то состояніе, которое не есть ни бодрствованіе, ни сонъ, а что-то среднее между этими двумя вещами, и въ которомъ они будутъ видѣть, слышать и осязать все, что они ожидаютъ видѣть, слышать и осязать, вслѣдствіе заранѣе составленнаго на этотъ счетъ убѣжденія ¹⁾).

¹⁾ Я оставляю въ сторонѣ вопросъ объ обманѣ; нѣтъ ника-

Взаимное же согласіе ихъ показаній, по отношенію къ имѣвшимъ мѣсто явленіямъ, — поскольку такое согласіе дѣйствительно существуетъ, — объясняется только общностью той господствующей идеи, которой всѣ они „одержимы“; что же касается до самой этой общности, то исторія представляетъ множество самыхъ странно-разнообразныхъ примѣровъ ея существованія. Поэтому, для всякаго должно быть очевиднымъ, что свидѣтельство даже одного хладнокровнаго скептика, утверждающаго, что въ дѣйствительности не произошло ничего необыкновеннаго, должно быть считаемо болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ показанія любого числа вѣрующихъ, которые какъ-бы создали испытанный ими чувственный результатъ посредствомъ предварительнаго его предвкусенія.

Теперь мнѣ слѣдуетъ показать вамъ, что подобное же ожиданіе можетъ вызывать также и движенія различныхъ родовъ, черезъ посредство нервно-мышечнаго аппарата, причемъ самъ субъектъ можетъ не имѣть ни малѣйшаго сознанія касательно своего участія или посредничества въ произведеніи этихъ движеній, — физиологическій фактъ, дающій намъ ключъ къ уразумѣнію всей тайны столоверченія и стологоворенія. Припоминая свои школьные дни, я отлично помню господствовавшее тогда между нами вѣрованіе, что кольцо, или пуговица, или какой-нибудь другой маленькій предметъ, привязанный на ниткѣ и висящій съ конца пальца, будучи приведенъ на близкое разстояніе къ стеклян-

кого сомнѣнія, что онъ часто играетъ большую роль при производствѣ такихъ явленій; но я вполне убѣжденъ, что они представляютъ часто неподдѣльные «субъективные явленія».

ному стакану, или будучи помѣщенъ внутри его, начнеть колотиться о его поверхность и ударить по ней столько разъ, сколько въ тотъ моментъ часовъ. — т. е. число его ударовъ покажетъ каждый разъ, который теперь часъ дня. Опытъ этотъ отлично удавался въ рукахъ многихъ изъ моихъ школьныхъ товарищей, которые производили его со всею добросовѣстностью, и которые, для лучшей провѣрки этого факта, подымались даже въ срединѣ ночи, когда они находились, по ихъ мнѣнію, въ полномъ невѣдѣніи относительно настоящаго времени. Но Шеврель, изслѣдовавшій этотъ вопросъ въ истинно-научномъ духѣ больше чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ ¹⁾, показалъ, что никакое усиліе воли не въ состояніи удержать руку въ абсолютномъ покоѣ, въ требующемся при этомъ положеніи, въ теченіе сколько-нибудь продолжительнаго времени; что въ подвѣшенномъ предметѣ всегда замѣчается въ этихъ случаяхъ непроизвольное дрожаніе; и что въ тѣхъ случаяхъ, когда наше вниманіе сосредоточивается на этомъ предметѣ, въ ожиданіи, что его колебанія примутъ опредѣленное направленіе, эти колебанія имѣютъ большую вѣроятность принять именно это направленіе. Но опытъ показалъ, что сохраненіе ими этого направленія продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока они находятся подъ наблюденіемъ глазъ экспериментатора, и что они немедленно теряютъ вполне всякое постоянство, какъ только онъ закрываетъ или обращаетъ въ сторону свои глаза. Изъ этого очевидно, что, при выбиваніи числа часовъ, истинное вліяніе, опредѣляющее число

¹⁾ Смотри его письма къ Амперу въ *Revue des deux Mondes*, май, 1833.

ударовъ, состоитъ на самомъ дѣлѣ въ знаніи или въ подозрѣніи, присутствующемъ въ умѣ экспериментатора, который невольно и безсознательно управляетъ дѣйствіями своихъ мускуловъ. Тоже самое рациональное объясненіе было приложено Шеврелемъ и къ другимъ случаямъ, въ которыхъ люди обращались къ этому pendule explorateur (употребленіе котораго можетъ быть прослѣжено до весьма отдаленныхъ временъ) за отвѣтами на вопросы самага разнообразнаго характера.

Впрочемъ, когда „одиль“ выступилъ на сцену, и когда толпа любознательныхъ, но ненаучныхъ изслѣдователей оказалась снова „одержимую“ идеею о неизвѣстномъ и таинственномъ дѣятелѣ, способномъ обнаруживаться безконечно разнообразными способами, pendule explorateur снова былъ пущенъ въ ходъ, подъ именемъ одометра, докторомъ Гербертомъ Майо¹⁾, который изслѣдовалъ его дѣйствія со всею внѣшнею обстановкою научной точности, хотя онъ и исходилъ при этомъ изъ предвзятаго заключенія, что колебанія одометра направляются гипотетическимъ „одиломъ“, и совершенно игнорировалъ духовное участіе въ направленіи этихъ колебаній самага экспериментатора котораго онъ предполагалъ столь же пассивнымъ, какъ термометръ или вѣсы. Съ помощью ряда тщательныхъ опытовъ, онъ убѣдился, что направленіе и предѣлы колебаній могутъ быть измѣнены или посредствомъ измѣненія природы веществъ, помѣщенныхъ подъ одометромъ, или посредствомъ прикосновенія руки личности проти-

¹⁾ Истины, скрытыя въ народныхъ суевѣріяхъ. 1851.

воположнаго пола, или же даже вслѣдствіе прикосновенія другой руки экспериментатора къ той рукѣ, которая держитъ одометръ. Мало по малу, онъ свелъ полученные имъ результаты въ рядъ опредѣленныхъ законовъ, которые онъ считалъ обладающими такимъ же постоянствомъ и неизмѣнностью, какъ законы физики или химіи. Но, къ несчастью, другіе экспериментаторы, трудившіеся надъ этимъ изслѣдованіемъ съ такою-же настойчивостью и съ такою-же добросовѣстностью, пришли къ такимъ различнымъ результатамъ, что вскорѣ стало очевиднымъ, что самая главная роль въ опредѣленіи этихъ результатовъ должна быть приписана тому обстоятельству, которое астрономы-наблюдатели называютъ „личнымъ управленіемъ“ каждаго индивида. Одинъ изъ моихъ пріятелей, докторъ и очень умный человѣкъ, находясь въ то время за границей, писалъ мнѣ длинныя письма по этому предмету, въ которыхъ онъ подробно описывалъ результаты своихъ собственныхъ изслѣдованій и спрашивалъ моего мнѣнія на этотъ счетъ. Я отвѣтилъ ему просто-напросто слѣдующее: „повторите ваши опыты снова при описанныхъ вами условіяхъ; но только на этотъ разъ закройте глаза или отвернитесь въ сторону, и пусть кто-нибудь другой наблюдаетъ за колебаніями и записываетъ получающіеся результаты; при этомъ вы скоро найдете, — если я только не ошибаюсь, — что колебанія начнутъ обнаруживать полное отсутствіе того постоянства, которое вы до сихъ поръ въ нихъ наблюдали.“ Въ слѣдующемъ же своемъ письмѣ, онъ увѣдомилъ меня, что дѣло произошло точь въ точь такъ, какъ я предсказывалъ, такъ что онъ плѣвнѣ согласился со мною относительно зависимости

прежняго единообразія его результатовъ отъ его же собственныхъ ожиданій.

Любопытное видоизмѣненіе „одометра“ было введено мистеромъ Реттеромъ, смотрителемъ газоваго завода въ Брайтонѣ. Онъ назвалъ свой инструментъ „магнетометромъ“. Инструментъ этотъ представляетъ форму простаго глаголя, или висѣлицы, утвержденной на солидномъ основаніи; причемъ къ свободному концу этого глаголя подвѣшивается металлическій шарикъ на нитѣ. Изслѣдователь прикладываетъ къ этому глаголю свой палецъ и, черезъ нѣсколько времени, шарикъ начинаетъ качаться; причемъ его качанія принимаютъ обыкновенно нѣкоторое опредѣленное направленіе, измѣняющееся вмѣстѣ съ измѣненіемъ обстоятельствъ, точъ въ точъ такъ, какъ въ „одометрѣ“ доктора Майя. Для многихъ лицъ, въ томъ числѣ и для самаго мистера Реттера, казалось совершенно невозможнымъ, чтобы эти качанія могли зависѣть отъ какихъ-либо движеній экспериментатора; но для всякаго человѣка, когда-либо работавшаго съ микроскопомъ или телескопомъ и знающаго, какъ трудно устранить шатаніе стакана, поддерживающаго инструментъ, а также видящаго, что устройство „магнетометра“ какъ разъ таково, при которомъ самое малое количество сообщеннаго движенія способно производить самый большій видимый результатъ, покажется вполне вѣроподобнымъ, что колебанія шарика „магнетометра“ вызываются, поддерживаются и направляются ожиданіемъ экспериментатора въ такой же точно мѣрѣ, какъ и въ томъ случаѣ, когда такой шарикъ свѣшивается прямо съ пальца изслѣдователя. Опытъ скоро показалъ, что оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ; ибо вскорѣ было найдено, что постоянство колебаній зависѣло

вполнѣ отъ наблюденія экспериментатора надъ ихъ направлениемъ, — съ помощью ли собственныхъ глазъ, или черезъ посредство кого-либо другаго; кромѣ того, было найдено, что когда въ условіяхъ опыта было производимо, безъ вѣдома экспериментатора, такое измѣненіе, которое, теоретически, должно было измѣнить направление колебаній, то никакого такого измѣненія не появлялось.

Тайныя силы, управляющія дѣйствіями „магнетометра“, были обнаружены очень забавнымъ образомъ докторомъ Мадденомъ, гомеопатическимъ врачомъ въ Брайтонѣ, который вздумалъ испытывать съ помощью этого снаряда цѣлебныя свойства своихъ „крупинокъ“, по отношенію къ которымъ онъ имѣлъ, конечно, свои собственные, заранѣе составленныя представленія. Первые его опыты дали результаты, вполнѣ совпадавшіе съ его идеями насчетъ свойствъ различныхъ „крупинокъ“: ибо, когда онъ бралъ въ свободную руку крупинку одного лекарства, подвѣшенный шарикъ качался въ продольномъ направленіи; когда же онъ перемѣнялъ эту крупинку на крупинку лекарства, обладавшаго противоположными свойствами, направленіе колебаній становилось поперечнымъ. Но, вслѣдъ за докторомъ Мадденомъ, рядъ совершенно такихъ же опытовъ былъ предпринятъ другимъ гомеопатическимъ врачомъ; причемъ полученные имъ результаты также согласовались съ его собственными понятіями о цѣлебныхъ свойствахъ различныхъ крупинокъ, но за то ничуть не сходились съ результатами, полученными ранѣе докторомъ Мадденомъ. Удивленный этимъ обстоятельствомъ, этотъ послѣдній началъ изслѣдовать дѣло съизнова; но, на этотъ разъ, онъ принялъ одну предосторожность, которую со-

вершенно упустилъ изъ виду при первыхъ своихъ опытахъ: а именно, при вторичномъ изслѣдованіи, крупинки были вкладываемы ему въ руку другимъ лицомъ, которое не давало ему ни малѣйшаго намека насчетъ того, какую именно крупинку оно вручаетъ ему. Какъ только онъ сталъ дѣйствовать по этому плану, все дѣло немедленно измѣнило свой видъ: крупинки, вызывавшія въ одномъ случаѣ продольныя качанія, давали въ другой разъ качанія въ поперечномъ направленіи, и крупинки самыхъ противоположныхъ лекарственныхъ свойствъ не обнаруживали никакого различія въ направленіи вызываемыхъ ими качаній. Такимъ образомъ, докторъ Мадденъ скоро пришелъ къ убѣжденію, — которое онъ и заявилъ съ полною искренностью, дѣлающею ему большую честь, — что въ основаніи всей построенной имъ системы лежало ни болѣе ни менѣе, какъ его же собственное ожиданіе отъ cadaго опыта извѣстнаго результата; это ожиданіе выражалось, совершенно безсознательно для него самаго, въ произвольныхъ и незамѣтныхъ движеніяхъ его пальца, которыя и сообщали ритмическое дрожаніе оправѣ инструмента, въ то самое время, какъ самъ экспериментаторъ тщательно слѣдилъ глазами за колебаніями привѣшеннаго къ этой оправѣ шарика.

Такимъ образомъ, изслѣдованія ученыхъ экспертовъ, — не терявшихъ изъ виду тѣхъ источниковъ ошибокъ, которые постоянно являются на сцену, съ введеніемъ въ дѣло человѣческаго элемента, — доказали, что гипотеза одилической силы совершенно лишена всякаго основанія; и что явленія, принимавшіяся за указанія на ея существованіе, могутъ быть сведены всегда къ физиологическому состоянію тѣхъ человѣческихъ орга-

низмовъ, чрезъ посредство которыхъ они обнаруживаются. Надобно замѣтить, что принципъ, утверждающій, что состояніе „внимательнаго ожиданія“ способно давать начало какъ ощущеніямъ, такъ и произвольнымъ движеніямъ, — смотря по свойству ожиданія, — не былъ изобрѣтенъ нарочно для этого случая, но признавался давнымъ давно въ наукѣ физиологіи; тѣмъ не менѣе, только что описанныя мною явленія должны считаться такими примѣрами проявленія этого закона, которыя наиболѣе „чреваты важными послѣдствіями.“

Я считаю, что этотъ же самый принципъ можетъ доставить намъ истинное научное объясненіе воображаемой тайной силы, скрытой въ такъ-называемомъ „волшебномъ прутѣ“, который часто употребляется въ маловодныхъ мѣстностяхъ для отыскиванія подземныхъ источниковъ, а въ горнозаводскихъ округахъ — для открытія рудныхъ жилъ. Эта „волшебная палочка“ представляетъ просто прутъ, — обыкновенно орѣховый, — виллообразно развѣтвленный на одномъ своемъ концѣ и имѣющій, вслѣдствіе этого, форму латинской буквы Y. „Вѣдунъ“ прохаживается съ этимъ прутомъ по изслѣдуемой мѣстности, твердо держа его обѣими руками за два верхніе, короткіе рожка, и притомъ такъ, что средній длинный его стержень бываетъ устремленъ впередъ. По истеченіи нѣкотораго времени, конецъ стержня внезапно обращается книзу, причемъ, какъ говорятъ, онъ нерѣдко какъ бы перегибается и старается вырваться изъ рукъ, въ особенности-же когда „вѣдунъ“ держится за рожки очень крѣпко. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конецъ прута обращается даже назадъ, т. е. оказывается внезапно направленнымъ не отъ тѣла вѣдуна, но къ его тѣлу. Теперь нужно сказать, что существуетъ

очень значительная масса, повидимому, вполне достоверных свидѣтельств насчетъ того, что, начавъ рыть землю на мѣстахъ, указанныхъ этимъ способомъ, люди находили въ глубинѣ источникъ воды или жилу металлической руды. Вполнѣ вѣрно также и то, что существованіе этой способности открывать такимъ образомъ воду или руду представляетъ предметъ непоколебимой вѣры для очень большого числа умныхъ и образованныхъ личностей, бывшихъ самоличными свидѣтелями фактовъ, которые они принимаютъ за дѣйствительныя обнаруженія этой способности ¹⁾. Но вопросъ этотъ былъ уже тщательно изслѣдованъ, болѣе чѣмъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, гг. Шеврелемъ и Біо; и тѣ заключенія, къ которымъ они пришли экспериментальнымъ путемъ, совпадаютъ вполнѣ съ тѣми, къ которымъ я былъ приведенъ послѣдствіемъ, не зная ничего о ихъ работахъ, путемъ простаго фیزیологическаго разсужденія. Они нашли, что человѣкъ не можетъ держать твердо рожекъ такой вилки, въ теченіе четверти часа или болѣе, безъ того, чтобы у него не явилось вслѣдствіе этого состоянія мускульнаго напряженія, которое не разрядилось бы подъ конецъ движеніемъ, причемъ это движеніе дѣйствуетъ на рожки вилки такимъ образомъ, что заставляетъ ея средній стержень показывать своимъ концемъ или вверхъ, или внизъ, или въ сторону. На моментъ этого разряженія и на направленіе движенія имѣетъ огромное вліяніе, — какъ и при качаніяхъ маленькихъ предметовъ, висящихъ на ниткѣ съ пальца, —

¹⁾ Такъ я получилъ еще недавно отъ одного горнаго инженера Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ брошюрку, въ которой онъ подробно описываетъ успѣхи, полученные этимъ путемъ на его собственныхъ глазахъ.

о ж и д а н і е со стороны экспериментатора; такъ что если онъ имѣеть какое-нибудь полозрѣніе или какую-нибудь догадку относительно примѣрнаго мѣстонахожденія предмета его поисковъ, то, съ приближеніемъ къ такому мѣсту, произвольное и безсознательное дѣйствіе его мускуловъ заставляетъ конецъ прута склониться надъ этимъ пунктомъ. }

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ мѣстностяхъ, гдѣ таинственная сила волшебнаго прута признается до сихъ поръ почти-что за догматъ вѣры, не найдется, можетъ быть, и одного человѣка изъ сорока, который могъ бы получить съ его помощью какіе-нибудь результаты; а потому очевидно, что движенія этого прута должны находится въ зависимости не отъ какого-либо физическаго дѣятеля, дѣйствующаго непосредственно на этотъ пруть, но отъ какого-то вліянія, дѣйствующаго черезъ посредство человѣка, держащаго его въ рукахъ. И я полагаю, что мы можемъ утверждать съ значительною увѣренностью, что это вліяніе есть ничто иное, какъ о ж и д а н і е извѣстнаго результата со стороны человѣка, дѣйствующаго съ помощью такого прута. Ибо многочисленные и тщательные опыты показали вполне ясно, что пруть настойчиво опускается книзу во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда „вѣдунъ“ знаетъ или полагаетъ, что онъ находится надъ источникомъ воды или рудною жилою; но что онъ даетъ крайне сбивчивые, противорѣчивые или даже просто отрицательные результаты въ тѣхъ случаяхъ, когда „вѣдуну“ завязываютъ глаза и лишаютъ его такимъ образомъ всякой возможности опредѣлить съ точностью, гдѣ онъ находится. Недавно мнѣ попался на глаза очень поразительный примѣръ этого рода, который я и намѣренъ сообщить вамъ сейчасъ.

„Одинъ изъ моихъ друзей (говорить докторъ Бирдъ ¹⁾), — пожилой священникъ, человѣкъ вполне честный и добросовѣстный, — пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ, — быть можетъ, даже въ теченіе большей части своей жизни, — репутаціею человѣка, необыкновенно искуснаго въ указаніи мѣстъ, гдѣ слѣдуетъ рыть колодцы, причемъ онъ всегда употреблялъ для этой цѣли волшебный пруть, одѣланный изъ орѣшника или же изъ свѣжей вѣтки яблони или какого-либо другого дерева. Его слава простиралась очень далеко; и рассказы о его подвигахъ по этой части, сообщавшіеся какъ имъ самимъ, такъ и другими людьми, представляли для всякого, кто придаетъ хотя какую-нибудь цѣну человѣческому свидѣтельству, такую убѣдительность, которая подавляла всякую возможность сомнѣнія. Онъ согласился дозволить мнѣ произвести надъ нимъ нѣкоторые опыты; и мнѣ потребовалось лишь нѣсколько минутъ, чтобы доказать, что его воображаемая способность была просто самообольщеніемъ, и что она объяснялась вполне безсознательными мускульными движеніями, представлявшими результатъ ожиданія и совпаденія. Черезъ его собственный дворъ пробѣгала струя воды, по узкой трубѣ, закопанной на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ отъ поверхности земли; и когда онъ ходилъ съ своимъ прутъ по направленію этой трубы или по близости отъ нея, пруть постоянно и настойчиво указывалъ внизъ и даже нѣсколько разъ ясно перевертывался въ его рукахъ. Я отмѣтилъ всѣ эти мѣста; затѣмъ завязалъ ему глаза, поводилъ его туда и сюда, пока онъ совершенно

¹⁾ Review of Medicine and Pharmacy. New-York. Sept. 1875.

потерялъ сознание относительно того, гдѣ онъ находится, и затѣмъ привелъ его на прежнее мѣсто, по которому провелъ его нѣсколько разъ, — и что-же? хотя пруть опускался книзу множество разъ, ни разу не указалъ онъ ни на одно изъ указанныхъ имъ прежде мѣстъ, или на одинъ изъ близкихъ къ нимъ пунктовъ.

Я отлично помню, какъ мистеръ Дилькъ (дѣдъ нынѣшняго члена парламента, сэра Чарльза Дилька) рассказывалъ мнѣ, лѣтъ 35 тому назадъ, объ опытѣ этого рода, произведенномъ имъ самимъ надъ однимъ молодымъ португальцемъ, явившимся къ нему съ рекомендательнымъ письмомъ, въ которомъ описывалась его въ высшей степени замѣчательная способность открывать, съ помощью волшебнаго прута, всяческіе металлы, скрытые отъ человѣческаго взгляда. Семья мистера Дилька находилась въ это время въ его имѣніи, куда она выѣхала на лѣто; вся же металлическая посуда, имѣвшаяся въ хозяйствѣ, была переслана на это время въ квартиру самого мистера Дилька, въ Адельфи, куда и явился къ нему молодой португалецъ. Мистеру Дильку пришло на мысль воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы испытать чудесную способность своего посѣтителя. Онъ сказалъ ему: „возьмите свой пруть и общитесь съ нимъ эту комнату: авось вамъ удастся найти гдѣ-нибудь здѣсь довольно большую массу металла.“ Молодой человѣкъ немедленно принялся за дѣло и, черезъ нѣсколько времени, его пруть склонился надъ огромнымъ бюро, въ которомъ была помѣщена на время металлическая посуда. Однако, видя, что тутъ были кое-какія обстоятельства, которые могли логически навести посѣтителя на правильную догадку касательно

мѣстонахожденія посуды, мистеръ Дилькъ спросилъ его, — не согласится ли онъ испытать еще разъ силу своего волшебнаго прута при такихъ условіяхъ, которыя исключаютъ всякую возможность такой догадки. Получивъ охотное согласіе молодого человѣка, онъ немедленно принялъ всѣ подходящія мѣры. А именно, онъ увезъ сундукъ съ посудою въ свое имѣніе и тайно закопалъ его тамъ, подъ самой поверхностью земли, на только-что вспаханномъ полѣ, выбравъ такое мѣсто, которое легко могло быть распознано впослѣдствіи, вслѣдствіе пересѣченія въ этомъ пунктѣ линій, проходившихъ черезъ нѣкоторыя замѣтныя деревья; послѣ чего онъ велѣлъ пройти нѣсколько разъ плугомъ по этому мѣсту, такъ, что-бы оно ничѣмъ не отличалось отъ остальнаго поля. Вызвавъ затѣмъ изъ Лондона молодого „вѣдуна“, онъ предложилъ ему разыскать на этомъ полѣ мѣсто, гдѣ зарыта та самая посуда, которую онъ такъ легко разыскалъ прежде въ бюро, стоявшемъ въ его квартирѣ, въ Адельфи. Но, на этотъ разъ, молодой человѣкъ, не имѣя рѣшительно ничего, чѣмъ бы онъ могъ руководствоваться для составленія хотя бы самой отдаленной догадки, потерпѣлъ полнѣйшую неудачу. Мистеръ Дилькъ вынесъ изъ всего его поведенія такое впечатлѣніе, что онъ вовсе не былъ обманщикъ, но что онъ искренно вѣрилъ самъ въ свою силу, какъ это несомнѣнно бываетъ съ „вѣдунами“ горныхъ округовъ. Завязываніе глазъ „вѣдуну“ и послѣдующее плутаніе съ нимъ по всевозможнымъ направленіямъ до тѣхъ поръ, пока онъ потеряетъ всякое представленіе о томъ, гдѣ онъ находится, представляютъ, конечно, очень хорошее испытаніе его способности; но надо замѣтить, что это испытаніе приложимо только въ тѣхъ случаяхъ, когда такой

„вѣдунъ“ дѣйствуетъ по чистой совѣсти; потому-что, въ слѣдующемъ чтеніи, я покажу вамъ, что завязываніе глазъ человѣку есть операція, требующая очень большихъ и очень тщательныхъ предосторожностей, когда этотъ человѣкъ рѣшился видѣть во что бы то ни стало. И я считаю довольно вѣроятнымъ, что тѣ немногочисленные случаи, въ которыхъ „вѣдуны“ выдерживали съ кажущимся успѣхомъ это испытаніе, объясняются просто тѣмъ, что возможность видѣть не была тутъ уничтожена въ достаточно удовлетворительной степени.

Есть еще одно добавочное соображеніе, заставляющее насъ приписывать дѣйствіе волшебнаго прута мускульнымъ движеніямъ „вѣдуна“, вызываемымъ у него тѣмъ состояніемъ ожиданія, въ которомъ онъ находится (причемъ это ожиданіе, быть можетъ, не всегда бываетъ сознательнымъ). Это соображеніе вытекаетъ для меня изъ разнообразія тѣхъ способностей, которыя приписываются такому пруту. Въ самомъ дѣлѣ, онъ употребляется и для распознаванія убійцъ, и для указанія того направленія, въ которомъ они убѣжали, и для разысканія утраченныхъ поземельныхъ границъ (межъ), и для узнанія мѣсторожденія и родителей найдѣнышей и пр., и пр. Древніе писатели не выражаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности силъ; скрытыхъ въ такой орѣховой рогулкѣ; и всѣ ихъ ученныя разсужденія по этому поводу относятся лишь къ разрѣшенію вопроса о томъ, — имѣютъ-ли эти силы естественное или дьявольское происхожденіе. Когда, въ прошломъ столѣтіи, явленія электричества и магнетизма стали предметами научнаго изслѣдованія, но еще не были подведены подъ власть строгихъ, неизблѣмыхъ законовъ, многіе, весьма естественно, охотно ухватились за этихъ новыхъ, удоб-

ныхъ дѣятелей для объясненія таинственныхъ свойствъ волшебнаго прута, такъ какъ эти дѣятели казались какъ бы нарочно созданными для объясненія всего того, что не поддавалось никакимъ другимъ объясненіямъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ физики и фізіологи пришли къ согласному убѣжденію, что движущая сила волшебнаго прута доставляется ничѣмъ инымъ, какъ мускулами самого „вѣдуна“, имъ осталось разрѣшить еще только одинъ вопросъ, а именно, — что вызываетъ къ дѣйствію эти мускулы? Выше, я привелъ вамъ весьма убѣдительныя доказательства того, что опредѣленность колебаній подвѣшенныхъ предметовъ зависитъ отъ произвольныхъ движеній экспериментатора, являющихся безсознательнымъ для него результатомъ того состоянія о ж и д а н і я, въ которомъ онъ находится; очевидно, что всѣ эти доказательства могутъ быть приложены и здѣсь, ибо всѣ они ясно указываютъ на то заключеніе, что, въ воображаемыхъ таинственныхъ способностяхъ волшебнаго жезла, мы имѣемъ лишь другой случай того же самаго рода. Всякому извѣстно, что люди, хорошо знакомые съ геологическимъ строеніемъ даннаго округа, часто бываютъ способны сказать съ большою увѣренностью и очень правильно, на какомъ мѣстѣ и на какой глубинѣ можетъ быть найдена вода; извѣстно также, что люди, не имѣющіе такихъ научныхъ познаній, но обладающіе значительной практической опытностью, часто приходятъ къ не менѣе правильнымъ заключеніямъ на этотъ счетъ, причемъ они обыкновенно бываютъ неспособны указать тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ приходятъ къ такимъ заключеніямъ. Точъ въ точъ тоже самое можетъ быть сказано и по отношенію къ распредѣленію минераловъ въ извѣстномъ округѣ: извѣстно,

что сметливая догадка наблюдательнаго рабочаго часто указывала совершенно правильно истинное мѣстонахожденіе рудной жилы, въ то время, какъ научныя разсужденія горнаго инженера оказывались совершенно бесплодными на дѣлѣ. Этотъ же самый фактъ мы постоянно встрѣчаемъ и въ другихъ областяхъ жизни. Оглядываясь вокругъ себя, мы можемъ сплошь и рядомъ видѣть отдѣльныхъ личностей, приходящихъ къ извѣстнымъ заключеніямъ путемъ простой интуиціи, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажется врожденною, въ другихъ же случаяхъ—приобрѣтенною опытомъ; при этомъ они обыкновенно не могутъ привести никакихъ доказательствъ, никакихъ соображеній въ пользу своихъ заключеній и, однако-же, послѣдующія событія показываютъ, что ихъ заключенія были вполне правильны. Я думаю, что и волшебный пруть есть лишь особенный способъ выраженія результатовъ автоматическаго процесса этого рода, причемъ такое выраженіе имѣетъ здѣсь мѣсто прежде, чѣмъ эти результаты достигнутъ до яснаго умственнаго сознанія. Тому же самому дѣятелю слѣдуетъ приписать, по всей вѣроятности, и многіе другіе, крайне разнообразныя, методы угадыванія, употребляемые съ полною вѣрою въ ихъ дѣйствительность и съ совершенной добросовѣстностью въ пріемахъ, — какъ, напримѣръ, нашъ англійскій способъ разыскиванія украденнаго имущества съ помощью библии и ключа.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, слѣды, оставленные въ мозгу прошедшими событіями, доставляютъ всѣ нужные матеріалы для автоматическаго развитія результата (какъ это несомнѣнно бываетъ въ сновидѣніяхъ), въ то время, какъ самыя событія уже позабыты человекомъ.

Многіе случаи такъ-называемаго „чтенія въ чужихъ мысляхъ“ также ясно могутъ быть подведены подъ эту же самую категорію явленій. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, одна личность непроизвольно сообщаетъ нужное свѣдѣніе посредствомъ безсознательнаго движенія нѣкоторыхъ изъ своихъ мускуловъ, а другая — автоматически истолковываетъ себѣ полученное указаніе, — какъ это можно видѣть хотя-бы на слѣдующемъ примѣрѣ. Одинъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ, собравшихся въ известной комнатѣ, уходитъ за дверь; а остальные, во время его ¹⁾) отсутствія, прячутъ какую-нибудь вещь. Послѣ возвращенія отсутствующаго, два человѣка, знающіе, гдѣ спрятана вещь, становятся у него по сторонамъ и устанавливаютъ между собою и имъ какое-либо непосредственное соприкосновеніе; одинъ способъ установленія такого соприкосновенія состоитъ въ томъ, что каждый изъ нихъ кладетъ ему на плечо свой указательный палецъ; другой-же способъ заключается въ томъ, что каждый кладетъ ему на туловище всю ладонь, и притомъ одинъ — спереди, а другой — сзади. Послѣ этого, онъ отправляется ходить по комнатѣ, въ сопровожденіи этихъ двухъ человѣкъ, и обыкновенно вскорѣ отыскиваетъ спрятанную вещь, руководясь въ своихъ поискахъ (какъ это вполнѣ было доказано тщательнымъ наблюденіемъ и опытами) непроизвольными мускульными движеніями своихъ проводниковъ, совершенно несознающихъ этихъ движеній. А именно, каждый изъ нихъ давитъ со большею силою всякій разъ, когда отыскиваемая вещь находится на его

¹⁾ Опытъ удается столько-же хорошо и съ женщинами, и даже, можетъ быть, еще лучше.

сторонѣ, и отыскивающій невольно поворачивается въ эту сторону.

Хотя эти и многіе другіе любопытные результаты новѣйшихъ изслѣдованій оказываются строго согласными съ давно извѣстными принципами физиологіи, тѣмъ не менѣе они значительно расширяютъ наше знаніе касательно тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ наши душевныя состоянія выражаются безсознательно и произвольно въ мускульной дѣятельности; и я остановился здѣсь на нихъ съ тѣмъ большею охотою, что они даютъ, какъ мнѣ кажется (и какъ это будетъ показано въ слѣдующемъ чтеніи), истинный ключъ къ уразумѣнію нѣкоторыхъ изъ явленій спиритистическаго ясновидѣнія, т. е. тѣхъ именно явленій, которыя наиболѣе смущаютъ многихъ изъ зрителей, не желающихъ, однако, принимать спиритистическаго объясненія этихъ фактовъ.

ЛЕКЦІЯ ВТОРАЯ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ извѣстный колониальный судья, разговаривая со мною о предметѣ нашей настоящей бесѣды, сказалъ мнѣ: „придерживаясь обыкновенныхъ правилъ для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній, — правилъ, которыми я привыкъ руководиться въ отправленіи правосудія, — я не считаю возможнымъ отказывать въ довѣріи личностямъ, честность и компетентность которыхъ кажутся мнѣ стоящими внѣ всякаго сомнѣнія, когда эти личности свидѣтельствуютъ о фактахъ, которые случились, по ихъ увѣреніямъ, на ихъ собственныхъ глазахъ; а таковъ именно характеръ большинства свидѣтельствъ, которыя мнѣ случалось получать до сихъ поръ по отношенію къ явленіямъ спиритизма“. Оспаривая взгляды моего друга по этому предмету, я избралъ тогда своимъ опроверженіемъ тотъ фактъ, — хорошо извѣстный не только юристамъ-практикамъ, но и всѣмъ людямъ, обладающимъ большою дѣловою опытностью, — что вполне честные и компетентные свидѣтели постоянно расходятся въ чрезвычайной сильной степени въ своихъ показаніяхъ объ одномъ и томъ-же дѣлѣ, со-

отвѣтственно тому, каково душевное предрасположеніе каждаго изъ нихъ по отношеніи къ этому дѣлу; и я немедленно привелъ ему, въ примѣръ такихъ явленій, нѣсколько случаевъ, которые произошли на моихъ собственныхъ глазахъ и въ которыхъ предположеніе въ пользу существованія „тайныхъ“ силъ давало начало и распространеніе рассказамъ, передававшимся свидѣтелями несомнѣнной добросовѣстности, и оказывавшимися, однако, въ послѣдствіи, послѣ тщательнаго изслѣдованія дѣла, не имѣвшими ни малѣйшаго дѣйствительнаго основанія въ фактахъ.

Но въ послѣдствіи, дальнѣйшее изслѣдованіе вопроса о „цѣнности свидѣтельствъ“, во всемъ его объемѣ, привело меня къ тому, что я не только сталъ придавать еще болѣе важную роль тому, что метафизики называютъ субъективнымъ элементомъ свидѣтельства, — т. е. тому состоянію духа, въ которомъ находится свидѣтель, — но еще увидѣлъ, что мы не имѣемъ никакихъ средствъ для оцѣнки истинной стоимости свидѣтельства, если не будемъ постоянно брать за основаніе нашей оцѣнки общей опытности умныхъ и образованныхъ людей, воплощенной въ томъ, что извѣстно подъ названіемъ „образованнаго здраваго смысла“. Въ самомъ дѣлѣ, для меня стало ясно, что, во всѣхъ обыкновенныхъ судебныхъ процессахъ, свидѣтели каждой стороны показываютъ вещи, которыя могли имѣть мѣсто въ дѣйствительности, и что, въ случаѣ „взаимнаго противорѣчія свидѣтельствъ“, проницательность предсѣдательствующаго судьи и здравый смыслъ присяжныхъ направляютъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы открыть, что дѣйствительно имѣло мѣсто на самомъ дѣлѣ, причемъ они руководствуются въ своихъ поискахъ за истинною частью сравнительнымъ довѣ-

ріємъ въ различнымъ свидѣтелямъ, но отчасти и общими вѣроятностями того или другаго случая.

Я полагаю, что каждый отправитель правосудія сразу согласится признать за руководящее правило, что чѣмъ болѣе необыкновенно какое-нибудь утверждение, т. е. чѣмъ сильнѣе удаляется оно отъ обыкновенной нашей опытности,—тѣмъ сильнѣе должны быть и свидѣтельства, требующіяся для того, чтобы мы согласились признать это утверждение за истину; такъ что въ то время какъ обыкновенное свидѣтельство можетъ быть принимаемо безъ всякаго затрудненія и вполнѣ правильно за достаточное доказательство всякаго обыкновеннаго событія, мы имѣемъ право и должны требовать необыкновенной вѣскости свидѣтельствъ для установленія достовѣрности такого утвержденія, которое заключаетъ само въ себѣ внутреннюю невѣроятность, т. е. сила доказательства должна быть всегда пропорціональна степени невѣроятности. И, наконецъ, когда показаніе какого-нибудь свидѣтеля на судѣ оказывается въ полномъ противорѣчій со всеобщей опытностью человѣчества, воплощенной въ тѣхъ законахъ природы, которые признаются всѣми людьми обыкновеннаго ума и развитія, то и судьи, и присяжные имѣютъ право и должны оставить такое утверждение „безъ разсмотрѣнія“, какъ вещь, которая не могла случиться,—какую-бы цѣну ни придавали они показаніямъ этого-же самаго свидѣтеля въ другихъ, обыкновенныхъ вещахъ. Такъ, напримѣръ, предположимъ, что для подтвержденія того, что извѣстное лицо подписало свое духовное завѣщаніе въ Лондонѣ, въ такой-то день и часъ, тогда какъ цѣлая масса другихъ обстоятельствъ доказываетъ несомнѣнно, что, за

часъ до этого времени, это лицо находилось въ Единбургѣ,—какой-нибудь свидѣтель, или даже какое-бы то ни было число свидѣтелей стали-бы утверждать, что завѣщатель былъ перенесенъ „духами“ по воздуху, въ продолженіе этого часа, изъ Единбурга въ Лондонъ: я спрашиваю васъ, —неужели „здравый смыслъ“ всего суда не былъ-бы возмущенъ такимъ утвержденіемъ, желающимъ заставить его повѣрить факту, который положительно „не въ порядкѣ вещей“, *non in regum natura*? И, однако-же, въ настоящее время мы видимъ множество образованныхъ мужчинъ и женщинъ, которые подчинили свой „здравый смыслъ“ господству предубѣжденія до такой полной степени, что они рѣшаются утверждать настоятельнѣйшимъ образомъ, будто-бы мы обязаны вѣрить всякой такой чудовищной фантазіи, на основаніи показаній даже одного свидѣтеля, коль скоро этотъ свидѣтель таковъ, что мы положились-бы на его показанія въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ никакого другаго критерія, кромѣ общечеловѣческаго „здраваго смысла“¹⁾,

¹⁾ Мы принуждены переводить повсюду выраженіе «*common sense*» (по французски—*sens commun*) словами «здравый смыслъ», какъ это дѣлалось всегда и всѣми. Но замѣтимъ, что иностранная этимологическая форма этого выраженія имѣетъ нѣсколько другой оттѣнокъ, чѣмъ русская, и что это различіе не лишено значенія въ данномъ случаѣ. «*Common sense*». («*Sens commun*») значитъ, буквально: «общій смыслъ», или «общечеловѣческій смыслъ», т. е. согласное мнѣніе большинства людей, представляющее унаслѣдованный результатъ всей предыдущей опытности человѣчества. Судить на основаніи «здраваго смысла» («*common sense*») значитъ судить такъ, какъ разсудилъ-бы «всякій здраво-мыслящій человѣкъ». Русский терминъ напираетъ на слово *здрав*о мыслящій, а иностранный—на слово *всякій*, что, въ дан-

даже для различенія илюзий мономаніака отъ сужденій, извлекаемыхъ здравыми умами изъ тѣхъ-же самыхъ данныхъ. Извѣстно, что существуетъ много личностей, которыя судятъ вполне разумно обо всемъ на свѣтѣ, за исключеніемъ одного предмета; и которыя, будучи подвергнуты судебна-медицинскому испытанію, могутъ выдержать самый тщательный допросъ, не выдавъ своей слабой стороны, въ особенности если они знаютъ, изъ прежнихъ опытовъ, что именно имъ слѣдуетъ стараться скрыть отъ допросчиковъ. Однакоже экспертъ, получившій заранее вѣрное указаніе или подмѣтившій самъ болное мѣсто, обыкновенно успѣваетъ, въ концѣ концовъ, искусно дергая за эту струну, добиться такого отвѣта, который позволяетъ ему обратиться къ присяжнымъ и сказать: — „вы сами ясно видите, что пациентъ помѣшанъ на этомъ пунктѣ, хотя онъ судитъ довольно здраво обо всѣхъ остальныхъ вещахъ“. Но въ чемъ состоитъ доказательство помѣшательства въ этомъ случаѣ? Ни въ чемъ другомъ, какъ въ явномъ, нелѣпомъ

номъ случаѣ, не лишено извѣстнаго значенія, ибо авторъ говоритъ въ своей послѣдней фразѣ, что даже о здравости сужденія мы заключаемъ лишь изъ того, что оно кажется правильнымъ всякому или почти всякому человеку (а, конечно, громадное большинство людей должно считаться здоровымъ сравнительно съ ничтожнымъ меньшинствомъ). Въ русскомъ-же переводѣ, вслѣдствіе этимологическаго различія въ терминѣ, эта фраза выходитъ довольно нелѣпою: «здравый смыслъ есть единственный критерій здравости сужденія, въ отличіе отъ самообольщенія сумасшедшаго!...» Кромѣ того, иностранный терминъ лучше намекаетъ на генезисъ сужденій по «здравому смыслу», т. е. на ихъ общее происхожденіе изъ сокровищницы всей предыдущей человѣческой опытности, а потому онъ лучше гармонируетъ съ психологическими воззрѣніями нашего автора. — Прим. перев.

Разногласіи между твердымъ убѣжденіемъ испытываемой личности и тѣмъ, что весь остальной міръ принимаетъ за несомнѣнную истину,—какъ это мы можемъ видѣть, напримѣръ, когда какой-нибудь человѣкъ объявляетъ себя одною изъ личностей св. Троицы, или когда онъ утверждаетъ (какъ въ томъ случаѣ, который находится теперь у меня на рукахъ), что онъ сталъ мертвою машинаціей адскихъ силъ; и что самъ слышитъ, какъ эти силы сговариваются между собою противъ него. Мы не имѣемъ никакого другого основанія,—кромѣ показаній общечеловѣческаго „здраваго смысла“,—чтобы смотрѣть на такихъ личностей, какъ на жертвъ печальнаго самообольщенія, и не имѣемъ никакого другого оправданія,—кромѣ этого,—чтобы обращаться съ ними сообразно съ этимъ взглядомъ на ихъ состояніе. Ихъ убѣжденія вполнѣ истинны для нихъ самихъ; они утверждаютъ совершенно искренно, что только они одни и находятся въ здоровомъ умѣ, и что все остальное человечество должно быть сумасшедшимъ, чтобы не видѣть дѣла въ томъ-же самомъ цвѣтѣ, какъ они; и все это возникаетъ изъ того, что они допустили свой духъ подпасть подъ власть извѣстной „господствующей идеи“, которая, подъ-конецъ, совершенно завладѣла ими. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, страдающій зачаткомъ меланхоліи, начинаетъ съ того, что принимается смотрѣть очень мрачнымъ образомъ на все, что имѣетъ къ нему какое-нибудь отношеніе: всѣ дѣла его ясно клонятся къ раззоренію, семья его и друзья чуждаются его, да и весь свѣтъ вообще становится со дня на день хуже и хуже. Подъ вліяніемъ этой болѣзненной окраски, у него являются все болѣе и болѣе извращенные взгляды на событія его настоящей жизни; его прошлое также

представляется ему теперь въ другомъ видѣ и онъ оглядывается на свои прежнія ошибки съ преувеличеннымъ неодобреніемъ и отчаяніемъ; подъ-конецъ, не только идеальныя неправильныя воспроизведенія дѣйствительныхъ событій, но и идеальныя построенія, не имѣющія почти никакихъ, или даже вовсе никакихъ, основаній въ фактахъ, овладѣваютъ сполна его умомъ, который вѣрить теперь только созданіямъ своего собственнаго воображенія и отказывается признавать исправленія, вносимыя увѣреніями окружающихъ его людей. Такъ, я видѣлъ, напримѣръ, какъ одна женщина, имѣвшая несчастіе обратить свою любовь на человѣка, не платившаго ей взаимностью, начала прежде всего съ неправильнаго истолкованія себѣ самыхъ обыкновенныхъ любезностей съ его стороны за выраженія преданной привязанности; затѣмъ, вслѣдствіе постоянного поглощенія своими собственными чувствами, она построила въ своемъ умѣ идеальныя воспроизведенія разныхъ происшествій, въ которыя она стала вѣрить понемногу какъ въ дѣйствительно случившіяся: подъ-конецъ, даже собственныя увѣренія самого предмета ея привязанности, что приписываемыя ею ему слова и поступки представляютъ плодъ ея собственнаго воображенія, не были уже въ силахъ вывести ее изъ ея самообольщенія.

Таковы, на мой взглядъ, истинныя причины, которыми слѣдуетъ объяснять и новѣйшія спиритистическія увлеченія, представляющія мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ странными самообольщеніями, овладѣвшими въ настоящее время множествомъ личностей, которыя не только вполне здравомыслящи и разсудительны по отношенію ко всѣмъ остальнымъ предметамъ, но и отличаются не-

рѣдко въ высшей степени замѣчательными умственными способностями и знаніями. Эти личности прежде всего поддаются, безъ надлежащаго изслѣдованія, расположенію вѣрить въ „тайныя“ силы; затѣмъ, поддавшись такимъ образомъ подъ власть этой вѣры, они начинаютъ объяснять себѣ все на свѣтѣ сообразно съ такимъ убѣжденіемъ. Самымъ лучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ подпаденія подъ власть подобныхъ идей мнѣ кажется ранняя культура тѣхъ научныхъ привычекъ мысли, которыя, разъ установившись, придаютъ потомъ свою форму всему послѣдующему ходу умственного развитія личности.

Настоящая сущность этого дѣла ничуть не измѣняется тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстное заблужденіе раздѣляется часто очень значительнымъ числомъ личностей, ибо, въ дѣйствительности, помѣшаннымъ оказывается иногда большинство, а тѣ немногіе, которые сохраняютъ свой „здравый смыслъ“, оказываются исключеніями. Замѣчательный примѣръ такого повальнаго помѣшательства мы имѣемъ въ преслѣдованіяхъ XVII-го вѣка противъ колдуній, — преслѣдованіяхъ, поднятыхъ, главнымъ образомъ, королемъ Іаковомъ I и его союзниками изъ духовенства, которые, опираясь на то, что „колдовство“ и другія „хитрыя козни“ осуждаются и закономъ Моисея, и апостольскою властью, „мутили народъ“ противъ людей, яко-бы занимавшихся чародѣйскими искусствами, и сжигали всякаго сомнѣвавшагося въ существованіи колдовства, какъ безбожника. На мой взглядъ, ни одна изъ страницъ „Исторіи человѣческихъ заблужденій“ не представляетъ для людей, умѣющихъ читать какъ слѣдуетъ эти страницы, такой глубокой поучительности, какъ хроника судеб-

ныхъ преслѣдованій за колдовство въ XVII столѣтїи, когда на подобныхъ судахъ предсѣдательствовали такіе судьи, какъ сэръ Матью Гэль, т. е. люди, пользовавшіеся высокою репутаціею со стороны своей учености, честности и гуманности. Эти суды не только принимали самыя пустячныя и смѣшныя обстоятельства за доказательства противъ обвиняемаго, но и вѣрили, безъ всякихъ колебаній и сомнѣній, самымъ чудовищнымъ показаніямъ. Такъ, напримѣръ, одна женщина была повѣшена въ 1663 году, на основаніи показанія одного охотника, который увѣрялъ, что заяцъ, скрывшійся отъ его преслѣдованія въ кустъ, превратился по другую сторону этого куста въ извѣстную колдунью, которая, принявъ ранѣе видъ этого животного, воспользовалась теперь этимъ скрытымъ мѣстомъ, чтобы принять снова свой настоящій видъ. И доказательства подобныхъ чудесъ не всегда основывались на показаніяхъ какого-нибудь одного свидѣтеля. Въ 1658 году, одна женщина была повѣшена по приговору Чардскихъ ассизовъ за околдованіе двѣнадцатилѣтняго мальчика, который, на глазахъ свидѣтелей, былъ поднятъ на воздухъ и летѣлъ надъ садовою стѣною на протяженіи тридцати ярдовъ; въ другой разъ, его нашли въ комнатѣ, висящимъ на воздухѣ, на высотѣ двухъ или трехъ футовъ отъ полу, причемъ ладони его рукъ были плотно прижаты къ потолочной балкѣ; и этотъ послѣдній случай былъ подтвержденъ показаніями девяти свидѣтелей, которые всѣ видѣли его самотлично въ этомъ положеніи.

Полагаютъ, что преслѣдованія за колдовство, имѣвшія мѣсто въ Шотландіи, по повелѣнію Іакова VI, равнѣе вступленія его на англійскій престолъ, стояли

жизни нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ; но дѣйствию пресловутаго акта о колдовствѣ, проведеннаго въ англійскомъ парламентѣ, подъ вліяніемъ этого государя, въ первый-же годъ по вступленіи его на англійскій престолъ, было еще разрушительнѣе и ужаснѣе. По увѣренію изслѣдователей этого вопроса, не менѣе семидесяти тысячъ человѣкъ было казнено за колдовство въ промежутокъ времени между 1603 и 1680 годами, т. е. одна эта причина погубила за этотъ промежутокъ времени гораздо большее число людей, чѣмъ всѣ религіозныя преслѣдованія, имѣвшія мѣсто при послѣднихъ Тюдорахъ.

Но, уже въ 1677 году, появилось въ свѣтъ очень ловкое сочиненіе, подъ заглавіемъ Обличеніе предполагаемаго колдовства; авторъ этого сочиненія, Вебстеръ,—имѣвшій случай видѣть лично множество судебныхъ разбирательствъ, по обвиненію въ колдовствѣ—старается доказать въ своемъ трудѣ, что вся система колдовства основана на естественныхъ явленіяхъ, на легковѣріи, на пыткѣ, обманѣ и самообольщеніи; этимъ сочиненіемъ начинается, повидѣмому, реакція въ пользу „здравого смысла“, дальнѣйшимъ успѣхамъ котораго еще болѣе способствовала революція 1688 года. Хотя обвинения въ колдовствѣ продолжали еще сыпаться съ разныхъ сторонъ, но разсудительный образъ дѣйствій главнаго судьи, лорда Гольта, — занимавшаго должность председателя по такимъ дѣламъ въ разныхъ частяхъ королевства,—приводилъ, въ большинствѣ случаевъ, къ оправданію обвиняемыхъ; когда же ихъ все-таки находили виновными и осуждали, то смертный приговоръ не приводился въ исполненіе. Въ Шотландіи, гдѣ религіозныя предубѣжденія держались въ обществѣ всего долѣе, по-

слѣдняя казнь за колдовство имѣла мѣсто въ 1772 году; самый-же актъ о колдовствѣ былъ отмѣненъ въ 1736 году. Однако-жѣ, вѣра въ колдовство продолжала еще жить и послѣ этого, и притомъ не только между невѣжественной чернью, но и между нѣкоторыми изъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей прошлаго вѣка. Такъ, на-примѣръ, Аддисонъ утверждалъ, въ началѣ этого вѣка, что мы не имѣемъ никакихъ разумныхъ основаній сомнѣваться въ существованіи колдовства; а докторъ Джонсонъ разсуждалъ такъ: не-существованіе колдуновъ и колдуній не можетъ быть доказано, а потому мы не имѣемъ достаточныхъ основаній, чтобы отрицать ихъ дьявольское искусство и силу. Но этотъ послѣдній случай принадлежитъ явно къ числу тѣхъ, въ которыхъ просвѣщенный „здравый смыслъ,“ — т. е. разумное во-площеніе общей опытности всего человѣчества, — оказался болѣе надежнымъ руководителемъ, чѣмъ самая логика. Вѣра въ колдовство не была убита научными спорами и опроверженіями; она погибла просто отъ пренебрежительнаго равнодушія общества. „Дѣтскіе вздо-ры,“ которымъ вѣрили наши предки, были просто „отброшены прочь“ взрослымъ смысломъ настоящаго по-колѣнія; свидѣтельства въ ихъ пользу, принимавшіяся когда-то безъ малѣйшихъ колебаній и считавшіяся полною убѣдительными, не считаются теперь даже за-служивающими разсмотрѣнія; и только среди нѣкото-рыхъ классовъ нашего наслѣдственно-необразованнаго населенія, стоящихъ по своему общему умственному развитію чуть-чуть что не на одномъ уровнѣ съ Гот-тентотами и Эскимосами, разныя „бабы-вѣдуньи“ все еще находятъ возможнымъ пользоваться этимъ тлѣю-

щимъ суевѣріемъ и обращать его въ источникъ денежныхъ доходовъ.

Но едва-ли есть хоть одинъ случай болѣе быстрого распространенія подобнаго повальнаго помѣшательства на преслѣдованіи колдовства между населеніемъ, заранѣе подготовленнымъ къ развитію этого помѣшательства своими теологическими „предубѣжденіями“, и столь же быстрого его упадка, подъ вліяніемъ „здраваго смысла“, вступившаго снова въ свои верховныя права, какъ тотъ, который мы имѣемъ въ замѣчательной исторіи страшной эпидеміи подобныхъ преслѣдованій, разразившейся между пуританскимъ населеніемъ Новой Англіи къ концу XVII вѣка. Началомъ этихъ преслѣдованій послужили судъ и казнь надъ однимъ бѣднымъ ирландцемъ, который, будучи нестерпимо гнусенъ для своихъ согражданъ, какъ папистъ, былъ обвиненъ въ околдованіи двухъ дѣтей, страдавшихъ какими-то конвульсивными припадками. Докторъ Коттонъ-Матеръ, членъ Гарвардской Коллегіи, принялъ одного изъ этихъ дѣтей въ свой домъ; и его то свидѣтельство касательно одержанія принятой имъ дѣвочки злыми духами и послужило главнымъ образомъ къ осужденію и казни несчастнаго ирландца. Разъ начавшись, судебное преслѣдованіе за колдовство скоро стало свирѣпствовать съ такою силою, что жертвы еѣ начали вздергиваться на висѣлицу по полудюжинѣ и болѣе заразъ, причемъ въ числѣ этихъ жертвъ оказался однажды даже священникъ, который раздражилъ противъ себя своихъ судей тѣмъ, что выразилъ сомнѣніе въ самомъ существованіи колдовства. Обвиненія становились все болѣе и болѣе многочисленными и стали, наконецъ, распространяться на личностей, пользовавшихся самымъ высокимъ об-

щественнымъ положеніемъ и общимъ уваженіемъ; такъ, напимѣръ, между прочими была обвинена въ колдовствѣ и жена священника, бывшаго однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ поборниковъ этихъ преслѣдованій. Въ виду этого, власти почувствовали необходимость, хотя бы ради собственной безопасности, положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію этой заразы. Судьи и присяжные неожиданно нашли, что они находились все это время „въ печальномъ заблужденіи и горько ошибались“; только отецъ доктора Коттона Матера, предсѣдатель Гарвардской Коллегіи, и другіе теологи продолжали крѣпко держаться на старой почвѣ. Однако, не смотря на ихъ недовольство, губернаторъ выпустилъ изъ тюремъ полтора десятка колдуновъ и колдуній и остановилъ преслѣдованіе еще противъ двухсотъ человѣкъ, которымъ грозилъ скорый арестъ по обвиненію въ этомъ же самомъ преступленіи; мѣра эта вызвала вскорѣ всеобщее одобреніе, хотя Коттонъ-Матеръ горячо протестовалъ противъ нея въ слѣдующихъ замѣчательныхъ выраженіяхъ:

„Люди плоти могутъ глумиться надъ этими вещами; но когда сотни самыхъ серьезныхъ людей, принадлежащихъ странѣ, граждане которой обладаютъ, конечно, не меньшимъ природнымъ смысломъ, чѣмъ остальное человѣчество, признаютъ эти вещи за истинныя, то никто, кромѣ людей, обуреваемыхъ злобнымъ духомъ саддукейства, не можетъ сомнѣваться въ ихъ существованіи. Я еще ни разу не сообщалъ ни одного факта, который бы не могъ быть подкрѣпленъ, въ случаѣ нужды, клятвенными показаніями гораздо болѣе почтенныхъ личностей, чѣмъ всѣ тѣ, которыя осмѣиваютъ эти необыкновенныя явленія.“

Не трудно видѣть, что эти слова изображаютъ точь въ точь то самое положеніе, какое заняли теперь новѣйшіе спириты, воскрешающіе подъ новыми формами ученія, которыя считались исчезнувшими навсегда передъ свѣтомъ новѣйшей науки. И для всякаго очевидно, что „сотни самыхъ серьезныхъ людей“, готовые привести въ оправданіе своей вѣры въ такія чудеса, какъ воздушные полеты мистера Гома и мистриссъ Геппи-Фолькманъ, или удлиненіе тѣла того-же мистера Гома, или принесеніе льду, цвѣтовъ и плодовъ духами-служителями той-же мистриссъ Геппи-Фолькманъ, торжественныя показанія очевидцевъ, обязаны въ точно такой же мѣрѣ принимать съ полнымъ довѣріемъ показанія, данныя подъ присягою и съ соблюденіемъ всѣхъ торжественныхъ формъ закона, двѣсти лѣтъ тому назадъ, передъ весьма способными судьями и честными присяжными, убѣдившимися изъ этихъ показаній въ томъ, что десятки тысячъ невинныхъ людей вступили въ преступный союзъ съ сатаною, за каковой союзъ полагается смерть на этомъ свѣтѣ и вѣчныя мученія въ будущемъ. А, съ другой стороны, невѣрующіе саддукеи настоящаго времени могутъ апеллировать къ той же самой печальной исторіи, въ оправданіе своего отказа принимать показанія поклонниковъ ученія о спиритизмѣ, которое кажется ихъ уму столь-же нелѣпымъ и нераціональнымъ, какъ и ученіе о колдовствѣ, и своего невѣрія въ дѣйствительность сообщаемыхъ спиритами явленій, которыя кажутся этимъ саддукеямъ настолько невозможными и немыслимыми, что они считаютъ за оскорбленіе своему здравому смыслу самое приглашеніе повѣрить въ ихъ дѣйствительность. Ибо и тѣ немногіе „вѣрные“, которые собрались, двѣсти лѣтъ тому назадъ, вокругъ зна-

мени рационализма и вышли на борьбу не только съ мертвымъ вѣсомъ невѣжественныхъ предразсудковъ, но и съ живою силою учености и авторитета, также не могли привести въ защиту своего положенія ничего другого, кромѣ внутренней невѣроятности свидѣтельствъ, выставлявшихся защитниками существованія колдовства; не смотря на то, что и для нихъ было ясно, что эти свидѣтельскія показанія давались (если и не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ) съ полною добросовѣстностью, и хотя истинность этихъ свидѣтельствъ часто признавалась самими несчастными жертвами, которыхъ они вели на висѣлицу, но которыя, повидимому, сами раздѣляли общее заблужденіе современниковъ на свой счетъ и цитали по отношенію къ себѣ такой взглядъ, который, по мнѣнію cadaго современнаго человѣка самаго обыкновеннаго ума, былъ ничѣмъ инымъ, какъ жалкимъ самообольщеніемъ.

Но намъ могутъ возразить, что допущеніе такого критерія равносильно оправданію невѣрія въ любое изъ тѣхъ чудесъ, которыя справедливо считаются славою новѣйшей науки. Скажите, напримѣръ, кому-нибудь, незнакому съ подобными фактами, что человѣкъ можетъ безнаказанно сунуть руку въ струю жидкаго желѣза, текущаго изъ плавильнаго горна, или что онъ можетъ опустить ее въ чанъ съ расплавленнымъ металломъ и проводить ею въ разныхъ направленіяхъ, — и вашъ слушатель откажется, вѣроятно, повѣрить вашимъ словамъ, такъ какъ подобный фактъ покажется ему совершенно невѣроятнымъ. Однако же, вы всегда можете показать ему, что ваше утвержденіе, при всемъ своемъ кажущемся противорѣчіи со всеобщей опытностью, оказывается въ дѣйствительности вполне согласнымъ съ нею.

Ибо охраненіе руки отъ испепеленія ея раскаленнымъ металломъ совершается тутъ вслѣдствіе присутствія между рукою и металломъ тонкой пленки пара, образовавшагося изъ жидкости, которой была смочена предварительно рука экспериментатора; но это явленіе есть точъ въ точъ то самое, что мы можемъ видѣть ежедневно на фактѣ скатыванія капелекъ воды съ раскаленнаго утюга, и наши прачки издавна уже пользуются этимъ, хорошо извѣстнымъ имъ, фактомъ для опредѣленія того — годится-ли температура утюга для глаженья.

Или взглянемъ, напримѣръ, на дѣло съ электрическимъ телеграфомъ и, въ особенности, съ атлантическимъ кабелемъ. Еслибы искусство прокладывать подводный телеграфъ не дошло до своего настоящаго состоянія путемъ цѣлаго ряда постепенныхъ шаговъ, большинство человѣчества, безъ сомнѣнія, только осмѣяло-бы идею—„опоясать земной шаръ человѣческой мыслью въ двадцать минутъ“; впрочемъ, даже послѣ того, какъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ депешъ было уже передано по атлантическому кабелю, къ величайшему удовольствію пославшихъ ихъ лицъ, многіе упрямые скептики продолжали упорно утверждать, что всѣ извѣстія объ этихъ успѣхахъ должны быть ложью, потому что они противорѣчатъ „здравому смыслу“. Но опять таки и здѣсь всякій человѣкъ, обладавшій достаточнымъ образованіемъ, чтобы понять научные принципы, лежавшіе въ основѣ этого предпріятія, былъ совершенно подготовленъ къ тому, чтобы признать дѣйствительность достигнутаго успѣха, и даже несчастіе, случившееся вскорѣ съ первымъ кабелемъ, ничуть не оправдало первоначальнаго скептицизма, а только послужило къ указанію

тѣхъ условій, которыя должны быть соблюдены для обезпеченія прочнаго успѣха этому важному предпріятію.

Теперь сравнимъ съ этимъ случаемъ другое забавное притязаніе на общественное довѣріе, сдѣланное однимъ остроумнымъ мистификаторомъ, какъ разъ въ то время, когда обширный успѣхъ сухопутныхъ элекрическихъ телеграфовъ впервые заронилъ въ головы европейской публики мечту о соединеніи Новаго Свѣта со Старымъ съ помощью подобныхъ-же средствъ,—и именно исторію изобрѣтенія, прозваннаго „панасилиническимъ телеграфомъ“ ¹⁾ Дѣло началось съ того, что нѣкоторыя періодическія изданія серьезно извѣстили почтеннѣйшую публику о томъ, что одинъ французскій ученый открылъ, что приведеніе, въ теченіе нѣкотораго времени, двухъ улитокъ во взаимное отношеніе устанавливаетъ такую тѣсную симпатію между ними, что всѣ послѣдующія движенія каждой изъ нихъ оказываются въ строгомъ согласіи съ движеніями другой, какое-бы разстояніе ихъ ни раздѣляло. Такъ что, еслибы какіе-нибудь два друга, изъ которыхъ одинъ находится въ Нью-Йоркѣ, а другой въ Парижѣ, пожелали разговаривать другъ съ другомъ, то имъ стоило-бы только запастись двумя одинаковыми кругами, съ нарисованными на нихъ буквами и другими фигурами, затѣмъ достать пару симпатическихъ улитокъ и назначить другъ другу опредѣленное время для бесѣды. Лицо, начинающее разговоръ, пускаетъ свою улитку ползть по кругу и останавливаетъ ее на тѣхъ буквахъ или фигурахъ, на которыя онъ желаетъ указать; улитка его друга будетъ въ это время дѣлать точъ въ точъ тоже самое и, такимъ образомъ, далекій другъ сло-

¹⁾ Panasilinic значитъ буквально «всеослиный».

жить мало-по-малу изъ этихъ буквъ и фигуръ цѣлую фразу. Я отлично помню, что нашлся не мало людей, которые повѣрили этой смѣшной нелѣпости. Мой старый другъ, докторъ Робертъ Чемберсъ, находящійся постоянно на сторожѣ всякихъ научныхъ новостей, посодѣйствовалъ съ своей стороны ея распространенію въ публикѣ, напечатавъ извѣстіе о ней въ своемъ *Chambers's Journal*, хотя онъ и поостерегся скомпрометировать самого себя выраженіемъ довѣрія къ этой новинкѣ. И я увѣренъ, что самая чудесность этого псевдо-изобрѣтенія имѣла особенную привлекательность для тѣхъ легковѣрныхъ субъектовъ, которые постоянно готовы поступить своимъ здравымъ смысломъ въ пользу любого претендента на обладаніе тайными силами, — и притомъ, повидимому, тѣмъ охотнѣе, чѣмъ чрезмѣрнѣе притязанія такого претендента.

Въ добавленіе къ только-что рассмотрѣннымъ нами примѣрамъ, я желалъ бы указать вамъ еще на спектроскопъ и радіометръ; потому что эти два случая отлично показываютъ намъ не только готовность, но и ревность людей науки къ расширенію своихъ знаній о дѣйствіяхъ силъ природы по совершенно новымъ направленіямъ, и къ принятію съ безусловнымъ довѣріемъ, на основаніи достаточныхъ фактическихъ свидѣтельствъ, новыхъ откровеній, относящихся къ такимъ предметамъ, которые лежатъ такъ далеко за предѣлами области, покрывавшейся до этого нашей прежней опытностью, что должны считаться превосходящими эту область, если и не вырывающимися прямо изъ ея сферы. Такъ, въ первомъ случаѣ, мы имѣемъ удивительную систему спектральнаго анализа, позволяющую намъ теперь изслѣдовать химическое и физическое строеніе вся-

каго небеснаго тѣла, которое только можетъ быть сдѣлано видимымъ для насъ при посредствѣ телескопа; но почему весь ученый міръ относится къ результатамъ этого анализа съ полнѣйшимъ довѣріемъ? Потому, что вся эта изумительная система спектральнаго анализа построена шагъ за шагомъ, на основаніи одного изъ наиболѣе знакомыхъ намъ научныхъ опытовъ, а именно, на основаніи темныхъ линій, пересекающихъ солнечный спектръ. Точно также и радіометръ, изобрѣтенный мистеромъ Круксомъ, былъ послѣднимъ завершеніемъ длиннаго ряда экспериментальныхъ изслѣдованій, результаты которыхъ могли быть повторены снова на опытѣ, въ любое время, передъ любымъ числомъ интересующихся этимъ лицъ; вслѣдствіе чего, основной фактъ—круговаго вращенія крыльевъ инструмента какою-то лучистой силою — былъ поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія. Я уже говорилъ вамъ въ прошлый разъ, что первоначальное объясненіе этого факта, казавшееся на первый взглядъ самоочевиднымъ,—а именно, что лучистая сила дѣйствовала въ этомъ случаѣ совершенно новымъ для науки способомъ, т. е. прямыми, механическими толчками въ крылья инструмента, — было принято вначалѣ почти всѣми учеными и, въ томъ числѣ, даже самыми знаменитыми физиками; но что потомъ рядъ крайне остроумныхъ и тщательныхъ изслѣдованій доказалъ вполне убѣдительнымъ образомъ, что на самомъ дѣлѣ дѣйствіе лучистой силы здѣсь не прямое, а косвенное, и что оно можетъ быть объяснено на основаніи прежде извѣстныхъ намъ принциповъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что исторія этого открытія и послѣдующихъ его изслѣдованій даетъ намъ хорошее предостереженіе насчетъ обязательности для всякаго

человѣка науки — истощить предварительно всевозможные способы объясненія новыхъ и странныхъ явленій, на основаніи уже извѣстныхъ намъ принциповъ, прежде чѣмъ приписывать ихъ какому-либо неизвѣстному до этихъ поръ дѣятелю; и я считаю, что это предостереженіе представляетъ одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ уроковъ, заключающихся для насъ въ открытіяхъ мистера Крукса.

И я утверждаю теперь, что уясненіе истины, по отношенію къ занимающимъ насъ въ настоящую минуту явленіямъ, требуетъ точно такого же искусства и точно такого же спеціальнаго образованія, какъ и тѣ изслѣдованія, которыя были выполнены съ помощью спектроскопа и радіометра. И я не могу не думать, что если бы Круксъ былъ подготовленъ къ своимъ спиритистическимъ изслѣдованіямъ предварительнымъ спеціальнымъ изученіемъ физическаго и душевнаго склада тѣхъ человѣческихъ инструментовъ, которые послужили ему для этихъ изслѣдованій, а также не только нормальнаго, но и ненормальнаго состоянія этихъ инструментовъ, и если бы онъ посвятилъ этимъ изслѣдованіямъ столько-же способности, искусства, настойчивости и свободы отъ предубѣжденій, сколько онъ обнаружилъ ихъ въ своихъ физическихъ изслѣдованіяхъ, то онъ пришелъ бы къ заключеніямъ, гораздо болѣе близкимъ къ взглядамъ большинства людей науки, которые, какъ я полагаю, раздѣляютъ со мной мои убѣжденія на этотъ счетъ.

Мы далеки отъ того, чтобы думать, будто бы наука разоблачила уже всѣ тайны природы; напротивъ того, мы готовы охотно признать всякаго новаго дѣятеля, или силу, если только свидѣтельства, приводи-

мы въ подтвержденіе его существованія, выдержать указанное нами выше испытаніе, т. е. строгое и тщательное изслѣдованіе со стороны искусныхъ экспертовъ. Но, при отсутствіи такихъ свидѣтельствъ, прежніе опыты вполнѣ оправдываютъ наше сомнѣніе, заставляющее насъ считать болѣе вѣроятнымъ, что самыя честныя свидѣтели сдѣлались жертвою или умышленнаго обмана, или собственнаго самообольщенія, чѣмъ признавать, что факты дѣйствительно оправдываютъ утвержденія, находящіяся въ прямомъ противорѣчій со всѣмъ „естественнымъ знаніемъ“, которымъ мы обладаемъ.

Въ подтвержденіе этого положенія, я сейчасъ покажу вамъ, что, въ каждомъ случаѣ (какой только мнѣ извѣстенъ), въ которомъ такъ называемыя „вышнія явленія“ месмеризма, приводимыя теперь въ подтвержденіе спиритизма, подвергались тщательному и всестороннему изслѣдованію, всѣ ихъ воображаемыя доказательства разлетались въ концѣ концовъ въ прахъ, обыкновенно вслѣдствіе открытія умышленнаго обмана; а отсюда мы имѣемъ полное право предположить, что и тѣ, необъясненныя еще, чудеса того же самаго рода, на которыя приверженцы спиритизма все еще ссылаются, какъ на убѣдительныя доказательства существованія „вышнихъ явленій“, подвергнутся точно такой же участи, послѣ столь же тщательнаго изслѣдованія; потому что всѣ эти неразоблаченныя еще чудеса покоятся на такихъ доказательствахъ, которыя ничуть не лучше тѣхъ, которыми обладали, казалось, въ самомъ началѣ тѣ чудеса, которыя уже подверглись полному разоблаченію.

Первыя притязанія на месмерическое ясновидѣніе были заявлены во Франціи, и французская Медицинская Академія — изучившая уже и прежде „животный

магнетизмъ“, въ его приложеніи къ производству хирургическихъ операцій—предприняла первое тщательное изслѣдованіе этой новой и еще болѣе необычайной претензіи приверженцевъ этого ученія, вслѣдствіе преміи въ 3000 франковъ, предложенной докторомъ Бурденомъ (членомъ этой Академіи) всякому, кто окажется способнымъ читать черезъ непрозрачныя вещества. Эти деньги были положены у нотариуса, на два года; а въ послѣдствіи этотъ срокъ былъ продолженъ еще на одинъ годъ. Объявленіямъ объ этой преміи была дана самая широкая гласность; лицамъ, являвшимся на это состязаніе, дѣлались всевозможныя уступки, какія только были согласимы съ полнымъ испытаніемъ дѣйствительнаго существованія той способности ясновидѣнія, которую они себѣ приписывали; и, несмотря на это, между всѣми, являвшимися на это состязаніе, не оказалось ни одного, который выдержалъ бы съ успѣхомъ сдѣланное ему испытаніе.

Но эти полныя и позорныя неудачи воображаемыхъ ясновидящихъ не были единственнымъ результатомъ этого изслѣдованія, которое принесло еще и другіе плоды; а именно, изслѣдователямъ удалось открыть тѣ мошенническіе способы, помощью которыхъ были достигнуты прежніе успѣхи, въ двухъ случаяхъ изъ числа трехъ, пользовавшихся въ то время наибольшею славой; что же касается до третьяго случая, то и въ немъ существованіе обмана было доказано почти съ такою же очевидностью, какъ и въ первыхъ двухъ.

Первый изъ этихъ случаевъ относится къ „субъекту“, представленному провансальскимъ врачомъ Гублье, который, послѣ долгаго подготовленія, послалъ свою ясновидящую, мадмуазель Эмили, въ Парижъ и поручилъ

ее тамъ тамъ на время попеченіямъ своего друга и такого же месмериста Фраппара. Этотъ господинъ, прежде чѣмъ представить ее членамъ ученой комиссіи, счелъ полезнымъ подвергнуть сначала нѣкоторымъ предварительнымъ испытаніямъ приписываемую ей способность читать съ помощью затылка. При этомъ, онъ скоро наткнулся на нѣкоторыя обстоятельства, заставившія его усумниться въ ея добросовѣстности; вслѣдствіе чего онъ задумалъ поставить ей ловушку, въ которую она немедленно и попала, такъ какъ сочла его своимъ другомъ и не ожидала съ его стороны ничего подобнаго. Впрочемъ, какъ человѣкъ разсудительный и осторожный, онъ не обличилъ ее немедленно, но позволилъ ей продолжать свои представленія. Затѣмъ, вызвавъ изъ Прованса доктора Гублье и пригласивъ къ себѣ еще нѣсколькихъ лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ, онъ заставилъ ихъ убѣдиться собственными глазами въ открытомъ имъ обманѣ. Глядя черезъ замочную скважину въ ту комнату, гдѣ мадмуазель Эмили была оставлена ими въ состояніи глубокаго магнетическаго сна, эти господа могли видѣть самолично, какъ она вскочила съ своего мѣста и стала проворно просматривать тамъ и сямъ ту книгу, надъ которою предполагалось испытывать ея воображаемую способность ясновидѣнія, и которая нарочно была оставлена въ этой комнатѣ. Понятно, что мадмуазель Эмили никогда не была представлена членамъ академической комиссіи; и докторъ Гублье со стыдомъ и досадою признался, что онъ не только позволялъ дурачить самого себя этой *maîtresse femme* въ теченіе цѣлыхъ четырехъ лѣтъ, но что онъ еще безсознательно помогъ ей обмануть множество другихъ въ высшей степени

почтенныхъ людей, жившихъ въ предѣлахъ его практики. Но вѣдь всѣ эти почтенные люди, какъ и самъ докторъ Гублье, представляютъ въ глазахъ большинства вполне достовѣрныхъ и компетентныхъ свидѣтелей; такъ что, если бы доктору Бурдену не вздумалось предложить своей преміи, этотъ случай (какъ и остальные, о которыхъ я сейчасъ расскажу вамъ) былъ бы приводимъ месмеристами и спиритами какъ безупречное свидѣтельство въ пользу дѣйствительнаго существованія ясновидѣнія. Далѣе, это быстрое открытіе обмана, не какимъ либо враждебнымъ скептикомъ, а дружески-расположеннымъ месмеристомъ, показываетъ, съ какою легкостью множество образованныхъ людей поступаютъ, подъ вліяніемъ „предубѣжденія“, своимъ „здравымъ смысломъ“ до такой сильной степени, что соглашаются вѣрить не только тому, что способность зрѣнія можетъ быть перенесена въ затылокъ, но и тому, что ясная картина какой либо страницы книги можетъ составиться въ головѣ человѣка, безъ пособія какихъ бы то ни было оптическихъ аппаратовъ. Поведеніе мистера Франшара въ этомъ дѣлѣ должно служить урокомъ всѣмъ честнымъ спиритамъ нынѣшняго времени, которые, разъ заподозривъ въ какомъ либо случаѣ сознательное мошенничество, гораздо лучше послужатъ собственному дѣлу, помогая обличить его, чѣмъ позволяя себѣ защищать мошенника.

Въ числѣ самыхъ первыхъ претендентовъ на премію Бурдена находился нѣкто Пижеръ, изъ Монпелье, который утверждалъ, что его дочь, дѣвочка одиннадцати лѣтъ, способна читать, при плотно завязанныхъ глазахъ, съ помощью кончиковъ своихъ пальцевъ, которые становятся при этомъ ея зрительными органами. При этомъ

требовалось соблюденіе лишь одного условія, — именно, чтобы глаза дѣвочки были завязаны имъ самимъ повязкою изъ чернаго бархата. Ея способность читать при этихъ условіяхъ была засвидѣтельствована пѣрами, депутатами, врачами, знаменитыми литераторами (въ числѣ прочихъ, и Жоржъ Зандъ) и издателями разныхъ газетъ и журналовъ, которымъ она была показываема въ Парижѣ, прежде представленія ея въ академическую комиссію. Однако, члены этой комиссіи оказались настолько скептическими, что потребовали доказательствъ, которыя удовлетворили бы ихъ самихъ, и съ этою цѣлью пожелали сдѣлать дѣвочку „временно слѣпою“ (употребляя выраженіе ея отца) по своему собственному способу, утверждая, что ея бархатная повязка можетъ быть сдвинута игрою ея личныхъ мускуловъ настолько, что позволить дѣвочкѣ смотрѣть книзу, изъ подъ нижняго края повязки, на книгу, находящуюся въ приличномъ случаю положеніи. Но мистеръ Пижеръ наотрѣзъ отказался отъ испытанія при этихъ условіяхъ. Тогда члены комиссіи, удостовѣрившись въ непрозрачности повязки, согласились на испытаніе въ обыкновенной его формѣ, но лишь съ однимъ условіемъ, — а именно, что книга не будетъ дана въ руки дѣвочкѣ, но будетъ помѣщена прямо противъ ея глазъ, на такомъ разстояніи, какого пожелаетъ ея отецъ. Но ея отецъ не согласился и на это условіе, послѣ чего комиссія, конечно, отказалась признать представленія его дочери за дѣйствительныя доказательства ея ясновидѣнія. Хотя бархатная повязка была дѣйствительно непрозрачна, но самая штука стала послѣ этого очень прозрачной; а между тѣмъ на нее попались пѣры, депутаты и Жоржъ Зандъ,

и только спеціальнымъ экспертамъ въ подобныхъ изслѣдованіяхъ удалось, наконецъ, открыть ее.

Третій случай былъ представленъ мистеромъ Тестомъ, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ магнетизеровъ того времени, который утверждалъ, что всякій опытный магнетизеръ бывалъ очевидцемъ проявленія этой способности по крайней мѣрѣ разъ двадцать. Увѣренный въ успѣхъ, онъ согласился подвергнуть свою ясновидящую (молодую дѣвушку) настоящему *experimentum crucis*, т. е. заставить ее читать печатные и рукописные отрывки, заключенные въ непрозрачныя коробки, причѣмъ онъ выговорилъ только одно условіе, а именно, чтобы направленіе строчекъ было указано ей заранее. Такая коробка была приготовлена и вручена дѣвушкѣ, съ требуемымъ указаніемъ. Спрошенная прежде всего самимъ мистеромъ Тестомъ—можетъ ли она прочесть то, что находится внутри коробки, она отвѣчала: да; на слѣдующій его вопросъ—какъ скоро она можетъ сдѣлать это, она отвѣчала съ увѣренностью: черезъ десять минутъ. Послѣ этого она стала вертѣть коробочку въ рукахъ во всѣ стороны и при этомъ оторвала одну изъ полосокъ бумаги, прикрѣпившихъ крышку. Это было замѣчено, послѣ чего она уже не дѣлала новыхъ попытокъ въ этомъ направленіи, но продолжала (какъ казалось) употреблять всевозможныя усилія, чтобы разобрать скрытыя строки. Такъ прошло нѣсколько часовъ; и когда мистеръ Тестъ спросилъ свою ясновидящую, сколько строкъ находится въ коробкѣ, она отвѣчала: двѣ. Послѣ этого онъ сталъ понуждать ее прочесть хотя то, что она разобрала; на что она сказала, что она видитъ слово *pois* и затѣмъ далѣе слово *sommes*. Такъ какъ она заявила послѣ этого, что

не можетъ читать болѣе, то коробка была взята изъ ея рукъ и сама дѣвушка отпущена. Когда коробка была вскрыта, заключавшійся въ ней печатный ключекъ былъ показанъ мистеру Тесту, который увидѣлъ, что онъ содержалъ шесть строчекъ одного французскаго стихотворенія, причемъ въ этихъ строчкахъ не встрѣчалось ни разу ни слова *pois*, ни слова *sommes*.

Понятно, что эта неудача ничуть не опровергаетъ ни одного изъ утвержденій мистера Теста, какъ по отношенію къ этой самой дѣвущкѣ при другихъ условіяхъ, такъ и по отношенію къ другимъ личностямъ, считаемымъ имъ ясновидящими; но она даетъ намъ полное право утверждать, что ни эта дѣвушка, ни другіе его „субъекты“ не могутъ заявлять ни малѣйшихъ притязаній на признаніе нами ихъ сверхъестественной способности; ибо очевидно, что это былъ нарочито выбранный субъектъ, представленный имъ самимъ съ полнѣйшею вѣрою въ его успѣхъ, и притомъ представленный лишь къ концу третьяго года, т. е. къ самому окончанію того срока, на который была открыта премія Бурдена; что же касается до остальныхъ видѣнныхъ имъ случаевъ, то достовѣрность и дѣйствительность ихъ опять таки не имѣютъ за себя ничего другаго, кромѣ его собственныхъ показаній. Онъ же удовлетворялся, повидимому, очень легко; ибо для всякаго ясно (если только онъ самъ не находился въ сдѣлкѣ съ своей ясновидящей), что онъ не былъ достаточно на сторожѣ противъ возможности тайнаго заглядыванія ясновидящей во внутренность коробки въ то время, какъ она вертѣла ее въ рукахъ, — методъ, который, по собственному признанію Гудена, былъ употребляемъ имъ при выполненіи его штукъ со „вторымъ

зрѣніемъ“, и на который былъ успѣшно пойманъ въо-
слѣдствіи,—какъ я сейчасъ расскажу вамъ,—одинъ изъ
извѣстнѣйшихъ нашихъ защитниковъ „трансценденталь-
ныхъ“ явленій.

Въ 1824 году, явился сюда изъ Парижа ясновидя-
щій Алексисъ, которому молва приписывала самыя не-
обыкновенныя способности по этой части. Хотя способ-
ности его и не были подвергнуты изслѣдованію Фран-
цузской Медицинской Академіи, тѣмъ не менѣе наши
извѣстнѣйшіе месмеристы съ увѣренностью утверждали,
что не существовало ничего по части ясновидѣнія, чего
бы не могъ сдѣлать этотъ молодой человѣкъ и чего бы
онъ уже не сдѣлалъ ранѣе. Онъ не только отгадывалъ
содержаніе запечатанныхъ пакетовъ и плотныхъ дере-
вянныхъ коробовъ, но и могъ дать точный отчетъ о
расположеніи и убранствѣ любой комнаты въ любомъ
домѣ, котораго онъ никогда не видалъ и о которомъ
онъ ничего не слыхалъ даже до этихъ поръ; онъ опи-
сывалъ событія, имѣвшія мѣсто на значительномъ раз-
стояніи отъ него, причемъ, къ величайшему изумленію
вопрошавшихъ (которые часто ожидали услышать нѣчто
совсѣмъ иное), событія эти оказывались въпослѣдствіи
происходившими точь въ точь такъ, какъ онъ ихъ опи-
сывалъ; онъ отыскалъ лицамъ, озабоченнымъ разыска-
ніемъ важныхъ документовъ, неизвѣстные имъ самимъ
закоулки въ ихъ жилищахъ, скрывавшіе эти документы;
однимъ словомъ, если бы все, что о немъ рассказывали,
было истинною, то онъ могъ бы заявить притязаніе на
способность, которая мало чѣмъ отличалась бы отъ все-
вѣдѣнія, если бы только онъ могъ располагать ею по
своему произволу. Но, къ сожалѣнію, способность эта,
по признанію самыхъ близкихъ его друзей, была чрез-

вычайно измѣнчива и являлась у него вспышками и порывами; и такъ какъ онъ часто бывалъ неспособенъ видѣть ясно съ самаго начала, да еще имѣлъ при этомъ несчастную привычку „думать вслухъ“, то ему постоянно случалось дѣлать множество промаховъ, прежде чѣмъ онъ приходилъ къ чему-либо похожему на истину.

Такъ какъ я самъ поселился въ окрестностяхъ Лондона какъ разъ ко времени пріѣзда этого Алексиса, и такъ какъ я нашелъ тутъ моего друга, доктора Форбса (издававшего въ то время *British and Foreign Medical Review*); заинтересованнымъ до крайней степени изслѣдованіемъ дѣйствительности приписывавшейся ему способности ясновидѣнія, то и я сталъ сопровождать отъ времени до времени моего друга на публичные и частные сеансы, на которыхъ эта способность была показываема публикѣ, но не была и испытываема надлежащимъ образомъ. Надобно сказать, что, въ то время, я далеко не былъ противникомъ ясновидѣнія; напротивъ того, я скорѣе былъ вѣрующимъ, такъ какъ мнѣ казалось невозможнымъ преодолѣть ту страшную силу свидѣтельствъ, которая была приводима въ пользу существованія этой способности; и только послѣ многократнаго личнаго наблюденія многочисленныхъ источниковъ заблужденія, которые были открыты и указаны необыкновенной проницательностью доктора Форбса, я началъ относиться также скептически, какъ и онъ, къ приписывавшемуся Алексису ясновидѣнію. Мой скептицизмъ увеличился еще болѣе, когда я увидѣлъ, какимъ образомъ его „думанье вслухъ“ (по выраженію его друзей), или его „выуживанье“ и „высасыванье“ (по выраженію скептиковъ и невѣрующихъ), помогало ему вывѣдывать нужныя ему свѣдѣнія, посредствомъ про-

ворнаго подхватыванія безсознательныхъ подсказываній его вопрошателей. Затѣмъ мое довѣріе ослабѣло еще болѣе, когда я увидѣлъ, какъ друзья Алексиса и газетные репортеры трубили, какъ о необыкновенныхъ успѣхахъ, о тѣхъ самыхъ случаяхъ, которые докторъ Форбсъ и я считали полнѣйшими неудачами, а также и о другихъ случаяхъ, въ которыхъ, — какъ это мы видѣли ясно, — никѣмъ не было принято никакихъ предосторожностей противъ возможности употребленія въ дѣло обыкновеннаго зрѣнія. Ибо постепенно мы убѣдились вполне, что Алексисъ, готовясь читать или играть въ карты, съ завязанными глазами, имѣлъ привычку устраивать дѣло такимъ образомъ, чтобы помѣшать завязать себѣ повязку сколько нибудь туго. *Cela m'étouffe* (вы меня душите), — постоянно жаловался онъ даже тогда, когда его ноздри были оставляемы на полной свободѣ.

Мы замѣчали также, что, съ самаго начала, пока онъ не могъ еще видѣть изъ подъ нижняго края повязки, онъ пускалъ въ ходъ игру своихъ лицевыхъ мускуловъ, пока онъ не сдвигалъ ее настолько, насколько это было нужно для его цѣли. Такимъ образомъ, мы пришли къ убѣжденію, что никакое испытаніе его „ясновидѣнія“ не можетъ считаться имѣющимъ какое либо значеніе, кромѣ чтенія печатныхъ или рукописныхъ отрывковъ, заключенныхъ въ деревянные коробки или въ какія либо другія совершенно непрозрачныя оболочки, и притомъ безъ всякаго пособія со стороны присутствующихъ, въ формѣ отвѣтовъ на его догадки. Испытательный сеансъ этого рода былъ организованъ докторомъ Форбсомъ въ своемъ собственномъ домѣ, и въ общемъ результатъ его оказалась полнѣйшая неудача, какъ это было признано самимъ мистеромъ Мар-

силе, — магнетизёромъ, сопровождавшимъ Алексиса на его практику. Единственное исключеніе, заслуживающее упоминанія, состояло въ томъ, что, выбравъ самъ самый тонкій изъ всѣхъ бумажныхъ конвертовъ, Алексисъ заявилъ вполне правильно, что слово, заключенное въ этомъ конвертѣ, состоитъ изъ трехъ буквъ, причемъ онъ не былъ способенъ назвать этихъ буквъ. Но и этотъ крайне слабый успѣхъ потерялъ въслѣдствіи всякое значеніе, въслѣдствіе открытія того, что для достиженія подобнаго успѣха не требуется ничего другаго, кромѣ обыкновеннаго зрѣнія. Но исторію этого открытія я расскажу вамъ ниже, въ связи съ исторіей брата и преемника Алексиса.

Такъ какъ мистеръ Марсилье не могъ отрицать того, что все изслѣдованіе велось съ полною добросовѣстностью, то онъ не былъ въ состояніи представить никакого другаго объясненія неудачи, потерпѣнной въ этомъ случаѣ Алексисомъ, кромѣ присутствія тутъ „атмосферы невѣрія“, исходившей отъ скептическихъ докторовъ, участвовавшихъ въ сеансѣ. Но что касается до самаго Алексиса, то онъ, повидимому, быстро догадался о присутствіи тутъ настоящаго *maître homme* по части ясновидѣнія и чувствовалъ на каждомъ шагѣ непреодолимыя помѣхи со стороны пронизательной сообразительности доктора Форбса. По крайней мѣрѣ онъ и мистеръ Марсилье немедленно покинули Лондонъ, отправились въ Парижъ и никогда уже больше не появлялись публично въ этой странѣ.

Однако, чрезъ годъ послѣ этого, его мѣсто было занято его братомъ, Адольфомъ, способности котораго страшно прославлялись всѣми вѣрующими и ставились ими даже выше способностей его предшественника. Док-

торъ Форбсъ снова принялся за свои изслѣдованія; и я тоже снова сталъ пользоваться каждымъ представлявшимся случаемъ, чтобы посмотрѣть самолично на обнаруженія этихъ способностей. Однажды, когда я присутствовалъ, безъ доктора Форбса, на одномъ публичномъ сеансѣ, на моихъ глазахъ случилось одно обстоятельство, которое произвело въ то время большое впечатлѣнiе. Всѣмъ намъ были розданы полоски писчей бумаги, и каждый присутствующій, желавшій испытать способности Адольфа, писалъ какое нибудь слово на верху полоски и затѣмъ складывалъ ее въ нѣсколько разъ, такъ что написанное слово оказалось покрытымъ спереди и сзади двумя или тремя слоями бумаги. Я написалъ слово Paris и сложилъ бумажку предписаннымъ образомъ; мой другъ, мистеръ Оттлей, написалъ Toulon; многія другія особы также приняли участіе въ этомъ испытаніи и писали что имъ приходило въ голову. Прежде чѣмъ передать наши бумажки ясновидящему, мы постарались тщательно удостовѣриться, держа ихъ между глазами и свѣтомъ, что написанное слово было совершенно невидимо. Не смотря на это, Адольфъ, беря наши бумажки одну за другой, и не дѣлая ни малѣйшей попытки развернуть ихъ (нѣкоторыя изъ нихъ, сколько мнѣ помнится, были даже укрѣплены печатями и облатками), называлъ безъ всякаго колебанія то слово, которое было написано въ каждой изъ нихъ. Однакоже, черезъ день или два, я узналъ отъ мистера Оттлея, что его сестра открыла, что можетъ прочесть своимъ обыкновеннымъ, естественнымъ зрѣніемъ слово, написанное на его полоскѣ, тогда какъ зрители этой штуки предполагали, что оно можетъ быть разобрано только съ помощью ясновидѣнія. Приложивъ ее ме-

тодѣ къ моей полоскѣ, я скоро нашелъ, что и я могу слѣлать то же самое. Весь секретъ состоялъ въ томъ, чтобы держать бумажку не между глазами и свѣтомъ, но такъ, чтобы свѣтъ отъ окна или лампы отражался косвенно отъ ея поверхности. И я увѣренъ, что каждый изъ васъ, послѣ небольшого упражненія, окажется способнымъ читать этимъ способомъ слова, написанныя четкимъ, но не крупнымъ, почеркомъ, хотя бы они были покрыты тремя слоями обыкновенной писчей бумаги. Это открытіе объясняетъ вполне многіе успѣхи какъ Алексиса, Адольфа, такъ и другихъ знаменитыхъ ясно-видящихъ, и даетъ намъ новое предостереженіе касательно той тщательности и тѣхъ заботливыхъ предосторожностей, съ которыми должны вестись подобныя изслѣдованія, если мы желаемъ устранить изъ нихъ всевозможные источники ошибокъ.

Заключенія, выведенныя докторомъ Форбсомъ изъ своего критическаго изслѣдованія притязаній Адольфа, оказались въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣми, къ которымъ онъ былъ приведенъ своими прежними изслѣдованіями. Оказалось, что всѣ случаи успѣха могутъ быть отлично объяснены естественнымъ путемъ, безъ всякаго приписыванія исполнителю какихъ-либо необыкновенныхъ способностей; съ другой же стороны, оказалось, что, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ тщательно принятая предосторожность устраняли всякую возможность дѣйствовать съ помощью обыкновеннаго зрѣнія, въ результатѣ неизмѣнно получались полныя неудачи. Такимъ образомъ, притязанія Адольфа, какъ и притязанія его брата Алексиса, разлетѣлись дымомъ отъ прикосновенія магическаго жезла научной экспертизы. Несмотря на страшныя усилія возстановить

свою репутацію, Адольфъ скоро нашелъ свое дальнѣйшее пребываніе въ Лондонѣ болѣе невыгоднымъ и поспѣшилъ послѣдовать за своимъ предшественникомъ. Насколько мнѣ извѣстно, всякій слухъ объ этой *rag noble fratrum* замолкъ съ тѣхъ поръ навсегда; и, конечно, они никогда не рѣшились бросить вызова Французской Медицинской Академіи и подвергнуть свои притязанія ея научному изслѣдованію.

И такъ всегда бываетъ въ концѣ концовъ со всѣми этими подложными чудесами: какими бы благовидными и правдоподобными ни казались они съ нѣкотораго рязстоянія, всѣ они исчезаютъ безъ слѣда, съ приближеніемъ къ нимъ критическаго изслѣдованія, какъ исчезаетъ пустынный миражъ, съ приближеніемъ къ нему путешественника. И, наоборотъ, дѣйствительныя чудеса науки не только выдерживаютъ испытаніе самаго критическаго изслѣдованія, но еще оказываются тѣмъ болѣе чудесными, чѣмъ полнѣе ихъ изслѣдуютъ. Кто-то отлично сказалъ, что Разумъ способенъ завести насъ въ такую даль и высь, въ которой Воображеніе почти не смѣетъ слѣдовать за нимъ. Поэтому, людямъ, желающимъ найти истинный источникъ для утоленія своей жажды къ знанію, стоитъ только послѣдовать указаніямъ спектроскопа и радіометра, чтобы придти къ такимъ чудесамъ, о которыхъ никогда и не снилось ни „провидцу изъ Пѣфкипси“, ни „ясновидящей Преворста“, ни кому-либо другому изъ препрославленныхъ „пророковъ“ месмеризма и спиритизма.

Мое искреннѣйшее желаніе — напечатлѣть въ вашей памяти тѣ уроки, которые доставляются, по моему мнѣнію, подобными обличеніями, по отношенію къ занимающему насъ теперь предмету — заставляеть меня обра-

тѣ ваше вниманіе еще на два такихъ случая. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ имѣлось множество успѣховъ самаго замѣчательнаго свойства, и въ каждомъ ихъ нихъ оказалось въ послѣдствіи, что эти успѣхи были достигнуты путемъ искуснаго обманыванія вполне честнаго покровителя такого подложнаго ясновидящаго; при чемъ этотъ покровитель оказывался въ каждомъ случаѣ (точь въ точь какъ докторъ Гублье) одураченной жертвою, безсознательно помогавшей ловкому мошеннику.

Продолжая свои изслѣдованія надъ ясновидѣніемъ, докторъ Форбсъ былъ приглашенъ однажды однимъ адвокатомъ, котораго онъ называетъ мистеромъ А. Б., присутствовать при представленіяхъ одного изъ его писцевъ, по имени Джорджа Гобля, который, по извѣщенію мистера А. Б., былъ способенъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ безошибочно прочитывать печатныя слова, заключенныя въ непрозрачныхъ коробкахъ, не прибѣгая при этомъ ни къ какимъ предварительнымъ догадамъ. Я находился въ то время въ провинціи, а потому не могъ сопровождать доктора Форбса въ его многократныхъ визитахъ въ контору мистера А. Б.; но я отлично помню, какъ онъ писалъ мнѣ, послѣ первыхъ своихъ посѣщеній, не безъ нѣкотораго душевнаго волненія, что, наконецъ-то, онъ наткнулся, повидимому, на настоящій случай ясновидѣнія. Однако же онъ скоро возвратилъ себѣ свое хладнокровіе и свой скептицизмъ и почувствовалъ, что долженъ изслѣдовать этотъ случай съ гораздо большею полнотою и обстоятельностью, прежде чѣмъ будетъ имѣть право признать его за настоящій. Вся штука Джорджа состояла въ томъ (какъ это оказалось въ послѣдствіи), что онъ ухитрился незамѣтно открыть коробочку или другую обложку и

бросить бѣглый взглядъ на ея содержаніе въ то время, какъ держалъ ее въ рукахъ, сидя или лежа внизъ лицомъ на диванѣ; а чтобы скрыть отъ присутствующихъ свою штуку, онъ спѣшилъ самъ открыть коробку въ тотъ самый моментъ, какъ сообщалъ ея содержаніе; его неудачи случались съ нимъ только тогда, когда крышка коробки бывала укрѣплена такимъ образомъ, что ему никакъ не удавалось открыть ее, не смотря на то, что онъ всячески возился съ ней въ этихъ случаяхъ по получасу и даже болѣе. Замѣтивъ, что въ каждомъ случаѣ успѣха Джорджа коробка могла быть открыта имъ, тогда какъ всѣ тѣ случаи, въ которыхъ коробка навѣрное не могла быть открыта, были полнѣйшими неудачами, — соображеніе, которое, несмотря на всю свою очевидность, повидимому, ни разу не представилось юридическому уму мистера А. Б., — докторъ Форбсъ и профессоръ Шарпи (котораго онъ пригласилъ къ себѣ на совѣтъ) придумали очень простую „контръ-штуку“, или „ловушку“, при которой для Джорджа не было уже никакой возможности открыть коробку, съ цѣлью прочтенія содержащагося въ ней слова, безъ того чтобы его штука не была немедленно же замѣчена и доказана. Этотъ приемъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ: Джорджъ упалъ на колѣни и сознался въ своемъ мошенничествѣ, но горячо увѣрялъ, что это былъ первый его проступокъ. Вы едва ли повѣрите мнѣ, — хотя я могу подтвердить свои слова подлиннымъ, письменнымъ документомъ, — когда я скажу вамъ, что патронъ Джорджа все еще продолжалъ вѣрить въ его ясновидѣніе, сдавши на его увѣренія, что онъ прибѣгнулъ къ мошенничеству только на этотъ разъ, почувствовавъ временное

ослабленіе настоящей силы. Вслѣдствіе этого, онъ просилъ доктора Форбса сдѣлать Джорджу еще одно испытаніе. Докторъ Форбсъ согласился, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что маленькая, запечатанная коробочка, содержащая въ себѣ лишь одно слово, напечатанное крупнымъ шрифтомъ, будетъ возвращена ему неоткрытою, отгаданное же слово будетъ написано на наружной ея сторонѣ. Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ сила „ясновидѣнія“ бѣднаго Джорджа оправилась отъ удара, нанесеннаго ей неожиданнымъ обличеніемъ; но, по истеченіи этихъ дней, его патронъ увѣдомилъ доктора Форбса, что Джорджъ прочелъ слово *implements* или, какъ онъ складывалъ его, — *im-pelments*, и что онъ вполне увѣренъ въ правильности своего чтенія. Но такъ какъ это слово было совсѣмъ не похоже на то, которое заключалось въ коробкѣ, то коробка была оставлена въ рукахъ мистера А. Б. еще на два мѣсяца; и такъ какъ, въ теченіе этого времени, не было заявлено никакой новой догадки, то докторъ Форбсъ открылъ настоящее слово, которое было *objections*.

Исторія этого изслѣдованія, рассказанная во всѣхъ своихъ подробностяхъ самимъ докторомъ Форбсомъ ¹⁾, доставляетъ намъ примѣръ поразительнаго контраста между терпѣливымъ и совѣстливымъ исканіемъ истины со стороны осторожнаго скептика, вполне готоваго убѣдиться, если только ему могутъ быть доставлены достаточно удовлетворительныя доказательства, и послѣднимъ легковѣріемъ адепта-энтузіаста, который не

¹⁾ *Illustrations of Modern Mesmerism from personal investigation.* London (Churchill) 1845.

только ревностно принимаетъ выводъ, противорѣчащій всеобщей опытности человѣчества, не взявъ никакихъ серьезныхъ предосторожностей противъ обмана, но еще и держится упорно за этотъ выводъ даже послѣ того, какъ обманъ не только былъ обличенъ посторонними лицами, но и удостовѣренъ собственнымъ признаніемъ обманщика. Кромѣ того, мы можемъ видѣть изъ этой исторіи также и то, какимъ образомъ, безъ вмѣшательства скептическаго „эксперта“, намъ было бы подаренъ еще одинъ случай подложнаго ясновидѣнія, неопропричемъ дѣйствительность его завѣрялась бы такими же вержими свидѣтельствами, какими насъ стараются убѣдить въ настоящее время въ существованіи „психической силы“, способной заставлять играть аккордіоны и вращать тяжелые столы и даже поднимать ихъ на воздухъ, — и все это безъ всякаго содѣйствія человѣческихъ мускуловъ.

Другой случай, который я желаю рассказать вамъ теперь, относится къ нѣкому „Джеку“, который былъ показываемъ публично въ Манчестерѣ мистеромъ Хьюисомъ въ то самое время, когда Алексисъ давалъ свои представленія въ Лондонѣ. Въ этомъ случаѣ, доказательства ясновидѣнія, — проявлявшася въ чтеніи, при полномъ уничтоженіи возможности зрѣнія посредствомъ глазъ, — казались настолько совершенными, насколько можно того желать. Глазныя вѣки Джека склеивались мѣстными докторами (которые навѣрное не были его сообщниками) посредствомъ полосокъ хиннаго пластыря; затѣмъ на глаза ему накладывали два куска кожи, которые опять таки укрѣплялись въ своемъ положеніи новыми полосками липкаго пластыря. Единственное условіе, ставившееся при этомъ мистеромъ Хьюисомъ,

состояло въ томъ, чтобы надбровныя дуги „субъекта“ оставались непокрытыми, такъ какъ, въ своемъ состояніи „ясновидѣнія“, Джекъ видѣлъ именно этими частями. Результаты этихъ опытовъ были по истинѣ изумительны: Джекъ не пускался въ догадки; онъ не нуждался въ подсказываніяхъ и наведеніяхъ на истину; онъ не зналъ неудачъ; каждый разъ онъ прочитывалъ, безъ малѣйшаго колебанія, все, что ему представляли. Мѣстные газеты были полны этимъ новымъ чудомъ; и ни одно документальное свидѣтельство въ пользу ясновидѣнія не могло быть болѣе убѣдительнымъ. Но, какъ обыкновенно, это чудо не выдержало испытанія близкаго и тщательнаго изслѣдованія. Вскорѣ одинъ молодой манчестерскій врачъ, произведшій рядъ опытовъ надъ самимъ собою, далъ публичное представленіе, на которомъ онъ продѣлалъ все то, что продѣлывалъ Джекъ, т. е. послѣ того, какъ его глаза были „задѣланы“ точь въ точь тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и глаза Джэка, и даже тѣми же самыми лицами, онъ свободно читалъ все, что ему указывали. Употребленное имъ для этого средство было очень просто: онъ дѣйствовалъ личными мускулами до тѣхъ поръ, пока не ослаблялъ нѣсколько пластырей и не получалъ щели, черезъ которую могъ читать, глядя кверху. Мистеръ Хьюисъ, присутствовавшій при этомъ представленіи, охотно согласился подвергнуть Джэка дальнѣйшему испытанію вслѣдствіе чего было немедленно рѣшено en petit comité произвести надъ нимъ опытъ въ нѣсколько иной формѣ, а именно, защитивъ его рѣсницы узкими полосками липкаго пластыря, покрыть послѣ того его вѣки толстымъ слоемъ сапожнаго вара, оставивъ, какъ всегда, его надбровныя дуги совершенно сво-

бодными. Когда это было сдѣлано (не безъ значительнаго сопротивленія со стороны Джэка, котораго сдержало только вліяніе его патрона), способность ясновидѣнія пропала безъ слѣда; но одну вещь Джэкъ видѣлъ ясно, даже и съ совершенно закрытыми глазами, а именно, что „его маленькому ремеслу пришелъ конецъ“. Его патронъ, — джентльменъ съ независимымъ состояніемъ, сдѣлавшійся дѣятельнымъ пропагандистомъ ясновидѣнія только потому, что онъ искренно увѣровалъ въ него и отдался этому дѣлу съ добросовѣстностью и преданностью, — немедленно возвратилъ назадъ деньги, полученныя за представленія Джэка; а самъ Джэкъ вернулся къ частной жизни.

Я охотно готовъ согласиться, что ни обличеніе Джека и Джорджа Гобля, ни неудачи Алексиса и Адольфа при тѣхъ условіяхъ, въ которыя они были поставлены учеными изслѣдователями, не опровергають рѣшительнымъ образомъ дѣйствительности ясновидѣнія; но я утверждаю только слѣдующее: такъ какъ самые отборные образчики обнаруженія этой способности постоянно разсыпались въ прахъ, послѣ тщательнаго ихъ изслѣдованія, то ни одинъ изъ сообщаемыхъ намъ вновь случаевъ этого рода, въ которомъ не было произведено такого обстоятельнаго изслѣдованія, не имѣетъ ни малѣйшаго права рассчитывать на наше признаніе его за случай настоящаго ясновидѣнія. Мнѣ кажется, что все то, что я сообщалъ вамъ, должно было сдѣлать вполне очевиднымъ для васъ, что до тѣхъ поръ, пока существованіе способности ясновидѣнія не будетъ установлено внѣ всякаго сомнѣнія, при помощи всѣхъ тѣхъ испытаній, которыя могутъ быть придуманы искусствомъ самыхъ осторожныхъ и закоренѣлыхъ скептиковъ, всякій ученый экс-

перть имѣть полное право отказывать въ своемъ признаніи показаніямъ любого числа свидѣтелей, по отношенію къ отдѣльнымъ случаямъ проявленія этой способности,—коль скоро эти свидѣтели (какъ бы честны и добросовѣстны они ни были) не обладаютъ спеціальнымъ умственнымъ развитіемъ и спеціальными свѣдѣніями по отношенію къ предмету такого изслѣдованія. Не трудно видѣть, что, безъ вмѣшательства доктора Форбса, патронъ Джорджа Гобля сталъ бы рассказывать повсюду о подвигахъ своего protégé съ полнѣйшею искренностью и добросовѣстностью, и былъ бы очень оскорбленъ, если бы кто-нибудь рѣшился усумниться въ его правдивости или въ его компетентности. Точно также и въ дѣлѣ Джека, не только мистеръ Хьюисъ, но и большинство зрителей упорно стояли бы на томъ, что Джекъ не могъ читать своими глазами послѣ того, какъ доктора тщательно задѣлали ихъ кожу и пластырями. Но мнѣ кажется, что „здравый смыслъ“ долженъ бы былъ взглянуть на это дѣло совершенно иначе. Тотъ фактъ, что Джекъ могъ читать съ закрытыми глазами, долженъ бы послужить ему доказательствомъ — не того, что онъ одаренъ ясновидѣніемъ, — но того, что глаза его не были достаточно закрыты; а тотъ знаменательный фактъ, что Джорджъ угадывалъ слова, заключенныя въ коробочкахъ, которыя могли быть открыты, тогда какъ ему никогда не удавалось прочесть слова, заключеннаго въ коробочкѣ, которая никакъ не могла быть открыта, слѣдовало принять ему за убѣдительное доказательство — опять таки не того, что онъ обладаетъ ясновидѣніемъ, — но того, что онъ тайно заглядываетъ въ плохо закрытыя коробочки. И, въ обоихъ

этихъ случаевъ, „здравый смыслъ“ былъ бы вполне оправданъ результатами тщательнаго изслѣдованія.

Выше, я уже старался показать вамъ, что обыкновенныя правила для оцѣнки свидѣтельскихъ показаній могутъ быть прилагаемы только къ обыкновеннымъ случаямъ. Для установленія же дѣйствительности такого необыкновеннаго явленія, какъ ясновидѣнiе, требуются необыкновенныя свидѣтельства; и потому, полнѣйшее отсутствiе такихъ именно свидѣтельствъ лишаетъ всякаго значенія всю огромную массу показаній очевидцевъ, приводимую профессоромъ Грегори (Письма о Животномъ Магнетизмѣ),—безъ сомнѣнiя, съ полнѣйшею добросовѣстностью и искренностью, — въ подтвержденiе подвиговъ, совершенныхъ ясновидящими майора Бѣклея, которые прочли всѣ вмѣстѣ, по увѣренiямъ профессора, 4,860 фразъ, заключенныхъ въ такомъ же числѣ орѣховыхъ скорлупъ (причемъ одна изъ этихъ фразъ состояла изъ 98 словъ), и болѣе 36,000 словъ, написанныхъ на бумажкахъ, заключенныхъ въ непрозрачныя коробки, причемъ на одной изъ этихъ бумажекъ содержалось 371 слово. Многiе могутъ удивиться тому, что профессоръ Грегори представилъ, съ такою предосудительною легкостью, не только себя самого, но и весь авторитетъ положенiя, занимаемаго имъ въ наукѣ и въ обществѣ, для приданiя недолжнаго вѣса разсказамъ майора Бѣклея; но я нахожу, что этого такъ и слѣдовало ожидать послѣ того, какъ онъ такъ ревностно подхватилъ и отстаивалъ ученiя Рейхенбаха, о которыхъ я говорилъ въ прошломъ чтенiи. Что же касается до полнѣйшей ненадежности и недостоверности его сообщенiй по отношенiю къ ясновидѣнiю, то они ясны до очевидности для всякаго скептическаго

читателя его „Писемъ“. Упомянутыя „Письма“ не только отличаются полнѣйшимъ отсутствіемъ сколько-нибудь подробнаго описанія предосторожностей, принятыхъ противъ возможности искусныхъ продѣлокъ, къ которымъ претенденты на ясновидѣніе имѣютъ привычку прибѣгать въ этихъ случаяхъ (какъ это показали всѣ прежніе опыты по этой части), но еще ясно показываютъ, что самая мысль о необходимости подобныхъ предосторожностей едва ли даже представлялась уму наблюдателей и историковъ этихъ подвиговъ: по крайней мѣрѣ, одинъ изъ описываемыхъ случаевъ показываетъ такое неподражаемое легковѣріе,—такъ сказать, передъ самымъ лицомъ обмана,—которое сразу лишаетъ и всѣ остальные утвержденія автора всякаго права разсчитывать въ какой бы то ни было степени на наше довѣріе. Я намекаю на тотъ случай (стр. 364), когда сложенные бумажки или запечатанные конверты препровождались на домъ къ ясновидящимъ, которые возвращали ихъ назадъ, съ правильнымъ сообщеніемъ ихъ содержанія, причемъ печати оказывались, повидимому, совершенно нетронутыми. Но каждый изъ васъ знаетъ, что распечатываніе запечатанныхъ писемъ и затѣмъ запечатываніе ихъ съизнова такимъ образомъ, чтобы уничтожить всякій слѣдъ предшествовавшаго вскрытія, практикуется при случаѣ въ главной почтовой конторѣ каждой европейской столицы, за исключеніемъ, можетъ быть, одной нашей. Кромѣ того, многіе изъ васъ читали, можетъ, въ газетахъ описаніе того, какъ нью-іорскіе суды обличили недавно подобную дѣятельность одного „медіума“, который обладалъ даромъ давать, подъ наитіемъ духовъ, подходящіе отвѣты на вопросы, присылавшіеся ему въ запечатанныхъ письмахъ;

причемъ собственная жена „медиума“ объяснила суду тотъ способъ, посредствомъ котораго выполнялось распечатываніе и запечатываніе съизнова такихъ писемъ. Мнѣ кажется, что „здравый смыслъ“ долженъ былъ бы подсказать людямъ, что коль скоро содержаніе запечатаннаго письма стало извѣстнымъ тому человѣку, въ рукахъ котораго оно находилось, то это показываетъ только то, что письмо было вскрыто имъ и затѣмъ снова запечатано. Но профессоръ Грегори предпочитаетъ вѣрить, что такія письма были прочитываемы съ помощью ясновидѣнія. Впрочемъ, онъ далеко не представляетъ одиночнаго исключенія; такъ какъ только что упомянутое судебное разбирательство показало, что множество лицъ, въ различныхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ,—и, въ томъ числѣ, не мало такихъ, которыя занимали очень высокія общественныя положенія,—нашли возможнымъ вѣрить „спиритистическимъ“ притязаніямъ нью-іоркскаго мошенника и обращались къ нему съ вопросами самаго интимнаго характера; причемъ тѣ вознагражденія, которыя получались имъ за его отвѣты, давали ему ежегодно болѣе тысячи фунтовъ стерлинговъ!

Желая подвергнуть испытанію настоящую цѣну показаній, приводимыхъ профессоромъ Грегори въ пользу ясновидѣнія, его сотоварищъ, — докторъ Симпсонъ (впоследствии сэръ Джемсъ Симпсонъ), вложилъ банковый билетъ на очень крупную сумму въ запечатанную коробку и передалъ эту коробку на храненіе одному нотаріусу въ Единбургѣ, съ тѣмъ, чтобы тотъ билетъ былъ отданъ въ вознагражденіе тому лицу, которое окажется способнымъ прочесть его номеръ. Кромѣ того, я знаю отъ члена парламента, сэра Доминика Корригана,

что точно такая же вещь была сдѣлана въ Дублинѣ сэромъ Филиппомъ Крамптономъ (главнымъ правительственнымъ врачомъ Ирландіи). Хотя эти богатія преміи оставались открытыми для всѣхъ соискателей въ теченіе по меньшей мѣрѣ года, однако-же ни одному изъ ста сорока восьми ясновидящихъ майора Беклея не удалось доказать своихъ правъ на ихъ полученіе; впрочемъ, насколько я знаю, въ теченіе всего этого времени, не было сдѣлано даже ни одной попытки прочесть номера этихъ билетовъ и получить ихъ такимъ образомъ въ свою собственность. И, однако же, не смотря на это мы можемъ видѣть даже теперь людей, пользующихся высокой научной извѣстностію, которые находятъ возможнымъ опираться на показанія профессора Грегори по этому предмету и считать ихъ безупречными! ¹⁾

¹⁾ На прошлогоднемъ засѣданіи Британской ассоціаціи въ Глазго-вѣ (1876), мистеръ Уоллесъ публично выразилъ предположеніе, что неудача ясновидящихъ въ дѣлѣ съ банковымъ билетомъ доктора Симпсона могла зависѣть отъ того, что въ коробкѣ не находилось, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ никакого билета. Я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ недостойный поклепъ на репутацію общественнаго дѣятеля, честность котораго стоитъ выше всякихъ подозрѣній. Но я бы могъ отвѣтить мистеру Уоллесу и кое что другое. Въ самомъ дѣлѣ, если бы даже его предположеніе было дѣйствительно справедливо, то почему же ни одинъ изъ 148 ясновидящихъ майора Беклея не открылъ до сихъ поръ этого факта? Докторъ Симпсонъ пишетъ мнѣ, что онъ справлялся у профессора Грегори о причинѣ такого полного воздержанія всѣхъ этихъ ясновидящихъ, но что тотъ не могъ дать ему никакого другаго объясненія, кромѣ того, что самое предложеніе награды, вводя такое корыстное побужденіе для упражненія этой способности, мѣшаетъ ея проявленію. Какъ будто-бы Алексисъ, Адольфи множество другихъ профессоровъ искусства читать безъ глазъ не упражняются изо дня въ день въ этомъ искусствѣ съ корыстною цѣлью денежной наживы!

Но еще большее сходство со способностями, приписываемыми спиритистическимъ „медиумами“, имѣетъ та форма месмерическаго ясновидѣнія, которая состоитъ въ созерцаніи сценъ и событій, происходящихъ далеко отъ „медиума,“ причемъ всѣ эти вещи описываются имъ точь въ точь такъ, какъ они происходятъ въ это время въ дѣйствительности, а не такъ, какъ того ожидаетъ иной разъ спрашивающій. Многочисленные случаи этого рода были описываемы не разъ съ величайшими подробностями; и я охотно допускаю, что извѣстное число вполне завѣренныхъ и хорошо разслѣдованныхъ фактовъ, говорящихъ въ пользу такихъ явленій, могло бы заявить серьезныя притязанія на признаніе съ нашей стороны ихъ дѣйствительности. Но каждый изъ насъ знаетъ, какое множество чудесъ этого же самого рода обращалось когда-то въ обществѣ, подъ именемъ „исторій о привидѣніяхъ“, и какъ всѣ эти чудеса, даже наилучше удостовѣренные, потеряли мало по малу въ обществѣ то довѣріе, которымъ они когда-то пользовались, вслѣдствіе все болѣе и болѣе широкаго распространенія свѣта здраваго раціонализма. Конечно, люди съ „трансцендентальнымъ“ складомъ ума готовы еще и теперь охотно принимать на вѣру самыя изумительныя исторіи о ясновидѣніи на всевозможномъ разстояніи; но за то люди съ болѣе скептическими привычками мысли не примутъ теперь ни одной подобной исторіи, не подвергнувъ ее предварительно достаточно удовлетворительному испытанію, состоящему въ тщательномъ и всестороннемъ ея изслѣдованіи; ибо имъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что, подъ видимыми фактами, кроется тутъ какая-нибудь невидимая ошибка, чѣмъ то, что нѣчто столь

чудесное может дѣйствительно случиться на самомъ дѣлѣ.

Мое вниманіе было уже очень давно обращено на этотъ предметъ нѣкоторыми событіями, которыя случились на моихъ собственныхъ глазахъ. Однажды, одна месмерическая „сомнамбула“, обладавшая, по слухамъ этой способностью — „мысленнаго путешествія“, давала сеансы въ моемъ собственномъ домѣ. Я попросилъ ее описать то, что она видитъ въ комнатахъ верхнихъ этажей. Она немедленно и безъ малѣйшихъ колебаній описала весьма правильно жильцовъ и убранство моей дѣтской; но за то была рѣшительно неспособна описать необыкновенное содержаніе моей кладовой; на ходившейся тоже наверху, пока я не доставилъ ей умышленно нужныхъ намековъ посредствомъ наводящихъ вопросовъ. На слѣдующій день я открылъ, что она имѣла полную возможность собрать предварительно всѣ нужныя свѣдѣнія относительно тѣхъ пунктовъ, которые были удовлетворительно описаны ею самою. Въ то же самое время, я скоро узналъ, что по Бристолу (гдѣ я тогда проживалъ) ходятъ самые обстоятельные рассказы о необыкновенномъ успѣхѣ ея сеанса въ моемъ домѣ, причемъ рассказчики настаиваютъ именно на ея удивительно вѣрномъ описаніи разныхъ необыкновенныхъ вещей, находящихся въ моей кладовой, т. е. какъ разъ тѣхъ вещей, въ описаніи которыхъ она потерпѣла полнѣйшую неудачу и была направлена потомъ на путь только моимъ собственнымъ содѣйствіемъ. Этотъ случай представляетъ, слѣдовательно, очень рѣзкій примѣръ двухъ источниковъ заблужденія, кроющихся во всѣхъ рассказахъ о подобныхъ вещахъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ тутъ расположеніе приписывать „тайнымъ“ силамъ то,

что отлично можетъ быть объяснено вполне естественными причинами и, во-вторыхъ, мы можемъ видѣть тутъ явное вліяніе „міо-создательнаго“ стремленія, — которое имѣетъ гораздо болѣе широкое распространеніе, чѣмъ мы привыкли думать, и которое, какъ я уже показывалъ вамъ выше, способно строить самыя изысканныя фантастическія зданія на самомъ слабомъ и ничтожномъ фактическомъ фундаментѣ.

При моихъ свиданіяхъ съ Алексисомъ и Адольфомъ, которые оба обладали, по слухамъ, этой способностью въ очень высокой степени, я тоже прибѣгалъ къ этому испытанію, заставляя ихъ описывать внутреннее убранство моего дома; но они описывали его крайне неопредѣленнымъ и общимъ образомъ, который могъ-бы быть приложенъ къ любому обыкновенному жилищу. Однако, оба они упоминали о картинахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ моей гостиной, чего вовсе не было на самомъ дѣлѣ; и ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на присутствіе въ ней органа съ позолоченными трубами, хотя я и понуждалъ ихъ назвать мнѣ одинъ очень замѣтный предметъ, который стоитъ въ этой комнатѣ и котораго они не могутъ не видѣть. Я опять-таки вовсе не хочу сказать, что ихъ неуспѣхъ со мною уничтожаетъ тѣ реальныя успѣхи, которые они могли имѣть съ другими; но вся моя предыдущая опытность заставляла меня питать уже и тогда сильныя сомнѣнія касательно реальности успѣховъ, извѣстныхъ намъ лишь на основаніи общественной молвы; и эти сомнѣнія приобрѣли во мнѣ впослѣдствіи еще большую силу, когда настойчивыя и проникательныя изслѣдованія доктора Форбса разрушили одинъ изъ самыхъ замѣ-

чательныхъ случаевъ этого рода, который возбуждалъ въ свое время сильный общественный интересъ.

Удивительные подвиги служанки миссъ Martino, по имени Дж.,—о которыхъ ея госпожа извѣстила читающую публику въ 1874 году, черезъ посредство журнала *Athe-naeum*, — завершились подробнымъ описаніемъ, въ состояніи магнетическаго сна, всѣхъ обстоятельствъ крушенія одного корабля, въ числѣ матросовъ котораго находился ея двоюродный братъ; причемъ эта дѣвушка не забыла упомянуть даже о юнгѣ, свалившемся за бортъ ранѣ общей гибели. Миссъ Martino положительно утверждала, — и многіе охотно повѣрили этому, положившись на ея авторитетъ, — что молодая дѣвушка не имѣла никакой возможности познакомиться заранее съ подробностями этого происшествія, такъ какъ рассказъ объ этомъ событіи былъ принесенъ въ домъ ея теткою въ то время, когда сеансъ былъ уже почти оконченъ. Миссъ Martino прибавляетъ къ этому, что, черезъ два дня послѣ того, когда дѣвушка находилась снова въ припадкѣ магнетическаго сна, она спрашивала у нея, — какимъ образомъ узнала она объ этомъ событіи, не слышала-ли она, какъ ея тетка рассказывала о немъ внизу прислугѣ. Дж. отвѣчала: „Нѣтъ; я видѣла самое мѣсто и людей, — точно въ видѣніи“. И миссъ Martino повѣрила ей.

Но довѣріе миссъ Martino ничуть не заразило моего скептическаго друга, доктора Форбса, который немедленно порѣшилъ воспользоваться однимъ своимъ пріятелемъ — докторомъ, имѣвшимъ доступъ въ ея домъ, чтобы произвести болѣе строгое разслѣдованіе этого дѣла, чѣмъ то, какимъ сочла возможнымъ удовольствоваться сама миссъ Martino. Результатъ этого слѣдствія доказалъ

несомнѣннѣйшимъ образомъ, что тетка Дж. рассказала всю исторію о кораблекрушеніи своей сестрѣ, въ домѣ которой жила миссъ Мартино, часа за три до сеанса; и что хотя Дж. не находилась тогда въ комнатѣ, однако же всѣ подробности этого дѣла были сполна обсужены въ ея присутствіи прежде, чѣмъ она была позвана на производство месмерическихъ опытовъ. Такимъ образомъ, это разслѣдованіе не только подорвало исполнѣ репутацію Дж., какъ ясновидящей, но еще и понизило весьма серьезнымъ образомъ цѣну всѣхъ вообще свидѣтельствъ въ пользу такихъ чудесъ; потому что оно показало, что сильное „предубѣжденіе“ способно сбивать съ истиннаго пути даже такихъ честныхъ и умныхъ свидѣтелей, какъ миссъ Мартино, и заставлятъ ихъ выдавать за факты такія вещи, которыя сразу ниспровергаются тщательнымъ изслѣдованіемъ, — изслѣдованіемъ, которое миссъ Мартино должна была бы сдѣлать сама, прежде чѣмъ компрометировать себя сообщеніемъ небывалыхъ вещей.

Въ нашемъ законодательствѣ есть очень мудрое правило, вслѣдствіе котораго судъ не имѣетъ права принимать во вниманіе ни одного свидѣтельства (за исключеніемъ показаній умирающихъ), которое не можетъ быть провѣрено путемъ перекрестнаго допроса свидѣтеля; подобнымъ-же образомъ, ни одинъ, хорошо дисциплинированный изслѣдователь никогда не заявитъ міру о новомъ научномъ открытіи, не подвергнувъ предвари- тельно открытаго имъ явленія „самому строгому допросу“ всѣми тѣми способами, какіе онъ только въ состояніи придумать.

Еслибы, въ только что рассказанномъ мною случаѣ заинтересованныя въ немъ лица стали съ самаго начала

на точку зрѣнія „здраваго смысла“, то совпаденіе обстоятельнаго разсказа Дж. съ дѣйствительными фактами было бы принято ими за доказательство — не того, что она получила свои свѣдѣнія въ магнетическомъ снѣ.— но того, что она узнала ихъ какимъ-нибудь обыкновеннымъ путемъ; и истинность этого заключенія приобрѣла-бы сразу полнѣйшую очевидность, какъ только были-бы приняты всѣ нужныя мѣры для его провѣрки. И я утверждаю, что намъ слѣдуетъ стать на эту же самую почву и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ чудесамъ этого рода, опирающимся на свидѣтельства однихъ только вѣрующихъ. Ибо ни одинъ изъ этихъ свидѣтелей не можетъ представить лучшихъ гарантій со стороны честности, ума и общей образованности, чѣмъ тотъ, о которомъ только что шла рѣчь, а потому я утверждаю, что пока намъ не будетъ показано, что свидѣтельства въ пользу какого-либо случая ясновидѣнія были разслѣдованы съ такою-же полнотою и тщательностью, какъ въ вышеописанномъ случаѣ, до тѣхъ поръ эти свидѣтельства могутъ претендовать на наше признаніе ничуть не въ большей мѣрѣ, чѣмъ какое-нибудь судебное дѣло, въ самомъ его началѣ, когда притязанія истцовъ не были еще подвергнуты враждебному разслѣдованію адвокатовъ противной стороны.

Я не вижу ни малѣйшей надобности останавливать долго вашего вниманія на научномъ обсужденіи явленій столоверченія и стологоворенія, такъ какъ тутъ не существуетъ такихъ фактовъ, которые не допускали бы очень простаго объясненія. Извѣстное число лицъ садятся вокругъ стола и кладутъ на него руки, съ заранѣе составленной идеей, что столъ будетъ кружиться; по прошествіи нѣкотораго времени, въ теченіе

котораго они внимательно ждутъ этого движенія, столъ дѣйствительно начинаетъ вращаться. Если эти люди продолжаютъ оставаться на своихъ мѣстахъ, то такое вращеніе не идетъ далѣе того, на сколько его допускаетъ длина рукъ; но нерѣдко случается, что всѣ участники вскакиваютъ, чувствуя себя принужденными (какъ они говорятъ) слѣдовать за столомъ; столъ начинаетъ вращаться быстрѣе, такъ что обыкновенный шагъ превращается мало по малу въ бѣгъ, пока, наконецъ, столъ не начнетъ кружиться съ такою быстротою, что они не поспѣваютъ слѣдовать за нимъ. Такъ какъ исполнители не только не сознаютъ при этомъ, чтобы они употребляли для достиженія этого результата сколько-нибудь собственной силы, но даже находятся по большей части въ полномъ убѣжденіи, что ими не было приложено ни крошки этой силы, и такъ какъ, кромѣ того, при этомъ приходятъ въ движеніе даже такіе столы, которые, по убѣжденію исполнителей, не могутъ быть приведены въ такое энергическое движеніе никакими произвольными усиліями съ ихъ стороны,—то нѣтъ ничего неестественнаго, что они заключаютъ изъ этого, что происходящее въ этомъ случаѣ движеніе должно вызываться не дѣятельностью ихъ собственныхъ мускуловъ, а какою-то другою силою.

Но человѣкъ науки, — скажемъ, физикъ или физиологъ, — не можетъ удовольствоваться подобнымъ заключеніемъ, безъ достаточныхъ доказательствъ его истинности. А испытать его истинность очень легко. Вы видите здѣсь передъ собою небольшой аппаратъ, состоящій изъ дощечекъ, двухъ валиковъ изъ кедроваго дерева, двухъ каучуковыхъ перевязокъ, двухъ стерженьковъ и тоненькой указательной стрѣлки. Аппаратъ этотъ

былъ придуманъ Фарадеемъ для удостовѣренія въ томъ, можетъ ли когда-нибудь столъ придти во вращательное движеніе безъ боковаго давленія отъ рукъ исполнителей. Ибо этотъ „индикаторъ“ устроенъ такимъ образомъ, что когда руки кладутся на него, а не прямо на столъ, то всякое боковое давленіе, идущее отъ нихъ, заставляетъ верхнюю его дощечку катиться по нижней, а всякое, даже самое слабое, движеніе этого рода сильно преувеличивается системою рычаговъ указательной стрѣлки и заставляетъ ея кончикъ двигаться очень замѣтнымъ образомъ въ противоположномъ направленіи. Съ помощью этого простаго испытанія каждый можетъ убѣдиться на опытъ, что столъ никогда не приходитъ въ круговое вращеніе безъ того, чтобы указатель „индикатора“ не показывалъ боковаго мускульнаго давленія, испытываемаго столомъ въ направленіи его движенія; и наоборотъ, что каждый разъ, когда указатель „индикатора“ показываетъ достаточное количество такого боковаго мускульнаго давленія на крышку стола, столъ приходитъ въ круговое движеніе. Поэтому физикъ имѣетъ полное право утверждать, что пока ему не покажутъ такого случая, когда-бы столъ находился во вращеніи, между тѣмъ какъ неподвижность указателя „индикатора“ показывала-бы полное отсутствіе боковаго давленія со стороны рукъ, положенныхъ на „индикаторъ“, до тѣхъ поръ онъ будетъ считать, что мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ доказательствъ проявленія тутъ какой-либо другой силы, кромѣ мускульнаго направленія исполнителей. А физиологъ,—хорошо знакомый съ тѣмъ фактомъ, что каждое человѣческое существо постоянно тратитъ огромное количество мускульной энергіи, нисколько

не сознавая этого обстоятельства, а также не менѣе хорошо знакомый изъ своихъ изслѣдованій и съ тѣмъ бессознательнымъ вліяніемъ умственного предубѣжденія, образчики котораго были уже представлены мною вамъ на примѣрѣ *pendule explorateur*, — замѣчаетъ сразу, что отсутствіе у исполнителей всякаго сознанія о томъ, чтобы они дѣйствовали своими мускулами, ничуть не можетъ служить доказательствомъ того, что этого не было на самомъ дѣлѣ; кромѣ того, онъ отлично знаетъ, что произвольныя мускульныя сокращенія бывають часто гораздо болѣе сильными, чѣмъ всѣ тѣ, которыя могутъ быть вызваны какимъ бы то ни было усиленіемъ воли.

То же самое объясненіе прилагается и къ стучанію стола, которымъ онъ отвѣчаетъ на вопросы, предлагаемые „духамъ“, подѣ вліяніемъ которыхъ онъ будто-бы находится. Только самое странное предубѣжденіе въ пользу какихъ-то „тайныхъ“ силъ можетъ приписывать такое постукиванье чему-нибудь другому, а не простому давленію книзу отъ рукъ, лежащихъ на столѣ. Гипотетическое допущеніе дѣйствія тутъ какъ о й-л и б о д р у г о й силы не можетъ быть принято людьми съ научнымъ складомъ мысли до тѣхъ поръ, пока имъ не будетъ показано, что столъ можетъ стучать, безъ давленія на него книзу людскими руками. Было бы очень нетрудно устроить такой „индикаторъ“, который показывалъ бы степень давленія книзу; такъ какъ для этого можно было бы легко воспользоваться тѣмъ же самымъ принципомъ, на основаніи котораго устроенъ индикаторъ Фарадея, указывающій боковое давленіе; однако-же, насколько мнѣ извѣстно, никто еще не рѣшился утверждать, что онъ доказалъ этимъ путемъ отсутствіе

мышечнаго давленія въ этихъ случаяхъ; хотя я указывалъ уже давнымъ давно, что это дѣло можетъ быть изслѣдовано научно только этимъ способомъ. Пока мы не получимъ такого доказательства, мы можемъ не колеблясь приписывать стучаніе столовъ — какъ и ихъ верченіе — безсознательной мышечной дѣятельности исполнителей. Что же касается до отвѣтовъ, получаемыхъ посредствомъ такихъ постукиваній, то мы можемъ показать, что они суть или выраженія идей, присутствующихъ въ настоящую минуту въ умѣ того или другаго изъ исполнителей, — какъ это мы видѣли по отношенію къ движеніямъ описаннаго выше *pendule explorateur*; или же, какъ это часто бываетъ при сомнамбулизмѣ и при другихъ сходныхъ съ нимъ состояніяхъ, — они суть выраженія минувшихъ идей, которыя оставили въ мозгу свои слѣды, хотя сами онѣ уже выпали, такъ сказать, изъ сознательной памяти.

Что таково именно свойство отвѣтовъ, обыкновенно получавшихся тѣми, которые занимались (съ полнѣйшимъ добросовѣстностью) этимъ „любопытнымъ искусствомъ“, въ различныхъ его формахъ, включая сюда и столописаніе, — было уже показано мною въ другомъ мѣстѣ¹⁾, посредствомъ тщательнаго анализа множества случаевъ, какъ наблюденныхъ мною лично, такъ и сообщенныхъ мнѣ другими; а потому, я не хочу повторять здѣсь снова уже сказаннаго ранѣе. Взамѣнъ этого, я приведу вамъ одно новое, очень любопытное указаніе на этотъ фактъ. Когда эпидемія „стологоворенія“ охватила впервые наше отечество, многіе служи-

¹⁾ *Quarterly Review*, октябрь 1853, стр. 550 и слѣд., и октябрь 1871, стр. 312—322.

тели Нижней Церкви, будучи твердо убѣждены въ томъ, что это явленіе представляетъ проявленіе льявольскихъ силъ, предложили столамъ рядъ вопросовъ для испытанія этого обстоятельства; и, дѣйствительно, полученные ими отвѣты оказались вполне согласными съ ихъ ожиданіями.

Теперь я перехожу къ нынѣшней фазѣ эпидемическаго вѣрованія въ „тайныя“ силы, которая, какъ я уже указывалъ выше, отличается отъ предъидущихъ фазъ скорѣе по своимъ внѣшнимъ обнаруженіямъ, чѣмъ по сущности своей природы. Всѣ вы, конечно, слышали о привидѣніяхъ, которыя, по увѣреніямъ нашихъ предковъ, часто открывали людямъ, посредствомъ постукиваній, тѣ мѣста, въ которыхъ таились скрытыя сокровища, или въ которыхъ были спрятаны трупы умершвенныхъ покойниковъ. Однако же, привидѣнія, какъ и колдуны, мало по малу потеряли, повидимому, всякія права на довѣріе въ глазахъ нынѣшняго поколѣнія, пока они не вошли снова въ моду, въ формѣ „духовъ“, послѣ извѣстной исторіи о рочестерскихъ постукиваніяхъ. Семья Фоксовъ, въ которой находились между прочимъ двѣ дѣвочки, одна—девяти, а другая—одиннадцати лѣтъ, поселилась въ Гайдесвиллѣ (въ Рочестерскомъ графствѣ штата Нью-Йоркъ), въ одномъ домѣ, въ которомъ, по рассказамъ горожанъ, было совершено за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ звѣрское убійство. Въ скоромъ времени послѣ этого, въ комнатѣ дѣвочекъ стали слышаться какія-то постукиванія; иногда эти постукиванія исходили, очевидно, отъ самихъ дѣвочекъ; иногда же казалось, что они шли изъ другихъ частей комнаты. Любопытство было возбуждено: сосѣди ехали толпами посмотрѣть на чудо; никто изъ нихъ не

могъ подмѣтить ни малѣйшаго движенія въ которой-нибудь изъ дѣвочекъ въ то время, какъ стукъ слышался совершенно ясно; и самыя тщательныя обыски не открыли никакого спрятаннаго инструмента, съ помощью котораго могли бы производиться эти звуки. Постукиванія начали вскорѣ обнаруживать нѣкоторую связность; зрители поспѣшили установить систему сигналовъ, по которой два удара должны были обозначать — нѣтъ,, три удара—да, а одинъ ударъ — сомнительно или подождите; установивъ такимъ образомъ сообщеніе со стучащими существами, посѣтители получили возможность, черезъ посредство этихъ двухъ дѣвочекъ, призывать и вопрошать духовъ своихъ усопшихъ друзей. Послѣ этого, многочисленныя толпы стали стекаться со всѣхъ сторонъ, чтобы взглянуть на это новое чудо. Дѣвочки вскорѣ переселились въ городъ Рочестеръ, къ своей замужней сестрѣ, по предложенію которой была введена азбучная система сношеній съ духами, состоявшая въ томъ, что передъ дѣвочками или произносили по порядку всѣ буквы, или показывали имъ ихъ въ азбукѣ, причемъ духъ стучалъ при имени или при видѣ той буквы, на которую онъ желалъ указать; такимъ образомъ духи получили возможность слать посредствомъ своихъ стучковъ цѣлыя фразы. Общественное возбужденіе продолжало возрастать, такъ что граждане Рочестера, на одномъ общественномъ митингѣ, порѣшили назначить особую комиссію для изслѣдованія этого вопроса. Этой комиссіи были предоставлены всѣ средства для выполненія своей задачи; но, не смотря на это, она потерпѣла полнѣйшую неудачу. Тогда взялся за это дѣло знаменитый нью-іоркскій анатомъ, докторъ Аустинъ Флинтъ. Убѣдившись прежде всего,

что звуки исходятъ изъ ногъ или изъ ступней самихъ дѣвочекъ, не смотря на ихъ кажущуюся неподвижность, онъ сталъ искать физиологическаго объясненія ихъ происхожденія, и скоро нашелъ его. въ способности, приобрѣтаемой нѣкоторыми людьми, подергивать нѣкоторыя сухожилія колѣна, лодыжки или ножныхъ пальцевъ такъ, что при этомъ слышится какое-то щелканье или похрустыванье. Оказалось даже, что одна изъ его собственныхъ пациентокъ способна производить такимъ способомъ звуки, совершенно сходные съ рочестерскими постукиваніями. Но самая раціональность этого объясненія лишила его всякаго довѣрія со стороны людей, жаждавшихъ вступить въ сношенія съ міромъ духовъ. Не смотря на это обличеніе, слава о дѣвицахъ Фоксъ распространилась по всеѣмъ Соединеннымъ Штатамъ; онѣ поселились въ Нью-Йоркѣ, въ качествѣ профессиональных „медіумовъ“, и вскорѣ стали извлекать значительные доходы изъ кармановъ своихъ легковѣрныхъ посетителей.

Подъ могучимъ вліяніемъ денежнаго соблазна, въ разныхъ углахъ Соединенныхъ Штатовъ вынырнули вскорѣ всевозможные подражатели; „медіумы“ стали чрезвычайно многочисленными; одна изъ такихъ „медіумовъ“, мистриссъ Гэйдень, занесла эту заразу къ намъ, въ Англію, гдѣ эта эпидемія „стучащихъ духовъ“ приняла очень быстро самыя обширныя размѣры. Прежде чѣмъ говорить о подвигахъ этой госпожи по „спиритистической“ части, я нахожу не бесполезнымъ упомянуть, что профессоръ Шиффъ — поселившійся въ послѣдствіи во Флоренціи—не только приобрѣлъ самъ способность производить постукиванія посредствомъ подергиваній тяжа, спускающагося черезъ особое влагалище по задней сто-

ронѣ внѣшней выпуклины лодыжки, но и показывалъ публично это искусство въ засѣданіи Французской Медицинской Академіи, въ апрѣлѣ 1859 года; причемъ, обнаживъ свои ноги, онѣ далъ возможность всѣмъ и каждому убѣдиться въ томъ, что, при производствѣ имъ этихъ звуковъ, нельзя подмѣтить у него ни малѣйшаго видимаго движенія. Кромѣ того, надобно сказать, что, лѣтъ шесть тому назадъ, одна родственница семьи Фоксъ показывала передъ судьями того города, въ которомъ она жила, что, за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, проживая временно въ Рочестерѣ, въ семьѣ Фоксовъ, она узнала, въ чемъ состоялъ секретъ дѣвочекъ, который она вполне раскрыла передъ судьями, и даже произвела сама, въ подтвержденіе своихъ словъ, нѣсколько такихъ постукиваній. Судя по словамъ этой женщины, а также и по наблюденіямъ разныхъ лицъ, слѣдившихъ тщательно за представленіями мистриссъ Гейденъ, способъ, посредствомъ котораго „медіумъ“ узнаетъ, при какихъ буквахъ ему слѣдуетъ стучать, оказывается крайне простымъ. Онъ состоитъ просто въ тщательномъ наблюденіи за выраженіемъ лица и жеста спрашивающаго или спрашивающей, который или которая почти неизмѣнно даетъ тѣмъ или другимъ способомъ произвольное выраженіе своему ожиданію. Я могу привести вамъ множество доказательствъ истинности этого объясненія. Одинъ изъ моихъ ученыхъ друзей, пользующійся большою извѣстностью, рассказывалъ мнѣ, что онъ однажды тоже посѣтилъ мистриссъ Гейденъ, въ компаніи съ нѣкоторыми пріятелями. Каждый изъ нихъ испытывалъ по очереди удивительные таланты „медіума“. Когда очередь дошла до него, то онъ былъ крайне пораженъ сначала вѣрностью ея отвѣтовъ касательно име-

ни, а также времени и мѣста смерти одного изъ его умершихъ друзей, о которомъ онъ въ то время думалъ. Но онъ скоро нашелъ ключъ къ уразумѣнію этого необыкновеннаго явленія. А именно, онъ скоро замѣтилъ, что успѣхъ мистриссъ Гейденъ измѣнялся соотвѣтственно выразительности лица и жестовъ спрашивающаго, и что однажды она потерпѣла даже полную неудачу, наткнувшись на одного господина необыкновенно спокойнаго темперамента, чуждаго всякой выразительности. Послѣ этого, онъ пожелалъ сдѣлать ей новое испытаніе. съ заранѣе принятымъ рѣшеніемъ—тщательно воздерживаться отъ всякаго обнаруженія своихъ ожиданій; причемъ мистриссъ Гейденъ дѣйствительно потерпѣла полнѣйшую неудачу. Этотъ секретъ былъ угаданъ также и профессоромъ Эдуардомъ Форбсомъ, который, приостанавливаясь на извѣстныхъ буквахъ, заставлялъ мистриссъ Гейденъ складывать „Лордъ Томнодди“ и разныя другія смѣшныя глупости. Но самое полное обличеніе этой мошеннической уловки было сдѣлано мистеромъ Дж. Г. К. Льюисомъ, заставившимъ мистриссъ Гейденъ постукивать самыя нелѣпыя отвѣты на вопросы, которые были предварительно написаны имъ на бумажкѣ и вручены другому господину, присутствовавшему вмѣстѣ съ нимъ на представленіи. Послѣдній изъ этихъ вопросовъ, завершившій собою это испытаніе, былъ таковъ: „не есть ли мистриссъ Гейденъ простая обманщица?“ на что духи не медля ни минуты отвѣтили тремя рѣшительными ударами на буквахъ У, Е, S (т. е. да ¹).

¹) Мистеръ Уоллесъ объясняетъ этотъ фактъ предположеніемъ, что эти постукиванія были произведены «невидимыми существами», которыя, прочитавъ то, что было на умѣ у спрашивающаго, отвѣчали глупцу подъ ладъ его глупости.

Въ „Докладѣ о Спиритизмѣ“, составленномъ „Комитетомъ Лондонскаго Діалектическаго Общества“, вы можете прочесть, что докторъ Эдмундсъ не только увеличилъ одну очень извѣстную профессиональную „медиумшу“ въ томъ, что она производила свои постукиванія посредствомъ ноги, но и подмѣтилъ, что она регулировала свои стуки посредствомъ напряженного наблюденія за спрашивающимъ; такъ что, когда, для воспрепятствованія такому наблюденію, между нею и спрашивающимъ была поставлена ширмочка, ея постукиванія потеряли совершенно всякій смыслъ ¹⁾. Мои собственные наблюденія и опыты надъ другими „медиумами“ привели меня къ тому же самому результату; причемъ одинъ изъ этихъ случаевъ былъ особенно поучителенъ. Въ этомъ случаѣ, мистеръ Фостеръ совершенно правильно выстукалъ имя и годъ смерти одного моего умершаго друга; но, при выстукиваніи мѣсяца, онъ пришелъ въ

¹⁾ Быть можетъ, нѣкоторые увидятъ въ этомъ обстоятельстве, по отношенію къ данному «медиуму», лишь новый примѣръ того «чтенія въ чужихъ мысляхъ», которое приписывалось нѣкоторымъ личностямъ, причемъ сами эти личности, повидимому, вполне искренне вѣрили въ существованіе у нихъ этой способности (какъ мы это видѣли на примѣрѣ «вѣдуновъ» съ ихъ «волшебными прутиками»). Но такъ какъ я нашелъ, при одномъ позднѣйшемъ случаѣ, что помѣщеніе ширмочки между мною и мистеромъ Фостеромъ было совершенно достаточно, чтобы перервать выстукиваніе имени, составныя буквы котораго давались имъ до этой минуты совершенно правильно, то я нахожу гораздо болѣе разумнымъ предположить, что я давалъ ему какія-нибудь безсознательныя указанія — взглядомъ или жестомъ — на тѣ буквы, которыя составляли въ моемъ умѣ отвѣтъ на мой вопросъ; хотя я и употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы удержаться отъ всякихъ выраженій моихъ ожиданій.

неожиданное затрудненіе: а именно, выстукавъ совершенно ясно J и U, онъ очевидно недоумѣвалъ—какая должна быть слѣдующая буква:—L (т. е. іюль) или N (т. е. іюнь). Разгадка этого затрудненія заключалась въ томъ, что хотя я и зналъ, что смерть моего друга случилась въ которомъ-то изъ этихъ мѣсяцевъ, но я и самъ не могъ припомнить сразу, въ какомъ именно¹⁾.

Что касается до „высшихъ явленій“ спиритизма, каковы, на примѣръ — „уменьшеніе въ вѣсѣ“ столовъ и стульевъ и даже людей обоого пола, „удлиненіе“ тѣла мистера Гома; взятіе имъ голыми руками горячихъ вещей, накладываніе имъ же горячихъ углей на голову лысаго джентльмена, безъ всякихъ непріятныхъ послѣдствій для этого господина, развязываніе узловъ и перемѣна сюртуковъ, производство „спиритистическихъ фотографій“, внезапное появленіе неизвѣстно откуда плодовъ, цвѣтовъ и живыхъ раковъ во время темнаго сеанса, и тому подобное,—то я не оставилъ себѣ времени, чтобы поговорить о нихъ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что уже самое перечисленіе этихъ явленій говорить доста-

¹⁾ Издатель журнала Spectator напираетъ съ особенною силою на свидѣтельство покойнаго профессора Де-Моргана касательно того, что помѣщеніе ширмочки не мѣшало успѣху мистриссъ Гейденъ. Но одинъ извѣстный ученый и товарищъ Де-Моргана по профессурѣ, присутствовавшій неоднократно на спиритистическихъ сеансахъ, происходившихъ въ его домѣ, сообщалъ мнѣ, что всѣ эти опыты велись обыкновенно съ такою неосмотрительностью, которая лишала всякаго значенія полученные при нихъ результаты; обманы самаго прозрачнаго свойства (обличавшіеся не разъ имъ самимъ) принимались у нихъ за удовлетворительныя доказательства; и сверхъестественныя объясненія всегда предпочитались естественнымъ, даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ естественныя объясненія были вполне очевидны.

точно краснорѣчиво каждому трезвому и непредубѣжденному уму о крайней невѣроятности того, чтобы какія-либо „духовныя“ существа вздумали обнаруживать свое присутствіе подобнымъ образомъ. Что же касается до писаній духовъ карандашами и перьями, то я могу только сказать, что я видѣлъ множество откровеній, полученныхъ этимъ путемъ, и что я не нашелъ между ними ни одного, которое могло бы быть поставлено выше самой пошлой „болтовни“. Наше теперешнее поколѣніе плохо знакомо съ исторіей прежнихъ эпидемій этого сорта, а потому не пользуется какъ слѣдуетъ тѣми опытами, которые можно почерпнуть изъ нихъ; вотъ почему я предпочелъ лучше остановиться въ этихъ чтеніяхъ на урокахъ прошлаго, по отношенію къ степени того довѣрія, котораго заслуживаютъ свидѣтельскія показанія касательно подобныхъ предметовъ, вмѣсто того, чтобы обсуждать истинность или ложность разсказовъ, обращающихся въ настоящую минуту въ нашемъ обществѣ, по отношенію къ недавнимъ подвигамъ „духовъ“. Но если я не сообщая вамъ теперь подробныхъ результатовъ моихъ изслѣдованій надъ спиритизмомъ, то это вовсе не потому, чтобы я никогда не изслѣдовалъ этого вопроса для самаго себя. Напротивъ того, съ самаго начала этой эпидеміи, я посвятилъ изслѣдованію притязаній спиритовъ массу времени и вниманія, которыя бы могли быть употреблены мною съ гораздо большею пользою; и я оставилъ это изслѣдованіе только послѣ того, какъ убѣдился, путемъ долгаго и тщательнаго изученія этого явленія, что основной его характеръ вполне тождественъ съ основнымъ характеромъ тѣхъ эпидемій, которыя мнѣ случалось видѣть прежде, и отъ которыхъ оно отличается только

особенною формою своихъ обнаруженій. Конечно, я не могъ продолжать жертвовать своимъ временемъ, — которое могло быть затрачено съ гораздо большею пользою на увеличеніе нашего запаса дѣйствительнаго знанія, — на яко-бы научное изслѣдованіе такихъ фактовъ, какъ представленія „братьевъ Дэвенпортовъ“, когда я нашелъ, что это изслѣдованіе должно было вестись при такихъ условіяхъ, которыя дѣлали невозможнымъ для меня употребленіе ни моихъ глазъ, ни моихъ рукъ, т. е. какъ разъ самыхъ важныхъ орудій научнаго изслѣдованія. Я и безъ того былъ вполне увѣренъ, что эти подвиги окажутся современемъ простыми фокусническими продѣлками; а что они дѣйствительно были таковыми — это стало очевиднымъ для всѣхъ не только изъ дѣйствій мистера Мэскеляйна, который открылъ въ чемъ секретъ и сталъ давать точно такія же представленія, прямо какъ фокусы, но и изъ публичнаго изложенія, въ Бостонѣ, всего метода подобныхъ штукъ однимъ господиномъ, который занимался ими прежде ради денежной наживы. Подобныя же затрудненія для научнаго изслѣдованія, отбивавшія всякую мысль о его продолженіи, я встрѣчалъ и во многихъ другихъ случаяхъ. Мнѣ не разъ случалось сильно подозрѣвать присутствіе умышленнаго обмана въ разныхъ воображаемыхъ „спиритистическихъ“ явленіяхъ, и я спѣшилъ предложить повтореніе опыта при другихъ условіяхъ, которыя могли бы послужить провѣркою моего предположенія и которыя казались остальнымъ присутствующимъ вполне допустимыми и добросовѣстными. Но я напрасно ждалъ послѣ этого повторенія явленія: часъ проходилъ за часомъ,* но явленіе не повторялось; причемъ такіа неудачи

приписывались обыкновенно распространявшейся отъ меня „атмосферѣ невѣрія“.

Такъ, напримѣръ, однажды я сопровождалъ одного моего ученаго друга на спиритистическій сеансъ, во время котораго мы видѣли оба, какъ маленькій, легкій столикъ плясалъ вверхъ и внизъ, подъ руками профессиональнаго „медіума“, мистрисъ М., покорно слѣдуя за нею по всей комнатѣ. Мой ученый другъ смотрѣлъ на это, какъ на примѣръ „спиритистической“ дѣятельности; но я замѣтилъ ему, что на мистрисъ М. былъ надѣтъ огромный кринолинъ, совершенно скрывавшій ея ноги, и что не было ничего невозможнаго, что она приподнимала столикъ одною ногою, двигаясь въ тоже время по комнатѣ на другой ногѣ, — штука, которую могла бы исполнить любая балетная танцовщица. Мой другъ чистосердечно призналъ возможность такого объясненія и пригласилъ меня на новый сеансъ въ свой собственный домъ, гдѣ опыты должны были производиться не-профессиональнымъ „медіумомъ“ и гдѣ онъ обѣщался принять нѣкоторыя предосторожности. Когда я пришелъ къ нему въ назначенный часъ, онъ спросилъ меня, доволенъ ли я придуманнымъ имъ „противу-кринолиномъ“? Это былъ экранъ изъ проволоки и бумаги, помѣщенный вокругъ ножекъ маленькаго столика такимъ образомъ, что „медіумъ“ не могъ поднять стола на ногу, не прорвавъ ногою экрана. Я отвѣчалъ, что я вполне доволенъ его аппаратомъ, и что если столикъ будетъ опять плясать вверхъ и внизъ, подъ руками его „медіума“, какъ онъ плясалъ подъ руками мистриссъ М., то я признаю, что этотъ случай заслуживаетъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Однако, въ теченіе всего двухчасоваго сеанса, не случилось ничего, кромѣ „посту-

киваній“, указывавшихъ на присутствіе „духовъ“. Присутствіе „противу-кринолина“, повидимому, отгоняло ихъ отъ стола ¹⁾).

Относительно профессиональныхъ „медіумовъ“, которые дѣлаютъ изъ упражненія своихъ воображаемыхъ дарованій источникъ существованія и наживы, я пришелъ къ тому заключенію, что мы должны всегда предполагать тутъ умышленное надувательство, пока намъ не будетъ доказано противное; потому что я считаю, что, въ этомъ случаѣ, мы имѣемъ не меньше правъ на такое предположеніе, какъ и въ случаѣ съ цыганкой-ворожеей, которая старается собрать какъ можно больше свѣдѣній о главнѣйшихъ личностяхъ той мѣстности, куда она является, прежде чѣмъ она рѣшится приступить къ своему ремеслу, и затѣмъ уже изумляетъ своихъ легковѣрныхъ кліентовъ обнаруживаемымъ ею знакомствомъ съ ихъ дѣлами. Мнѣ нѣтъ надобности разсказывать вамъ, какъ всѣ такіе профессиональные пре-

¹⁾ Послѣ прочтенія этой лекціи, мистеръ Уоллесъ публично заявилъ, что онъ самъ и есть тотъ «ученый другъ», о которомъ говорится здѣсь. Но онъ прибавилъ къ этому, что, въ другихъ случаяхъ, столъ поднимался кверху, не смотря на присутствіе «противу-кринолина». Я спрошу его на это: случилось ли это когда нибудь въ присутствіи скептическаго эксперта? Что же касается до его обвиненій меня въ томъ, что я «представляю обыкновенно читателю только одну сторону вопроса и совершенно игнорирую всѣ тѣ факты, которые говорятъ противъ моей теоріи», — то я могу сказать на это только слѣдующее: всякій, кто прочтетъ эти лекціи, увидитъ и самъ, что вся моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы открыть, — на основаніи общепризнанныхъ правилъ для оцѣнки свидѣтельствъ, — что именно слѣдуетъ считать фактами; и что я не поддерживаю здѣсь никакой другой «теоріи», кромѣ теоріи неизмѣннаго постоянства прочно-установленныхъ законовъ природы.

тенденты на обладаніе „тайными“ силами были разгадываемы и уличаемы одинъ за другимъ въ нашей странѣ. Въ Парижѣ, надувательства „спиритской“ фотографіи дошли до суда, и лица, участвовавшія въ нихъ, были приговорены къ суровымъ наказаніямъ, годъ или два тому назадъ. Также и въ Америкѣ, приблизительно около того же времени, было публично обличено надувательство „Кэти-Кингъ“, которымъ были обмануты многіе изъ главнѣйшихъ спиритовъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Но мнѣ возразятъ, что всѣ эти обличенія не доказываютъ ровно ничего противъ какого-либо новаго обнаруженія „тайныхъ“ силъ. Я вполне допускаю это. Но я утверждаю, что для всякаго человѣка, привыкшаго взвѣшивать силу свидѣтельствъ, самый тотъ фактъ, что всѣ свидѣтельства въ пользу цѣлаго ряда прежнихъ притязаній на обладаніе „тайными“ силами были разбиты на голову тщательнымъ изслѣдованіемъ, серьезно подрываетъ достовѣрность свидѣтельства въ пользу всякаго новаго претендента на обладаніе этими силами, (какъ это уже было показано мною выше, по отношенію къ месмерическому ясновидѣнію). Въ самомъ дѣлѣ, съ чего я стану вѣрить свидѣтельству какого-нибудь вѣрующаго въ неподдѣльность штукъ какого-то Д., когда этотъ вѣрующій долженъ былъ признать, что онъ былъ уже отлично обманутъ господами А. В. и С.?

Что касается до „медіумовъ“, практикующихъ это дѣло не для прибыли, то я не нахожу, чтобы этотъ случай отличался существеннымъ образомъ отъ предыдущаго. Люди, обладающіе обширною опытностью по этой части, отлично знаютъ, что есть цѣлый классъ личностей (личностей, по преимуществу—женскаго пола.

какъ мнѣ ни прискорбно заявить это), которыя отличаются необыкновенною склонностью къ обману, уже съ самаго ранняго возраста, и для которыхъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ „дурачить“ болѣе пожилыхъ и болѣе опытныхъ людей, даже тогда, когда такое „одурачиванье“ не приноситъ имъ самимъ никакихъ особенныхъ выгодъ. Всякому врачу, обладающему обширною практикою, приходилось не разъ встрѣчаться съ такими случаями, въ которыхъ молодыя женщины подобнаго характера ухитрялись обманывать какую-нибудь притворною болѣзнию не только всю свою семью, но даже всѣхъ своихъ прежнихъ докторовъ; при чемъ эти воображаемая больныя часто стоически переносили самое суровое леченіе, предпринятое врачами противъ ихъ небывалой болѣзни. И когда новый врачъ, благодаря своей проникательности, открывалъ обманъ и добросовѣстно разъяснялъ его родителямъ мнимо-больной, то его въ большинствѣ случаевъ „морально“ выталкивали въ шею изъ дому за его неосновательную клевету. Не всякому везетъ при этомъ такое счастье, какъ моему старому другу, доктору А. Т. Томпсону, который былъ приглашенъ, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ такого случая, своею бывшею пациенткою этого рода, вышедшею тѣмъ временемъ замужъ, въ свои домашнія врачи именно ради того высокаго мнѣнія, которое она составила себѣ объ его способностяхъ и знаніяхъ изъ того обстоятельства, что онъ, единственный изъ всѣхъ врачей, съ которыми совѣтывались прежде на счетъ ея родители, открылъ истинную суть ея болѣзни. Если бы я не считалъ неудобнымъ называть мѣста и лица, я бы могъ рассказать вамъ во всѣхъ подробностяхъ исторію открытія одного обмана, практиковавшагося одною

изъ извѣстнѣйшихъ дамъ-медіумовъ большаго свѣта. Эта дама раздавала присутствовавшимъ на ея сеансахъ цвѣты, которые приносились ей „духами“, во время темнаго сеанса, прямо изъ сада, всѣ еще смоченные небесною росой. На самомъ же дѣлѣ, эти цвѣты стояли уже заранѣе наверху, въ большой вазѣ, и смачивались, передъ доставленіемъ ихъ въ комнату, гдѣ происходилъ сеансъ, простою водою изъ стоявшаго тутъ же графина. Вся эта штука раскрылась вслѣдствіе того, что одинъ пытливый скептикъ ухитрился всыпать тайно въ этотъ графинъ небольшое количество одной почти безцвѣтной соли (желѣзисто-синеродистаго кали), и потомъ показалъ его присутствіе въ „росѣ“ цвѣтовъ посредствомъ извѣстнаго реактива (соли окиси желѣза), который немедленно окрасилъ эту „росу“ въ цвѣтъ берлинской лазури.

Затѣмъ, въ другихъ случаяхъ,—какъ напримѣръ, по отношенію къ месмерическимъ явленіямъ,—мнѣ приходилось видѣть самое необычайное само обольщеніе, облакавшее „сверхъестественнымъ“ характеромъ такіа вещи, которыя вполнѣ легко объявлялись „естественными“ причинами; причемъ такое самообманыванье часто истекало изъ опущенія какого-нибудь существеннаго факта, совершенно незамѣченнаго рассказчикомъ. Такъ, напримѣръ, во время эпидеміи столоверченія, меня серьезно увѣряли однажды, что, въ одномъ случаѣ, столъ двигался по комнатѣ, по волѣ одного господина, сидѣвшаго на значительномъ разстояніи отъ него. Но, послѣ тщательнаго перекрестнаго допроса, оказалось, что на столѣ лежало множество рукъ, какъ это обыкновенно бываетъ при всѣхъ такихъ представленіяхъ; по прошествіи нѣкотораго времени, въ теченіе котораго не

замѣчалось никакого движенія, этотъ господинъ воззвалъ къ духу „Самсона“ и велѣлъ ему начать крутить столъ, послѣ чего столъ дѣйствительно началъ послушно вертѣться. Иногда, подъ вліяніемъ этой склонности, существеннѣйшій фактъ даже совершенно испаряется изъ памяти рассказчика, такъ что не можетъ быть возстановленъ даже путемъ обстоятельнаго допроса этого лица. Таковъ, на примѣръ, случай, сообщаемый миссъ Коббъ, въ ея статьѣ „О Недостаткахъ Памяти“. Одна госпожа урѣяла миссъ Коббъ, что, за нѣсколько лѣтъ до этого, столъ, стоявшій въ ея гостиной, совершенно вѣрно выстукалъ ея лѣта, въ присутствіи многихъ гостей, изъ которыхъ ни одинъ не сидѣлъ близко къ столу. Она прибавила къ этому, что фактъ этотъ особенно сильно врѣзался въ ея памяти, со всѣми своими подробностями, вслѣдствіе того, что она сильно разсердилась тогда на этотъ столъ за его нескромность; и дѣйствительно, негодованіе ея было такъ велико, что она даже продала его! Эта госпожа увѣряла миссъ Коббъ, что она можетъ подтвердить свои слова замѣтками, которыя она дѣлала въ то время; но, справившись съ этими замѣтками, она имѣла похвальную добросовѣстность исправить свое прежнее показаніе и поспѣшила увѣдомить миссъ Коббъ, что, при этомъ случаѣ, на столѣ были людскія руки. Подобнымъ же образомъ, я еще недавно былъ приглашенъ однимъ господиномъ придти посмотреть на то, какимъ образомъ легенькій столикъ становился внезапно тяжелымъ, по волѣ человѣка, стоявшаго вдали отъ него и не прикасавшагося къ нему ни однимъ пальцемъ; при обыкновенныхъ условіяхъ, для поднятія этого столика достаточно было усилія одного пальца; но, по приказу этого

человѣка, вѣсъ его увеличивался такъ сильно, что для поднятiя его требовались усилюя нѣсколькихъ рукъ. Сначала я подумалъ, что это могла быть штука вродѣ тѣхъ, которыми Гуденъ потѣшался надъ арабами, при помощи электромагнита; а потому я сдѣлалъ нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, съ цѣлю удостовѣриться въ томъ, можетъ ли или не можетъ этотъ фактъ быть объясненъ такимъ способомъ; и найдя, что это объясненiе было совершенно неприложимо къ данному случаю, я уже былъ готовъ отпавиться смотрѣть на это представленiе, когда получилъ записочку отъ брата пригласившаго меня лица, въ которой онъ писалъ, что онъ полагаетъ, что я уже знакомъ съ дѣйствительными условiями опыта, состоящими въ слѣдующемъ: двое родственниковъ исполнителя этой штуки кладутъ прежде всего свои руки на столики; затѣмъ столики опрокидывается и кладется на полъ; въ то время, какъ онъ лежитъ на боку, оба эти лица продолжаютъ держать свои руки прижатыми съ боку къ его крышеѣ; и вотъ, при этихъ-то условiяхъ, онъ можетъ дѣлаться то легкимъ, то тяжелымъ, смотря по желанiю исполнителя штуки, стоящаго на нѣкоторомъ разстоянii отъ него, причемъ, въ первомъ случаѣ, онъ можетъ быть поднять однимъ пальцемъ, тогда какъ, во второмъ, его приходится поднимать всею рукою. Послѣ ознакомленiя съ этими условiями, для меня стало, конечно, очевиднымъ, что, и въ этомъ случаѣ, какъ въ случаѣ съ „духомъ Сампсона“, воля исполнителя направляется на регулированiе давленiя рукъ, находящихся въ соприкосновенiи со столомъ; и что здѣсь опять таки не имѣется никакихъ доказательствъ какого либо измѣненiя въ дѣйствительномъ вѣсѣ самаго стола.

Итакъ, въ этихъ двухъ чтенiяхъ, я старался пока-

затѣ вамъ,—чему учить насъ насъ весь длинный рядъ предыдущихъ нашихъ опытовъ касательно этого предмета. А именно, я желалъ убѣдить васъ, что, въ этой области, мы должны полагаться скорѣе на показанія нашего разсудка, чѣмъ на показанія нашихъ чувствъ; ибо наши чувства подвержены множеству заблужденій, какъ мы это можемъ видѣть почти что ежедневно. Присутствуя на представленіяхъ фокусника, мы видимъ такія вещи, относительно которыхъ мы знаемъ, что онѣ рѣшительно невозможны; и это знаніе убѣждаетъ насъ въ томъ, что онѣ не могутъ происходить въ дѣйствительности такъ, какъ это намъ кажется въ эту минуту. Такъ; напримѣръ, каждый фокусникъ наливаетъ изъ одной и той же бутылки десятки рюмокъ разными сортами винъ; или вываливаетъ цѣлую гору букетовъ изъ одной обыкновенной шляпы; но мы знаемъ, что онъ долженъ добывать все это количество изъ какого-то обширнаго склада, который онъ искусно прячетъ отъ нашихъ взоровъ. Такимъ же точно образомъ, знаменитый фокусникъ Боско превращалъ на глазахъ у людей, внимательно наблюдавшихъ за нимъ на очень близкомъ разстояніи, одного живаго зайца въ двухъ живыхъ кроликовъ: тѣ движенія, съ помощью которыхъ онъ подмѣнялъ однѣ вещи другими изъ находившагося сзади него мѣшка, были такъ быстры, что совершенно ускользали отъ наблюденія присутствующихъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ (составляющимъ главный секретъ всѣхъ фокусниковъ и профессиональных „медіумовъ“) отвлекать въ это время ихъ вниманіе на что-нибудь другое. Итакъ, я заключаю тѣмъ-же, чѣмъ началъ: а именно, я утверждаю, что мы имѣемъ право отвергать показанія самыхъ до-

стовѣрныхъ и честныхъ свидѣтелей, когда эти свидѣтели рассказываютъ намъ о летаніи людей по воздуху, или о превращеніи зайца въ пару кроликовъ, или о какихъ-либо другихъ вещахъ, столь же сильно противорѣчащихъ всѣмъ прочно установленнымъ „законамъ природы“; и я считаю, что мы въ правѣ недовѣрять показаніямъ этихъ свидѣтелей до тѣхъ поръ, пока рассказываемые ими факты не будутъ тщательно проверены строгимъ разслѣдованіемъ „скептическихъ экспертовъ“, которое извлечетъ изъ нихъ всѣ несомнѣнные данныя, напрашивающіяся, такъ сказать, насильственно на наше признаніе. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые доходили до моего свѣдѣнія, и въ которыхъ было произведено такое разслѣдованіе, это разслѣдованіе всегда открывало очень важныя погрѣшности въ тѣхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, на которыя опирался этотъ случай; а потому когда личности, заслуживающія полного довѣрія, по отношенію къ обыкновеннымъ вещамъ, рассказываютъ мнѣ о какихъ-либо необыкновенныхъ событіяхъ, случившихся у нихъ на глазахъ, я считаю себя въ правѣ сказать имъ откровенно и прямо, что ихъ убѣжденія въ дѣйствительности сообщаемыхъ ими фактовъ не въ состояніи вызвать во мнѣ довѣрія къ нимъ; потому что и теорія, и опытъ привели меня къ тому заключенію, что никакая многочисленность и важность свидѣтельствъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго значенія, коль скоро эти свидѣтельства идутъ отъ лицъ, „одержимыхъ“ какой-либо „господствующей идеей“ по отношенію къ данному предмету.

Двадцать три года тому назадъ я писалъ слѣдующее: „Во всѣ времена, „одержаніе“ человѣческихъ умовъ какими-либо „господствующими идеями“ бывало наибо-

лѣе полнымъ по преимуществу тогда, когда эти идеи представляли какія-либо религіозныя заблужденія. Происхожденіе такихъ заблужденій постоянно лежало въ предпочтеніи, дававшемся чувствамъ надъ разсужденіемъ, и въ безмѣрномъ потворствѣ душевному возбужденію, при отсутствіи достаточнаго контроля со стороны разумной воли. Люди, находящіеся въ этомъ состояніи, стоятъ внѣ всякой возможности обращенія къ ихъ разсудку и ведутъ за собою другихъ въ это же самое положеніе. Спорить и разсуждать съ ними также невозможно, какъ и съ настоящими помѣшанными. Они не могутъ допустить ни одного положенія, которое, въ ихъ воображеніи, находится хотя бы въ самомалѣйшемъ несогласіи съ ихъ предубѣжденіями; и свидѣтельства ихъ собственныхъ чувствъ представляютъ для нихъ наивысшую истинность, какая только можетъ быть достигнута человѣкомъ" ¹⁾).

Многія изъ жертвъ этихъ заблужденій становились современемъ жертвами настоящаго помѣшательства, которое приписывалось вѣрующимъ „вхожденію въ нихъ духа, покорявшаго ихъ сполна своей власти“. Я надѣюсь, что все предыдущее сдѣлало достаточно яснымъ для васъ, — какой сортъ „духовъ“ овладѣваетъ при этихъ условіяхъ лекговѣрными и легковозбудимыми умами: „духи“ эти суть — „господствующія идеи“.

¹⁾ Quarterly Review, октябрь 1853.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ КУРЬЕЗЫ
СПИРИТИЗМА.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ КУРЬЕЗЫ СПИРИТИЗМА.

Со времени напечатанія во *Frazer's Magazine* ¹⁾ моихъ лекцій о „Месмеризмѣ, Спиритизмѣ и пр.“, читанныхъ мною въ Лондонскомъ Институтѣ въ концѣ прошлаго года, мнѣ удалось узнать много новаго, сравнительно съ тѣмъ, что мнѣ было извѣстно прежде, какъ относительно размѣровъ того явленія, которое я считаю самымъ пагубнымъ эпидемическимъ заблужденіемъ и которое я могу сравнить только съ эпидеміей колдовства въ семнадцатомъ столѣтіи, такъ и относительно чрезвычайной распространенности того особеннаго душевнаго состоянія, которое предрасполагаетъ человѣка къ зараженію спиритизмомъ въ такой же точно мѣрѣ, въ какой всеобщая вѣра въ существованіе колдовства, основанная на авторитетѣ библіи, побуждала пуританъ Новой Англіи къ ожесточенному преслѣдованію колдуній и колдуновъ.

Одинъ изъ моихъ друзей, живущій въ Бостонѣ (Соед. Шт.), имѣлъ любезность прислать мнѣ множество вы-

¹⁾ *Frazer's Magazine*, February and March 1877.

рѣзокъ изъ мѣстныхъ газетъ, которыя и въ своихъ „объявленіяхъ“, и въ своихъ сообщеніяхъ, подъ рубрикою „разныя извѣстія“, даютъ очень любопытныя указанія на то, что происходило въ послѣднее время въ этомъ центрѣ просвѣщенія и прогресса. Другой изъ моихъ друзей, недавно посѣтившій этотъ городъ, пишетъ мнѣ, что въ тамошнемъ Указателѣ Промышленности и Торговли содержатся цѣлые столбцы съ именами „профессоровъ“ различныхъ родовъ спиритистическаго „медиумизма“: тутъ есть и стучащіе медиумы, и пишущіе медиумы, и рисующіе медиумы, и „материализирующіе“ медиумы, и медиумы готовые на всѣ испытанія (test mediums), и фотографирующіе медиумы, и медиумы дающіе свои представленія въ состояніи столбняка (trance mediums), и лечащіе медиумы, и множество другихъ. Многие изъ этихъ „профессоровъ“ занимаютъ нѣкоторыя изъ лучшихъ домовъ Бостона и должны имѣть чрезвычайно прибыльную практику между „десяткомъ тысячъ первѣйшихъ“ богачей этого города. Другіе дѣйствуютъ въ болѣе скромной сферѣ; но хотя размѣръ получаемого ими вознагражденія и ниже, за то число обращающихся къ нимъ лицъ такъ велико, что они тоже ведутъ очень выгодную торговлю „сношеніями съ духами“. Насколько я знаю, то же самое можетъ быть сказано и о многихъ другихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, причемъ самымъ разительнымъ примѣромъ можетъ служить Нью-Йоркъ.

Затѣмъ, самыя неожиданныя откровенія совсѣмъ другого рода были почерпнуты мною изъ прочтенія недавно вышедшей книги, — Свѣтлыя и Темныя Стороны Спиритизма, — написанной мистеромъ Гомомъ, который считается въ цѣломъ мірѣ настоящимъ первосвя-

щенникомъ этой новой религіи. Мистеръ Гомъ заявляетъ въ своемъ сочиненіи искреннее желаніе очистить эту систему отъ „неподоходимой массы глупостей и обмановъ, открываемыхъ въ ней при первой попыткѣ къ изслѣдованію, и, въ этихъ видахъ, посвящаетъ не менѣе 200 страницъ in 8° обличенію всевозможныхъ „заблужденій“, „самообольщеній“, „нелѣпостей“ и „мошенничествъ“ новѣйшаго спиритизма. Обличенія эти таковы, что, если бы они были высказаны кѣмъ либо изъ научныхъ противниковъ спиритизма, они навѣрное подвергли бы его убійственному огню самыхъ ужасныхъ ругательствъ; какія только можетъ допустить даже спиритистическій языкъ (избранные образчики котораго будутъ представлены мною ниже). Достаточно сказать, что ни одинъ непредубѣжденный читатель, прочитавъ книгу мистера Гома, не можетъ не придти къ тому печальному убѣжденію, что число добросовѣстныхъ вѣрующихъ, которые (выражаясь словами мистера Гома) „не принимаютъ за доказательство ничего, что оставляетъ хотя-бы самую крошечную щелку, черезъ которую могло-бы вкратѣсь сомнѣніе, которые подвергаютъ всѣхъ медиумовъ и всѣхъ духовъ самымъ строгимъ испытаніямъ, и которые не позволяютъ увлечь себя ни энтузіазму, ни духу партіи“, крайне невелико по сравненію, съ одной стороны, съ числомъ мошенниковъ и обманщиковъ, живущихъ на счетъ глупости и легковѣрія своихъ жертвъ, а, съ другой, съ числомъ „ротозѣевъ“, которые (какъ говоритъ мистеръ Гомъ) „жадно бросаются на все, что имъ ни поднесутъ, и которые проглатываютъ съ одинаковою легкостью и верблюда, и комара“.

Дальнѣйшимъ, еще большимъ, расширеніемъ своихъ

свѣдѣній на этотъ счетъ я обязанъ обстоятельному разбору моихъ чтеній, помѣщенному мистеромъ Уоллесомъ въ іюльской книжкѣ *Quarterly Journal of Science*. Такъ какъ журналъ этотъ издается мистеромъ Круксомъ, то мнѣ кажется, что и я имѣю право считать, что этотъ обзоръ представляетъ также и идеи Крукса на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе что мистеръ Уоллесъ постоянно ссылается на него. А потому я смотрю на этотъ обзоръ, какъ на очень любопытное откровеніе по отношенію къ тому душевному состоянію, до котораго могли дойти два честныхъ человѣка, отличающіеся оба высокими заслугами въ научномъ мірѣ, вслѣдствіе того, что они постоянно сидѣли надъ своими собственными заключеніями и разговаривали о нихъ только съ сочувственными къ нимъ людьми, вмѣсто того чтобы подвергнуть эти заключенія испытанію спокойнаго обсужденія съ другими людьми науки, которые, конечно, ничуть не менѣе компетентны, чѣмъ они сами, для изслѣдованія подобныхъ вопросовъ, и которые потратили уже на такія изслѣдованія много времени и вниманія. По увѣренію мистера Уоллеса, ни одинъ человѣкъ, дѣйствительно изслѣдовавшій свидѣтельства въ пользу месмеризма, не можетъ, не отступая отъ добросовѣстности, отказать въ своемъ признаніи фактамъ магнетизированія издали и ясновидѣнія. По мнѣнію мистера Уоллеса, такой изслѣдователь не можетъ также не видѣть, что „Джекъ“ мистера Хьюиса, — уличенный въ Манчестерѣ до такой полной очевидности, что даже его патронъ немедленно отступился отъ него, — былъ тѣмъ не менѣе настоящимъ, неподдѣльнымъ ясновидящимъ. Точно также, всякій, кто не согласится считать, вмѣстѣ съ мистеромъ Уоллесомъ, „вполнѣ доказаннымъ“,

что цвѣты, плоды, и т. п., „получающіеся“ во время спиритистическихъ сеансовъ, „не приносятся самими медиумами“, можетъ быть по справедливости обвиненъ въ умышленномъ закрываніи глазъ на самыя убѣдительныя доказательства. Далѣе, впадая въ тонъ, заданный мистеромъ Круксомъ, — который, шесть лѣтъ тому назадъ, упрекалъ людей науки за ихъ „отказъ положить начало научному изслѣдованію существованія и природы фактовъ, удостовѣряемыхъ такимъ множествомъ компетентныхъ и достовѣрныхъ свидѣтелей, тогда какъ ихъ такъ свободно допускаютъ и даже приглашаютъ къ такому изслѣдованію когда и гдѣ имъ угодно ¹⁾“, — мистеръ Уоллесъ обвиняетъ періодическую прессу въ „заговорѣ молчанія“, съ цѣлью воспрепятствовать распространенію того, что онъ считаетъ важною и твердо-установленною истиною.

Оставляя до другаго мѣста ²⁾ свой отвѣтъ на многія важныя обвиненія, которыя мистеръ Уоллесъ (подкрѣпленный издательскимъ авторитетомъ мистера Крукса)

¹⁾ Повидимому, въ настоящее время уже не существуетъ такого расположенія къ допущенію научныхъ изслѣдователей на спиритистическіе сеансы. Въ присутствіи скептиковъ, дѣло идетъ далеко не такъ хорошо, какъ безъ нихъ, и когда мистеръ Гомъ упрекаетъ тѣхъ, которые желали бы изгнать изъ своихъ собраний всѣхъ, кромѣ «вѣрныхъ», его обозрѣватель замѣчаетъ ему на это: «всѣ, участвующіе въ составленіи спиритистическаго круга и вступающіе въ сношенія съ духами, находятъ необходимымъ ограничивать общество участниковъ только такими людьми, которые симпатизируютъ другъ съ другомъ, или отличаются одинаковымъ, рѣзко отличнымъ образомъ мыслей, или же одинаковою степенью нравственнаго развитія».

²⁾ А именно, до втораго изданія моихъ Чтеній, которое должно выйти вскорѣ.

взводить на меня лично, я намѣренъ предложить въ настоящую минуту читателямъ Fraser's Magazine рядъ Психологическихъ Курьезовъ, собранныхъ мною изъ трехъ только что поименованныхъ источниковъ; а такъ какъ имена господъ Крукса и Уоллеса будутъ постоянно повторяться ниже, въ связи съ этими курьезами, то я считаю необходимымъ объяснить читателямъ тѣ причины, которыя побуждаютъ меня такъ часто касаться этихъ именъ.

Высоко цѣня прекрасныя открытія, сдѣланныя недавно въ физикѣ мистеромъ Круксомъ, а также обширныя и разнообразныя прибавленія къ нашимъ биологическимъ свѣдѣніямъ и теоріямъ, сдѣланныя въ разное время мистеромъ Уоллесомъ, я тѣмъ не менѣе не могу ослѣплять себя касательно того факта, что самая научная репутація, которую такъ заслуженно приобрѣли себѣ эти ученые, наносить сильный вредъ дѣлу, которое я считаю дѣломъ разума и здраваго смысла. Въ особенности, въ Соединенныхъ Штатахъ, — гдѣ со времени смерти профессора Гера, который думалъ, что онъ добылъ точное, экспериментальное доказательство безсмертія души, насколько мнѣ извѣстно, не присоединилось къ спиритистическимъ рядамъ ни одного замѣчательнаго человѣка науки, — имена „знаменитыхъ британскихъ ученыхъ“, Крукса и Уоллеса, считаются настоящею „башнею крѣпости“ спиритизма. Поэтому, коль скоро я намѣренъ принимать дальнѣйшее участіе въ обсужденіи этого вопроса, для меня необходимо прежде всего подкопать эту „башню“, показавъ, что, въ своихъ изслѣдованіяхъ этого предмета, эти ученые слѣдовали методамъ, которые должны считаться совершенно не научными; и что ихъ „предубѣжденіе“ постоянно при-

водило ихъ къ принятію съ слѣпою вѣрою множества показаній и свидѣтельствъ, которыя бы должны были быть отвергнуты по ихъ полнѣйшей недостоверности.

Я охотно и радостно бросилъ-бы эту неблагодарную задачу для настоящихъ научныхъ изслѣдованій, которыя съ давнихъ поръ составляютъ источникъ самыхъ чистыхъ и самыхъ невозмутимыхъ наслажденій моей жизни; но мнѣ кажется, что на мнѣ лежитъ въ этомъ случаѣ такая-же обязанность, какъ на всякомъ членѣ медицинской профессіи,—къ которой я имѣю честь принадлежать, — употребить всѣ зависящія отъ меня средства для излеченія или ослабленія замѣчаемой мною тѣлесной или душевной болѣзни. Правильно, или неправильно, но я убѣжденъ по совѣсти, что сорокъ лѣтъ теоретическихъ и экспериментальныхъ изслѣдованій выработали во мнѣ не совсѣмъ обыкновенное умѣнье обращаться съ подобными явленіями. Со времени появленія въ свѣтъ моихъ Чтеній, я получилъ множество публичныхъ увѣреній въ томъ, что онѣ дѣлаютъ доброе дѣло и успѣшно борются съ распространеніемъ въ нашемъ отечествѣ вредной душевной эpidеміи; кромѣ того, я получилъ немало частныхъ увѣдомленій относительно нѣкоторыхъ случаевъ, въ которыхъ люди, уже „укушенные“ этой болѣзью, были обязаны своимъ выздоровленіемъ моему леченію. Видя ту опасность, которая угрожаетъ намъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ, отъ внесенія къ намъ настоящей спиритистической маніи, гораздо болѣе пагубной для нашего душевнаго благосостоянія, чѣмъ колорадскій жукъ для нашихъ матеріальныхъ интересовъ, я измѣнилъ-бы всѣмъ своимъ понятіямъ о долгѣ, еслибы не постарался сдѣлать все, что только лежитъ въ моихъ силахъ, для отвращенія

этой опасности. Я отлично знаю, что, отважившись на это, я добровольно дѣлаю себя мишенью самых жестокихъ нападокъ, которыя (такъ какъ я не отличаюсь особенно толстою кожею) будутъ очень непріятны для меня лично и, къ несчастію, еще болѣе непріятны для нѣкоторыхъ другихъ личностей, связанныхъ со мною тѣсными узами. Но я охотно отважусь на все это, если только буду имѣть право утѣшать себя увѣренностью въ томъ, что мой разборъ спиритизма принесъ хотя самомалѣйшую пользу отдѣльнымъ личностямъ или цѣлому обществу.

Мнѣ кажется, что нижеслѣдующія выписки изъ книги мистера Гома достаточны для того, чтобы показать читателю, что я не преувеличиваю предстоящей намъ опасности:

„Есть цѣлый разрядъ слабыхъ умовъ, которые, въ дѣлѣ спиритизма, склонны въ большинствѣ случаевъ отбрасывать всякія ограниченія и стѣсненія. Такъ какъ умъ тутъ слабъ, а энтузіазмъ силенъ, то одна мысль объ общеніи съ обитателями того свѣта какъ-бы ослѣпляетъ этихъ несчастныхъ и доводитъ ихъ почти до настоящаго сумасшествія. Ихъ причуды и выходки трудно бываетъ отличить иной разъ отъ тѣхъ, которыя мы можемъ видѣть въ сумасшедшихъ домахъ и на нѣкоторыхъ, наиболѣе изступленныхъ, митингахъ „ревивалистовъ“. Эта болѣзнь проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Нѣкоторые изъ мужчинъ и женщинъ, пораженныхъ ею, ухватываются за какое-нибудь отдѣльное, особенное заблужденіе и держатся за него съ фанатическимъ упорствомъ, которое не можетъ быть поколеблено ничѣмъ на свѣтѣ“.

Въ другомъ мѣстѣ мистеръ Гомъ рассказываетъ объ

„изступленныхъ пляскахъ, которымъ предаются нѣкоторые „медіумы“ (по преимуществу, женщины), подѣ влияніемъ непреодолимой власти воображаемыхъ Индійскихъ духовъ“.

Я спрашиваю читателя, — можно-ли найти лучшее подтвержденіе ученія объ „эпидемическомъ помѣшательствѣ“, чѣмъ это воскресеніе въ наши времена старинной „пляшущей маніи“, только подѣ влияніемъ нѣсколько иной формы „одержанія“?

ФИЛОСОФІЯ СПИРИТИЗМА.

Какъ господа Мозесъ и Сынъ ¹⁾ держали своего собственнаго поэта, такъ и спиритизмъ держитъ теперь для своихъ услугъ своего собственнаго философа—Магистра Оксфордскаго университета. Послѣ основательнаго и глубокомысленнаго размышленія надъ строеніемъ матеріи, этотъ магистръ заявилъ недавно свое заключеніе, что между Матеріей и Духомъ не существуетъ никакого логическаго различія и что, поэтому, вѣра въ „матерьялизацію“ (т. е. въ облеченіе плотью и кровью) отошедшихъ въ вѣчность душъ, соглашающихся по призыву „медіума“ явиться снова на землю, не представляетъ ровно ничего затруднительнаго; равно какъ и вѣра въ дематеріализацію (такъ сказать, развеществленіе) и „рематерьялизацію“ (овеществленіе съизнова) всевозможныхъ тѣлъ и предметовъ, состоящихъ изъ плоти и крови или изъ другихъ какихъ-либо веществъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ считаетъ вполне истиннымъ, не только для духа, но и для тѣла, что —

¹⁾ Известные порты въ Лондонѣ.

Stone walls do not a prison make
Nor iron bars a cage ¹⁾.

т. е. проповѣдуетъ ученіе, которое должно было-бы очень понравиться обитателямъ этихъ учрежденій, если бы они только умѣли призывать „духовъ“ къ себѣ на помощь. На этомъ основаніи, проникновеніе мистриссъ Геппи чрезъ стѣны, запертыя двери, закрытыя окна, полъ, потолокъ и крышу должно разсматриваться какъ явленіе, быть можетъ, не совсѣмъ обыкновенное, но, во всякомъ случаѣ, вполне „естественное“ ²⁾.

Ошибочность этого разсужденія кажется мнѣ настолько очевидною, что я не считаю нужнымъ тратить много словъ на его опроверженіе. Даже если мы примемъ ученіе Босковича, къ которому склонялся, повидимому, Фарадей и по которому то, что мы называемъ „матерьяльнымъ“ тѣломъ, физически, есть ничто иное, какъ простой агрегатъ „центровъ силъ“; и если, съ другой стороны, мы, вмѣстѣ съ Джономъ С. Миллемъ, утончимъ наше понятіе о матеріи до такой степени, чтобы считать ее, психологически, ничѣмъ инымъ, какъ „постоянной возможностью ощущенія“, и то я рѣшительно не вижу, чтобы это могло приблизить насъ хотя на одинъ шагъ къ выводу Оксфордскаго Магистра. Ибо истинное основаніе нашего представленія о „матеріи“ состоитъ въ томъ чувствѣ сопротивленія, которое мы испытываемъ, когда давимъ на нее какою-либо частью нашего тѣла; а такъ какъ мы не мо-

¹⁾ Каменные стѣны не составляютъ еще тюрьмы

И желѣзныя полосы не дѣлаютъ еще кѣтки.

²⁾ Существуетъ ли на самомъ дѣлѣ вещь, называемая Матеріей? — статья Магистра Оксфордскаго университета въ Human Nature за май 1877г

жемъ познавать такимъ способомъ „духовъ“, то мы и не можемъ представить себѣ, чтобы „духъ“ имѣлъ что-либо общее съ „матеріей“, — т. е. оба они опять-таки остаются тѣмъ-же, чѣмъ они были всегда—„логически различными сущностями“.

Если разсужденія нашего Магистра представляютъ вѣрный образчикъ того философскаго образованія, которое даетъ Оксфордскій университетъ, то, чѣмъ скорѣе измѣнится преподаваніе философій въ этомъ университетѣ, чѣмъ скорѣе подвергнется оно предлагаемымъ въ обществѣ реформамъ, тѣмъ будетъ лучше и для здраваго смысла, и для прогресса раціонализма въ нашемъ отечествѣ.

Благодушіе Спиритизма.

Спириты постоянно хвастаютъ тѣмъ, что ихъ новая религія если и не замѣняетъ собою вполне христіанства, то, во всякомъ случаѣ, дополняетъ его, вслѣдствіе того, что она проводитъ его ученія до ихъ наивысшей точки развитія и такимъ образомъ споспѣшествуетъ скорѣйшему наступленію того всеобщаго царства мира и благожелательности, котораго христіанству не удалось еще установить на землѣ. Однако-же, на практикѣ, „профессіональные“ спириты не многимъ лучше въ этомъ отношеніи «профессіональных» христіанъ и даже, повидимому, хуже ихъ. Въмѣсто того, чтобы „удерживать злобу“ и быть „медленными въ гнѣвѣ“, многіе спириты ведутъ свои споры, даже между собою, съ самымъ предосудительнымъ озлобленіемъ. Даже ученые защитники этой системы, — которыхъ занимаемое ими положеніе должно было-бы поставить выше личной враж-

ды,—не въ состояніи найти приличнаго языка, когда дѣло идетъ объ опроверженіи докучнаго скептика, который, однако, обвиняетъ ихъ не въ чемъ либо дурномъ, а только въ слишкомъ большомъ легковѣріи.

Такъ, на примѣръ, книга мистера Гома доставляетъ обильный запасъ отборныхъ образчиковъ ругательнаго краснорѣчія, направленнаго не противъ научныхъ скептиковъ, — съ ними онъ обращается съ замѣтнымъ уваженіемъ, которымъ не дурно было-бы позаимствоваться у него мистеру Уоллесу,—но противъ нѣкоторыхъ изъ своей-же братии-спиритовъ, на которыхъ онъ смотритъ (по неуказаннымъ имъ причинамъ) съ самой нехристіанской враждебностью. Одинъ изъ этихъ ненавистныхъ ему спиритовъ—полковникъ Олькоттъ, изъ Нью-Йорка, президентъ тамошняго Теософическаго Общества. О немъ мнѣ придется еще говорить ниже, а пока я скажу только, что онъ издалъ недавно книгу, подъ заглавіемъ Люди съ Того Свѣта, которую посвятилъ господамъ Круксу и Уоллесу, и въ которой онъ описываетъ „матерьялизаціи“ братьевъ Эдди. Мистеръ Гомъ совершенно не вѣритъ этимъ „матерьялизаціямъ“; а о самой книгѣ говорить, что „она въ десять разъ безсмысленнѣе евангелія мормоновъ или фантазій Іоанны Саускотъ“; что, „быть можетъ, никогда еще человѣческому уму не доводилось дивиться на подобныя изрѣченія“ и что хотя „не мало и другихъ произведеній этого сорта отравляютъ спиритистическую литературу, однако-же даже между ними, лишь очень немногія обнаруживаютъ такое полное отсутствіе какого-либо принципа, такую счастливую смѣлость въ утвержденіяхъ и такое полнѣйшее презрѣніе къ фактамъ“.

Понятно, что и мистеру Гому придется въ свою оче-

редь, „проглотить“ столь-же любезные отзывы со стороны критиковъ-спиритовъ по поводу своей книги. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ единственнаго спиритистическаго разбора этой книги, который мнѣ удалось видѣть до сихъ поръ ¹⁾).

„Мистеръ Гомъ не можетъ имѣть ни малѣйшаго притязанія на занятіе того возвышеннаго и центральнаго пункта, съ котораго только и можетъ быть вѣрно понять настоящій спиритизмъ. Онъ просто т. н. „феноменальный“ медиумъ; а мы никогда еще не слыхали, чтобы въ этомъ классѣ можно было найдти людей, одаренныхъ пылкимъ вдохновеніемъ, кроткою мудростью и чистымъ безкорыстіемъ... Прахъ человѣческой смертности прилипъ къ нему такъ крѣпко, что онъ не въ силахъ воспарить даже на одну минуту въ горнее царство духовнаго свѣта и принциповъ (въ которомъ, безъ сомнѣнія, обитаетъ его критикъ)..... Правильно или неправильно, мистеру Гому пришлось выносить самыя жестокия нападки со стороны цѣлаго легіона противниковъ, которые изобрѣтали самыя разнообразныя предлоги, чтобы оправдать свою неумолимую ненависть къ нему. Довольно странно, что всѣ эти противники, или, по крайней мѣрѣ, наибольшая ихъ часть, принадлежатъ къ той-же самой сферѣ спиритистической дѣятельности, какъ и самъ мистеръ Гомъ. Все это „медиумы и притомъ именно „физическіе“ или „феноменальные“ медиумы того или другаго рода; а потому всѣмъ имъ приходится переносить постоянное близкое сопоставленіе и сравненіе съ ихъ старшимъ братомъ... Это чрезмѣрное себялюбіе ведетъ

¹⁾ Human Nature, a Monthly Journal of Zoistic Science, май 1877.

только къ взаимнымъ обвиненіямъ и злословію, которыя, постоянно повторяясь, разростаясь и переносясь изъ страны въ страну, превращаются, наконецъ, въ настоящее стадо бѣсовъ, способное довести до сумасшествия всякаго человѣка, живущаго въ сферѣ ихъ дѣйствія... Весь этотъ образъ дѣйствій представляетъ весьма поучительное изображеніе черезъ-чуръ широкаго развитія физическаго медиумства, неосвященнаго духовною любовью и безкорыстной благотворительностью“.

Но довольно о мистерѣ Гомѣ лично; послушаемъ, что говорится о его книгѣ:

„Взятая въ цѣломъ, книга эта представляетъ, съ самаго начала и до конца, поверхностную компиляцію, безъ всякой оригинальной мысли, безъ задушевной цѣли, и, какъ всѣ произведенія подобнаго рода, отличается самой очаровательной нелогичностью“.

Посмотрите, пожалуйста, какъ эти спириты любятъ другъ друга!

Теперь я обращаюсь къ мистеру Уоллесу, моему старому другу, съ которымъ я никогда не имѣлъ ни малѣйшей личной размолвки, за исключеніемъ той, которая возникла (да и то съ его стороны) изъ различія нашихъ мнѣній по отношенію къ вопросамъ, обсуждавшимся мною въ моихъ Чтеніяхъ.

Въ своемъ разборѣ моихъ Чтеній, о которомъ я уже упоминалъ выше, мистеръ Уоллесъ обвиняетъ меня „въ полномъ искаженіи мнѣній моихъ противниковъ“, въ „неопредѣленныхъ утвержденіяхъ самаго общаго свойства, не подкрѣпленныхъ, да и не могущихъ быть подкрѣпленными, ни одною крупницею доказательства“, и, наконецъ, что гораздо хуже, въ умышленномъ и неоднократномъ *Suppressio veri* (сокрытіи истины).

Въ особенности возбуждаетъ его негодованіе то мѣсто, гдѣ я говорилъ о слишкомъ легкомъ принятіи мистериомъ Уоллесомъ „самыхъ слабыхъ доказательствъ самыхъ большихъ чудесъ“; вслѣдствіе чего онъ считаетъ эту фразу, во-первыхъ, „рѣшительно ничѣмъ неоправдываемымъ замѣчаніемъ“; во-вторыхъ, „не имѣющей и тѣни основанія“, и, въ-третьихъ (тутъ онъ постепенно поднимается до самой высшей ноты добродѣтельного негодованія),— „легкомысленнымъ обвиненіемъ, которое онъ не въ состояніи характеризовать надлежащимъ образомъ, не прибѣгая къ такому языку, котораго онъ не желалъ бы употребить“. Ужасная сила этого послѣдняго, убійственного порицанія—равносильнаго страшной угрозы спикера (президента парламента) „назвать по имени“ почтеннаго члена—заставляетъ меня съ благодарностью помышлять о томъ, что спиритизмъ пока не владѣетъ еще верховною властью въ государствѣ и что, поэтому, въ настоящую минуту, меня можно привязать къ позорному столбу только морально. Однако же, вспоминая дѣло того несчастнаго священника, который, во время самага разгара Салемской эпидеміи, былъ повѣшенъ за то, что осмѣлился усумниться въ самомъ существованіи колдовства, я не могу взирать безъ трепета на ту участь, которая постигла бы меня, еслибы я былъ преданъ за свою спиритистическую ересь торжественному суду, и если бы моими судьями были господа Круксъ и Уоллесъ, прокуроромъ-обвинителемъ—Оксфордскій Магистръ, а главнымъ свидѣтелемъ со стороны обвиненія—мистриссъ Гёппи-Фольеманъ!

Приведа всѣ эти цитаты только для того, чтобы представить читателю нѣсколько отборныхъ образчиковъ „Благодушія Спиритизма“, напоминающаго извѣстное

„краткое“ наставленіе, данное адвокату отвѣтника,—
„Ни слова по дѣлу; нападайте только всячески на адвоката истца“, — я перехожу теперь къ слѣдующему „куръезу“.

Что разумѣть мистеръ Уоллесъ подѣ „доказательствомъ“.

Всякій, кто занимался вопросомъ о доказательствахъ, отлично знаетъ, что „доказать“ какое-либо предложеніе значитъ, употребляя выраженіе доктора Джонсона, „установить это предложеніе такимъ образомъ, чтобы исключить всякую возможность отрицанія или сомнѣнія“. Типомъ доказательнаго разсужденія должно считаться разсужденіе математическое, гдѣ каждый шагъ дедуктивнаго процесса отличается такою полною несомнѣнностью, — такъ какъ предложеніе, противоположное утверждаемому, или отличное въ чемъ-либо отъ него, просто „немыслимо“, — что мы принимаемъ конечное Q. E. D. (*quod est demonstrandum*, — что и требовалось доказать) съ такою же твердою увѣренностью, какъ и тѣ аксіомы, изъ которыхъ мы вышли въ самомъ началѣ.

Никакія свидѣтельства, относящіяся къ фактамъ, обыкновеннымъ или научнымъ, не могутъ быть „доказательными“, въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что они открыты различнаго рода погрѣшностямъ и заблужденіямъ, каковы ошибки наблюденія, ошибки истолкованія и ошибки (умышленные или неумышленные) утвержденія, или передачи. Но, обыкновенно, мы строимъ наши убѣжденія на основаніи согласныхъ показаній компетентныхъ и незаинте-

ресованныхъ въ дѣлѣ свидѣтелей, причемъ такое согласное показаніе если и не „исключаетъ безусловно всякую возможность отрицанія или сомнѣнія“, то исключаетъ ее все-таки до такой степени, что устанавливаетъ тутъ наивысшую нравственную вѣроятность, какую только допускаетъ данный случай. Но, съ другой стороны, коль скоро имѣются разумныя основанія для сомнѣнія, — относительно-ли достаточности свидѣтельскихъ показаній для установленія *factum probandum*, относительно-ли достовѣрности свидѣтельствъ (которая можетъ быть подвергнута сомнѣнію не на основаніи одного только умышленнаго обмана, но и на многихъ другихъ основаніяхъ), — то прилагать къ такимъ свидѣтельствамъ названіе „доказательныхъ“ значило бы допускать полнѣйшую путаницу и смѣшеніе по отношенію къ смыслу употребляемыхъ терминовъ.

Но это и есть какъ разъ то, что неоднократно дѣлалъ мистеръ Уоллесъ, когда онъ обвинялъ меня въ томъ, что я умышленно закрываю собственныя глаза и стараюсь отвратить глаза другихъ отъ того, что онъ считаетъ доказательными свидѣтельствами въ пользу нѣкоторыхъ предложеній; тогда какъ, на мой взглядъ, эти свидѣтельства не только не свободны отъ „всякой возможности отрицанія или сомнѣнія“, но, напротивъ того, кажутся мнѣ открытыми для сомнѣній на основаніи каждаго изъ тѣхъ обстоятельствъ или изъ тѣхъ источниковъ ошибокъ, которые я только-что перечислилъ выше.

Мнѣ всегда казалось, что „спиритистическое“ получение плодовъ, цвѣтовъ. и пр., во время темныхъ сеансовъ, составляющее въ настоящее время одно изъ са-

мыхъ обыкновенныхъ „медіумическихъ“ представленій, должно считаться еще въ большей мѣрѣ ех *regim natura* (не въ порядкѣ вещей), чѣмъ даже верченіе столовъ и разныя „постукиванья“; а потому я всегда находилъ, что такая полная противуестественность этого явленія уже сама по себѣ давала право предполагать, что оно есть ничто иное, какъ фокусническая продѣлка, которая непременно должна открыться при строгомъ изслѣдованіи; фактъ же нераскрытія ея до сихъ поръ объясняется просто тѣмъ, что ни одно изслѣдованіе не было достаточно полнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, по отношенію къ этому случаю, могутъ имѣть мѣсто только двѣ гипотезы: или всѣ эти цвѣта, плоды, и пр. вносятся въ комнату самимъ „медіумомъ“ или кѣмъ-либо изъ его сообщниковъ; или же они должны были де матерьялизироваться, т. е. распасться на свои составные атомы, и, пройдя черезъ стѣны, двери или оконныя стекла, не только собраться снова вмѣстѣ и принять свои первоначальныя формы, но и воспринять снова свою первоначальную жизнедѣятельность (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о живыхъ существахъ). Понятно, что если мы вѣримъ въ возможность этого для живыхъ угрей или раковъ, то мы можемъ повѣрить этому и относительно мистриссъ Гёппи. Что касается до меня, то для меня одно стольже непонятно и немисливо, какъ и другое. Впрочемъ даже мистеръ Д. Д. Гомъ, бывшій не разъ самоличнымъ свидѣтелемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ, по увѣреніямъ присутствовавшихъ, имѣло мѣсто такое „прохожденіе вещества черезъ вещество“, оказывается согласнымъ со мной во взглядѣ на это дѣло и увѣряетъ, что „всѣ эти случаи могутъ быть объяснены

гораздо менѣе изысканными теоріями“ (О р. cit., р. 351) Но мистеръ Уоллесъ жалуется на меня за то, что, даже говоря о томъ случаѣ, когда цвѣты и плоды были „получены“ въ его собственной гостинной, или когда они появились при такихъ же обстоятельствахъ въ домѣ мистера Т. А. Троллопа, во Флоренціи (смотри рассказъ объ этомъ въ *Dialectical Report*), я никакъ не хочу и тутъ считать „доказательнымъ“, что они не были принесены мѣдіумомъ“.

Я постараюсь сейчасъ, при помощи мистера Гома. взвѣсить вѣроятную цѣну cadaго изъ этихъ случаевъ въ дѣлѣ доказательства существованія подобныхъ явленій.

„Позвольте мнѣ, говорить мистеръ Гомъ (О р. cit., р. 352), дать вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ выполняется часто внесеніе плодовъ, рыбы, и пр. въ темную комнату. Предположимъ, что кружокъ ожидающихъ чудо сидитъ вокругъ стола. Потокъ гармоніи бьетъ ключомъ, какъ обыкновенно. Вдругъ, „мѣдіумъ“ (обыкновенно дама — дамскія платья представляютъ столько удобствъ для сокрытія чего угодно) опускаетъ присутствіе „духовъ“ и заявляетъ объ этомъ публикѣ. вмѣстѣ съ этимъ, она начинаетъ размышлять вслухъ на счетъ того, что то имъ принесутъ на этотъ разъ духи. „Позвольте! въ прошлый нашъ сеансъ, милые духи принесли намъ нѣсколько капустныхъ вилокъ. Что если сегодня они вдругъ принесутъ намъ полевыхъ лилій? какъ бы это было прелестно! Ахъ! что я! какіе пустяки! намъ не слѣдуетъ просить полевыхъ лилій. Лучше подумаемъ о чемъ-нибудь другомъ. Скажите: кто изъ васъ чего хочетъ?“

Весьма естественно, что изъ кружка раздается по-

крайней мѣрѣ одинъ голосъ: „что касается до меня, то я желалъ бы полевыхъ лилій“.

„Медиумъ энергически возстаетъ противъ этой мысли. „Быть можетъ, милые духи не въ состояніи достать ихъ. Для чего вы непременно требуете такихъ необыкновенныхъ вещей?“ ¹⁾

„Если они принесутъ полевыхъ лилій, я буду считать это испытаніемъ ихъ силы и доказательствомъ ихъ существованія“.

„Въ слѣдующее мгновеніе слышитсязвукъ сыплящихся растений. Иногда, въ придачу къ этому, „голосъ духа“ возвѣщаетъ: „мы принесли вамъ полевыхъ лилій, если вамъ такъ ужъ хотѣлось ихъ“. И, конечно, послѣ заженія свѣчи, столъ оказывается покрытымъ цвѣтами, о которыхъ все время шла рѣчь. И вотъ, въ слѣдующемъ же номерѣ какого-нибудь спиритистическаго журнала появляется статейка о новомъ „прекрасномъ испытаніи“; а именно о томъ, какъ „во время сеанса умистрисъ А.—, происходившемъ нѣсколько дней тому назадъ,—мистеръ В. пожелалъ полевыхъ лилій, которыя и были „немедленно принесены“ духами“. (Op. cit., p. 355).

Извѣстно, что фокусники постоянно прибѣгаютъ къ этому способу „внушенія“ нужныхъ имъ желаній и требованій, и что ловкій фокусникъ можетъ „навязать карту“ самой не желающей ея жертвѣ, или можетъ заставить эту жертву выбрать изъ цѣлой дюжины или двухъ носовыхъ платковъ каеъ разъ тотъ самый пла-

¹⁾ Конечно (прибавляетъ мистеръ Гомъ) дѣло ведется такъ лишь въ томъ случаѣ, если полевые лиліи цвѣтутъ въ это время. «Духи» никогда не приносятъ цвѣтовъ, которыя не цвѣтутъ въ это время или которыя растутъ въ далекихъ странахъ.

токъ, который нужно фокуснику для его штуки. Единственная разница заключается въ томъ, что, въ одномъ случаѣ, такое „внушеніе“ достигается путемъ рѣчи, а, въ другомъ, путемъ извѣстнымъ образомъ рассчитанныхъ зрительныхъ впечатлѣній. Но, кромѣ этого бессознательнаго сообщества, тутъ имѣется полный просторъ и для умышленнаго соучастія, которое и было обличено судьей Коксомъ въ одномъ случаѣ мошеннической „матерьялизаціи“. И надобно прибавить, что, въ этихъ случаяхъ, говоря строго, даже члены собственной семьи, даже самые близкіе друзья не могутъ считаться внѣ всякаго подозрѣнія. Впрочемъ, какъ ни ловки „медіумы“, однако же и они попадаютъ отъ времени до времени въ свои собственные ловушки.

„Я припоминаю одинъ случай (говорить мистеръ Гомъ), когда около полуинты крыжовника было высыпано на столъ въ темнотѣ. „Смотрите!“ воскликнулъ „медіумъ“, „неужели это не прекрасно? Неужели вы не находите этого изумительнымъ?“ Надо было видѣть взрывъ негодованія, послѣдовавшій за заявленіемъ двоихъ изъ присутствующихъ, что они „не находятъ въ этомъ ничего удивительнаго“. „Какъ!“ воскликнулъ чудодѣй, „что-жъ, вы думаете, можетъ быть, что я принесъ эти ягоды въ своемъ собственномъ карманѣ?“ При этомъ, ради вѣщаго доказательства своей честности и оправданія своей гнѣвной выходки, онъ выворотилъ свой карманъ наружу. Но, — о, ужасъ! Бѣдный „медіумъ“ совсѣмъ позабылъ о маленькихъ завядшихъ листочкахъ (т. е. о чашечкѣ), которыя бываютъ обыкновенно прилипшими къ ягодамъ крыжовника. По крайней мѣрѣ дюжина такихъ листочковъ была выколупана изъ складокъ его кармана!“

Впрочемъ, этотъ „медіумъ“ оказался вполне на высотѣ своего положенія. „Очевидно, что злые духи нарочно напихали ихъ мнѣ сюда!“ сказалъ онъ.

Принимаетъ ли мистеръ Уоллесъ это объясненіе? А если нѣтъ, то почему? Вѣдь нельзя не согласиться, что оно точь въ точь столь же вѣроподобно, какъ и самая „матерьялизація“.

Послѣ всего сказаннаго о различныхъ уловкахъ „медіумовъ“ въ дѣлѣ „матерьялизаціи“, едва ли кто повѣритъ мнѣ, когда я скажу, что въ томъ случаѣ, на который ссылается главнымъ образомъ мистеръ Уоллесъ, и который имѣлъ мѣсто въ его собственномъ домѣ, не было принято рѣшительно никакихъ предосторожностей! „Медіумомъ“ въ этотъ разъ была миссъ Николь (о которой будетъ еще говорено ниже); это былъ первый случай „полученія“ растений, и все дѣло происходило „на очень ранней ступени ея развитія“. Единственная крупица доказательства, приводимая мистеромъ Уоллесомъ въ пользу того, что цвѣты и папоротники не были принесены съ собой самимъ „медіумомъ“, заключается въ томъ состояніи, въ которомъ оказались эти растенія, по его увѣренію; а именно, — „всѣ они были совершенно свѣжи, какъ будто бы ихъ только-что набрали въ цвѣтникѣ, и притомъ покрыты тонкой, холодной росой“. Это обстоятельство, по мнѣнію мистера Уоллеса, дѣлаетъ „безусловно невозможнымъ“ предположеніе, что миссъ Николь держала эти растенія спрятанными гдѣ-нибудь на себѣ, „въ очень теплой, освѣщенной газомъ комнатѣ, втеченіе цѣлыхъ четырехъ часовъ, протекшихъ до появленія цвѣтовъ“. Но, допуская даже полнѣйшую непредубѣжденность и достовѣрность свидѣтельства мистера Уоллеса, по отноше-

нію къ этому обстоятельству,—такъ какъ я вполнѣ признаю, что онъ обладаетъ спеціальною компетентностью для сужденія о такихъ вещахъ,—мы тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить въ его разсказѣ одного маленькаго недостатка, который, какъ я покажу сейчасъ, серьезно подрываетъ его доказательную цѣну. Все это дѣло происходило болѣе десяти лѣтъ тому назадъ; а потому, многія мелочи,—какъ, напримѣръ, не выходила ли миссъ Николь изъ гостиной втеченіе этихъ четырехъ часовъ, или не почувствовала ли она озноба (дѣло было въ срединѣ зимы) и не потребовала ли себѣ свою мантилью,—могли ускользнуть отъ его вниманія въ то время или улетучиться изъ его памяти впослѣдствіи. Но, даже взявъ дѣло такъ, какъ ставить его мистеръ Уоллесъ, всякій имѣетъ право спросить, гдѣ же доказательства его „безусловной невозможности“. Каждому случалось видѣть, какъ фокусники наваливаютъ цѣлую гору букетовъ изъ простой шляпы, хотя всякій признаетъ „безусловную невозможность“ того, чтобы всѣ эти букеты заключались ранѣе въ этой шляпѣ. Большинство людей, жившихъ долго въ Индіи, видали также знаменитую штуку, подъ названіемъ „растущее дерево“,—штуку, о которой мнѣ разсказывали многіе изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ, и которая представляетъ положительно величайшее изъ чудесъ, о какихъ я когда-либо слышалъ. Фокусникъ беретъ цилиндрическую корзинку, совершенная пустота которой была предварительно „доказана“, т. е. освидѣтельствована зрителями, и опрокидываетъ ее на дерновой лужайкѣ, къ которой онъ не имѣлъ прежде никакого доступа; и вотъ, подъ этою корзинкою внезапно является изъ земли ростокъ ман-

гифероваго дерева около шести дюймовъ длиною; затѣмъ, втеченіе какого-нибудь получаса, это деревцо, подь рядомъ постоянно перемѣняемыхъ, все болѣе и болѣе высокихъ корзинокъ, вырастаетъ на глазахъ зрителей до высоты шести футовъ. Что касается до меня, то я нахожу, что эта штука побиваетъ на голову штуку миссъ Николь. Я спрашиваю мистера Уоллеса, приписывается ли онъ и эту штуку съ деревомъ „спиритистической дѣятельности“, какъ мистеръ Бенжаменъ Кольтманъ, который упорно настаиваетъ на томъ, что господа Кукъ и Маскейлйнъ должны считаться „лучшими изъ живущихъ нынѣ „медіумовъ“ по части произведенія физическихъ эффектовъ“, не смотря на собственныя увѣренія этихъ господъ, что они просто фокусники? Или же, согласно съ цѣлымъ свѣтомъ вообще и съ самими исполнителями „штуки съ деревомъ“ въ частности, онъ смотритъ на эту штуку просто какъ на чрезвычайно ловкій фокусъ? Если первое, то мы въ правѣ имѣть свое собственное мнѣніе на счетъ здравости умственныхъ способностей мистера Уоллеса; если же второе, то гдѣ же доказательная сила этого „доказательнаго“ опыта, произведеннаго въ гостиной мистера Уоллеса?

Обратимся теперь къ другому случаю, на который специально ссылается мистеръ Уоллесъ, а именно, къ случаю, имѣвшему мѣсто въ домѣ мистера Т. А. Троллопа. Здѣсь, одежда „медіума“ (дамы) была тщательно осмотрѣна госпожею Троллопъ передъ началомъ сеанса; точно также и комната, въ которой долженъ былъ происходить сеансъ, была предварительно обыскана джентельменами, участвовавшими въ сеансѣ. Но, принимая въ соображеніе, какъ искусно умѣютъ прятать ловкія дамы всѣ тѣ предметы, которые имъ будутъ нужны для

„спиритистической материализаціи“ (образчики этого искусства будутъ представлены сейчасъ), я считаю, что было бы гораздо лучше, если бы обыскъ миссъ Николь былъ произведенъ опытною женщиною, употребляемою въ тюрьмахъ и при полиціи для обыска преступницъ; точно также я полагаю, что помощь искуснаго полицейскаго сыщика оказалась бы весьма полезною для сыщиковъ-джентльменовъ, производившихъ обыскъ „комнаты. Но если бы даже всѣ эти предосторожности и были приняты, то и тогда для преодоленія этого маленькаго затрудненія было бы достаточно одной очень простой штуки, — штуки такой простой, что (по выраженію извѣстнаго фокусника, мистера Робена) „просто смѣшно смотрѣть, какъ легко люди позволяютъ обманывать себя“.

Мистеръ Гомъ рассказываетъ (Op. cit., p. 353) про одного „медіума“, что „во многихъ случаяхъ, не смотря на самый тщательный предварительный обыскъ ея платья, цвѣты и даже маленькія вѣточки кустарниковъ, совсѣмъ съ листьями, появлялись на ея сеансахъ, — конечно, въ совершенной темнотѣ“. Но, однажды вечеромъ, одинъ господинъ, явившійся слишкомъ поздно, чтобы быть впущеннымъ въ залу во время сеанса, но получившій однако, по его окончаніи, одну изъ маленькихъ „спиритскихъ вѣточекъ“, замѣтилъ случайно листокъ, прицѣпившійся снизу къ красной мантилѣ, принадлежавшей „медіуму“. Убѣдившись, что этотъ листокъ соотвѣтствуетъ вполнѣ листкамъ той вѣточки, которая была у него въ рукѣ, онъ проворно схватилъ мантилью и показалъ всѣмъ присутствующимъ, что приношенія „духовъ“ были спрятаны въ ея бахромѣ. Послѣ этого, „всѣ припомнили, что, послѣ обыска, „ме-

діумъ" (дама) стала жаловаться на чувство озноба и просила позволенія надѣть свою красную мантилью, которую она оставила въ передней (конечно, замѣшпаную въ верхнюю одежду другихъ гостей)".

Такимъ образомъ, кромѣ самого тщательнаго обыска передъ началомъ сеанса какъ самого „медіума“, такъ и комнаты, очень существенно, чтобы послѣ начатія сеанса ничего уже не было вносимо въ комнату.

Но даже и эта предосторожность недостаточна для „доказательства“ „спиритистическаго“ происхожденія интересующихъ насъ теперь предметовъ. Потому что тутъ все еще останется обширное поле для дѣйствія сообщничества, которое, по словамъ мистера Гома, „играетъ большую роль въ подобныхъ случаяхъ“. „Я зналъ много случаевъ“, продолжаетъ онъ, „въ которыхъ прислуга дома подкупалась предварительно, чтобы дѣйствовать въ качествѣ пособниковъ“. А судья Коксъ, говоря о выполненіи „матерьялизаціи“, упоминаетъ о „людяхъ, которые отлично знали, что это была просто фокусническая продѣлка, и тѣмъ не менѣе позволяли сдѣлать изъ себя ея орудіе“.

„Изъ всего этого“, — продолжаетъ судья Коксъ, — (т. е. изъ всей этой системы обмана, такъ добросовѣстно раскрытой и обличенной имъ), „вытекаетъ тотъ урокъ, что ни одно подобное явленіе не должно быть принимаемо за неподдѣльное, настоящее, если оно не будетъ получено при самыхъ строгихъ, испытательныхъ условіяхъ. Исслѣдователи не должны удовлетворяться никакими доказательствами, кромѣ самыхъ лучшихъ, какія только допускаются данными обстоятельствами“.

Послѣ этого, я увѣренъ, что такой опытный уголовный судья, какъ мистеръ Коксъ, поддержитъ меня своимъ авторитетомъ, когда я скажу, что въ томъ дѣлѣ, которое мы теперь обсуждаемъ, единственнымъ „испытательнымъ условіемъ“, могущимъ считаться „доказательнымъ“, былъ бы только тщательный обыскъ каждой личности, впускаемой въ комнату сеанса. Но на подобное испытаніе мистеръ Уоллесъ возразитъ, по всей вѣроятности, что оно обнаруживаетъ совершенно неразумную степень подозрительности, которая можетъ оскорбить „милыхъ духовъ“ и помѣшать имъ осчастливить присутствующихъ своими приношеніями; послѣ чего онъ станетъ утверждать, что неудача при такихъ „строгихъ условіяхъ“ ровно ничего не доказываетъ противъ неподдѣльности уснѣховъ, полученныхъ при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Но я убѣжденъ, что здравый смыслъ тѣхъ, которые не поддались еще спиритистическому „предубѣжденію“, поддержитъ мое заключеніе, что „доказательство“ мистера Уоллеса вовсе не доказательство; и что, пока онъ не представитъ намъ чего-нибудь получше, мы имѣемъ полнѣйшее право считать болѣе вѣроятнымъ, что тутъ скрывается какое-то надувательство, чѣмъ то, что „вещество можетъ проходить черезъ вещество“.

Въ моихъ Чтеніяхъ, я уже показалъ, что мы имѣемъ достаточно основаній подозрѣвать, что даже дамы порядочнаго общества, стоящія выше пріобрѣтенія денегъ, въ качествѣ профессиональных „медіумовъ“, способны забавляться по временамъ подобными штуками; вѣроятность подобныхъ вещей хорошо извѣстна всѣмъ докторамъ-практикамъ; что же касается до мистера Уоллеса, то я скажу ему, что онъ не имѣлъ по этой ча-

сти того, что имѣлъ я,—т. е. личнаго опыта. А теперь я сообщу читателю подробности, относящіяся къ одному случаю этого рода, на который я уже ссылался въ моемъ второмъ Чтеніи; такъ какъ мистеръ Уоллесъ набросилъ сомнѣніе на мой рассказъ объ этомъ случаѣ, то я нахожу небезполезнымъ описать его здѣсь еще разъ болѣе обстоятельнымъ образомъ.

Въ своемъ ревностномъ желаніи защитить „медіума“— даму, которую, по его мнѣнію, я оклеветалъ самымъ несправедливымъ образомъ, мистеръ Уоллесъ высказываетъ догадку, что лицо, сообщившее мнѣ всѣ нужныя свѣдѣнія, „поддѣлало доказательства“, и требуетъ „независимыхъ свидѣтельствъ въ пользу того, что желѣзисто-синеродистое кали не было полито на цвѣты послѣ того, какъ они появились во время сеанса“, прибавляя къ этому, что „нѣкоторые изъ этихъ цвѣтовъ были посланы къ городскому доктору, который не могъ открыть въ нихъ никакихъ слѣдовъ желѣзисто-синеродистаго кали“. Такъ какъ мистеръ Уоллесъ не находитъ нужнымъ стѣсняться по отношенію къ этому случаю, то и я могу сказать теперь, что „медіумъ“, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, есть никто иной, какъ любимый „медіумъ“ мистера Уоллеса, — миссъ Николь, въ послѣдствіи мистриссъ Гёппи, а теперь мистриссъ Гёппи-Фолькманъ,— т. е. та самая дама, которая совершила тотъ знаменитый воздушный полётъ (изъ своего дома въ Гайбурь-Гилль-Парей въ плотно запертую комнату въ Лямъ-Кондьюитъ-Стритъ), о которомъ я упоминалъ въ первомъ Чтеніи. Далѣе, нужно сказать, что сеансъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ однимъ изъ нѣсколькихъ сеансовъ, происходившихъ, во время засѣданія Британской Ассоціаціи въ Бельфастѣ, три года тому назадъ,

въ одномъ домѣ, гдѣ мистриссъ Гёппи была принята какъ гостя. Имѣвъ случай видѣть самолично одинъ изъ цвѣтковъ, „полученныхъ“ на этомъ сеансѣ, и услышавъ, что одному молодому человѣку изъ числа присутствовавшихъ удалось открыть тутъ обманъ, съ помощью химическаго реактива, я вступилъ въ сношенія съ этимъ молодымъ человѣкомъ и вскорѣ получилъ отъ него подробное изложеніе всего происходившаго, не только на этомъ, но и на предъидущемъ сеансѣ, съ полнѣйшимъ разрѣшеніемъ опубликовать доставленные мнѣ свѣдѣнія. Нижеслѣдующій буквальный отрывокъ изъ его разсказа заключаетъ въ себѣ все, что есть существеннаго въ этомъ случаѣ; замѣчу при этомъ, что этотъ разсказъ хранился въ моей конторкѣ болѣе трехъ лѣтъ; а слѣдовательно, онъ не былъ „поддѣланъ“, въ видахъ отвѣта на возраженія мистера Уоллеса; хотя его чрезвычайная „подходящестъ“ для этой цѣли и можетъ навести на подобную мысль:

„Подмѣтивъ (во время предъидущихъ сеансовъ), что цвѣты были обмакнуты въ воду (потому что роса не проникаетъ до самой сердцевинки цвѣтка), я заключилъ, что роса была произведена на нихъ искусственнымъ образомъ, и, чтобы выяснитъ это дѣло, 21-го августа, я подлилъ небольшое количество раствора желѣзисто-синеродистаго кали въ воду, стоящую на умывальномъ столикѣ, въ компатѣ мистриссъ Гёппи.

„Сеансъ № 4. 23 августа 1874.—Засѣдало пятнадцать человѣкъ; изъ нихъ пятеро было чужихъ, а именно, мистеръ и мистриссъ Гёппи и трое джентльменовъ, которыхъ они привели съ собою и изъ которыхъ одинъ былъ профессиональный медиумъ. Свѣча была потушена и столъ началъ качаться съ большою силою. Къ намъ

обратились съ предложеніемъ, — пожелать три какіе-нибудь сорта цвѣтовъ. Столъ въ это время прыгалъ ужасно, и я проворно зажегъ нѣсколько спичекъ. Все вдругъ остановилось. Мистриссъ Гѣппи сильно разсердилась и сказала, что мой поступокъ равносильнъ прямому заявленію подозрѣнія, что они насъ обманываютъ. Послѣ умиротворенія, свѣчка опять была потушена, послѣ того какъ мы нашли на столѣ немногу песку, луковичу какого-то растенія и пр. Столъ страшно качался; отъ одного изъ медіумовъ потянуло запахомъ какихъ-то цвѣтовъ. Затѣмъ, съ той стороны стола, у которой сидѣли медіумы, было брошено на него большое количество цвѣтовъ, между которыми были китайскія астры. Я взялъ одну такую астру, намочилъ въ ея „росѣ“ кусочекъ бѣлой пропускной бумаги и, затѣмъ, полилъ на этотъ кусочекъ растворомъ сѣрнокислой окиси желѣза; въ результатѣ получилась окраска въ цвѣтъ обыкновенной „берлинской лазури“. Небольшой колосъ цвѣтовъ розовой штокъ-розы также показалъ очень замѣтное синее окрашиваніе. Такіе же точно цвѣты, взятые прямо изъ сада, не дали никакой реакціи со взятымъ мною реактивомъ. Послѣ этихъ опытовъ, цвѣты продолжали оставаться въ моей лабораторіи, дверь которой никогда не запиралась, до утра 25 августа; въ это утро, я отнесъ нѣсколько изъ этихъ цвѣтковъ доктору Годжсу, но ни онъ, ни его друзья, помогавшіе ему, не могли открыть въ нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ желѣзисто-синеродистаго кали. Тогда я немедленно написалъ одному изъ своихъ друзей, который присутствовалъ на этомъ сеансѣ и взялъ себѣ на память одну астру, чтобы онъ поручилъ кому-нибудь изслѣдовать эту астру химически. Онъ отвѣчалъ мнѣ: «сегодня цвѣтокъ былъ анализиро-

ванъ гейдельбергскимъ профессоромъ Дельфсомъ и манчестерскимъ профессоромъ Роско. Астра показала несомнѣнные признаки присутствія желѣзисто-синеродистаго калия, и притомъ далеко не въ ничтожномъ количествѣ: Я объясняю неудачу доктора Годжса при розысканіи этой соли въ цвѣткахъ штокъ-розы тѣмъ, что хранившіеся въ моей лабораторіи цвѣты были подмѣнены другими, въ понедѣльникъ вечеромъ (24-го августа), когда всѣ обитатели дома, за исключеніемъ медіумовъ, ушли изъ дому на лекцію сэра Джона Лѣббока».

Прибавлю къ этому, что, по наведеннымъ мною справкамъ, господинъ, доставлявшій мнѣ всѣ эти свѣдѣнія, пользуется репутаціей безукоризненной честности, равно какъ и его другъ, на котораго онъ тутъ ссылается. Теперь я спрашиваю cadaго: чему мы должны болѣе вѣрить, — свидѣтельству ли этихъ двухъ джентльменовъ, или добросовѣстности мистриссъ Гѣппи? Замѣтимъ къ этому, что мы не имѣемъ здѣсь рѣшительно никакихъ доказательствъ того, что цвѣты не были принесены медіумомъ; тогда какъ немедленное открытіе въ нихъ желѣзисто-синеродистаго калии однимъ изъ свидѣтелей и позднѣйшее подтвердительно показаніе другаго свидѣтеля, доставляютъ намъ сильнѣйшую увѣренность въ томъ, что цвѣты были политы водою изъ графина, стоявшаго въ комнатѣ мистриссъ Гѣппи. Но къ мѣ? Что касается до меня, то я могу сказать только одно, что я, какъ бывшій профессоръ судебной медицины, не имѣю ни малѣйшихъ сомнѣній касательно того, какой вердиктъ вынесли бы въ подобномъ случаѣ разсудительные присяжные, если бы дѣло шло, напримѣръ, объ отравленіи.

Что считается мистеромъ Уоллесомъ „строгими условіями“.

Во второмъ моемъ Читаніи, я уже рассказывалъ о неудачѣ, которую потерпѣли трое ясновидящихъ, заявлявшихъ претензію на полученіе преміи Бурдена; мистеръ Уоллесъ объясняетъ эту неудачу слѣдующимъ образомъ: «Всякій читатель имѣетъ полное право усумниться, чтобы назначеніе преміи за чтеніе при строгихъ условіяхъ могло считаться подходящимъ средствомъ для испытанія способности, отличающейся такою высокою степенью измѣнчивости, непостоянства и деликатности, какою отличается ясновидѣніе, по увѣреніямъ всѣхъ знающихъ это дѣло“. Спрашивается теперь, — въ чемъ же состояли эти строгія условія? Въ первомъ случаѣ, мадмуазель Эмили не было дозволено ознакомиться предварительно, помощью ея обыкновеннаго зрѣнія, съ содержаніемъ той книги, которую ей предстояло потомъ читать посредствомъ затылка. Во второмъ случаѣ, отъ мадмуазель Пижеръ, обладавшей, будто бы способностью читать черезъ черную, бархатную повязку, покрывавшую ея глаза, потребовали, чтобы она читала книгу, которую будутъ держать ей прямо противъ лица; а не позволили ей самой держать эту книгу въ такомъ положеніи, что она могла читать ее снизу, изъ-подъ края повязки. И, наконецъ, въ третьемъ случаѣ, ясновидящей мистера Теста не позволили вскрыть ящичка, въ который было вложено нѣсколько печатныхъ строкъ, предназначавшихся для испытанія ея способностей! Изъ этихъ примѣровъ можно судить о томъ, каковы были бы тѣ испытанія, которыя мистеръ Уоллесъ счелъ бы подходящими и удовлетворительными.

Что считается господами Круксомъ и Уоллесомъ „досто-
вѣрнымъ свидѣтельствомъ“.

Всякій, слѣдившій за новѣйшей исторіей спиритизма, слыхалъ объ обличеніи американской „Кети-Кингъ“, на которое я ссылался въ моихъ Чтеніяхъ какъ на совершенно общезвѣстный фактъ. Извѣстно также, что Робертъ Дэль-Оуэнъ послалъ въ одно изъ періодическихъ изданій Бостона разсказъ объ явленіяхъ „матерьялизаціи“, которыхъ онъ былъ очевидцемъ и за достовѣрность которыхъ онъ ручался своимъ словомъ; что послѣ разоблаченія и обличенія всей штуки, онъ старался, но безуспѣшно, помѣшать напечатанію своего разсказа; и что появленіе этого разсказа въ печати такъ опечалило его, что сильно повліяло на ту душевную и тѣлесную болѣзнь, которая сразила его вскорѣ послѣ этого. Мистеръ Гомъ, вмѣстѣ (что я въ состояніи доказать) съ наиболѣе уважаемыми представителями спиритизма въ Америкѣ, включая сюда и семью Роберта Дэля Оуэна, совершенно отвергаютъ «Кэти-Кингъ». Но, чтобы поддержать взведенное противъ меня обвиненіе въ «предосудительной готовности подхватывать, принимать и распространять всевозможныя ложныя выдумки, которыя были когда-либо пущены противъ медиумовъ», господа Уоллесъ и Круксъ выставляютъ противъ меня свидѣтеля, который стремился возстановить репутацію «Кети-Кингъ», на основаніи переизслѣдованія этого случая, произведеннаго «однимъ джентльменомъ, находящимся въ сношеніяхъ съ ежедневной прессой Нью-Йорка». Но кто же этотъ переизслѣдователь, сужденіе котораго должно опровергнуть приговоръ цѣлаго комитета, раз-

слѣдовавшаго въ самомъ началѣ этотъ случай, и состоявшаго не изъ враждебныхъ скептиковъ, а изъ добросовѣстныхъ, уважаемыхъ спиритовъ? Никто иной, какъ тотъ самый полковникъ Олькотъ, который поддерживалъ обманъ «братьевъ Эдди» и который подвергся за эту поддержку самымъ суровымъ упрекамъ со стороны мистера Д. Д. Гома. Впрочемъ, я лучше поставлю полковника Олькота самого объяснить читателю, что онъ за человекъ. Въ числѣ прочихъ забавныхъ выходовъ Теософическаго Общества, въ которомъ онъ состоитъ предсѣдателемъ, существуетъ письмо въ Тунисъ и Каиръ недавно присоединившагося къ этому обществу члена съ порученіемъ отыскать и прислать «африканскаго колдуна, который, за небольшое вознагражденіе, вызывалъ бы призраки усопшихъ и давалъ бы возможность желающимъ говорить съ ними внятнымъ голосомъ. Извѣстно также, что эти колдуны могутъ по произволу уничтожать свой вѣсь и носиться по воздуху, взлѣзть по шесту, не стоящему рѣшительно ни на чемъ, и лѣзть по немъ до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ не скроются изъ виду; позволять разрубать себя на части и даже обезглавливать, безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій... Такимъ образомъ, вамъ представляется случай представить западнымъ ученымъ, подъ покровительствомъ, содѣйствіемъ и ручательствомъ ученаго общества, изъ доказательства существованія тайныхъ силъ, отсутствіе которыхъ привело этихъ ученыхъ къ матеріализму и безвѣрію» ¹⁾).

¹⁾ Я привожу эту выписку со словъ мистера Гома (О р. cit., р. 247); но я считаю едва ли возможнымъ, чтобы, съ цѣлью очернить полковника Олькота, онъ рѣшился поддѣлать такую вещь,

Такъ вотъ, редакторъ этой восхитительной ерунды и есть тотъ достовѣрный свидѣтель, увѣренія котораго въ томъ, будто бы онъ доказалъ, „при самыхъ строгихъ испытательныхъ условіяхъ“, что Элиза Уайтъ не могла разыгрывать роли „Кэти-Кингъ“ своею собственною особою, приводятся господами Круксомъ и Уоллесомъ въ подтвержденіе взводимаго ими на меня обвиненія!

МИСТЕРЪ КРУКСЪ И ЕГО „НАУЧНЫЯ ИСПЫТАНІЯ“.

Мистеръ Круксъ не разъ ручался своею научною репутаціею за неподдѣльность подвиговъ „медіумовъ“, на основаніи произведенныхъ имъ „научныхъ испытаній“, или по крайней мѣрѣ того, что онъ называетъ этимъ именемъ; а потому доказательная сила этихъ испытаній можетъ составлять вполне законный предметъ для изслѣдованія. Нѣжеслѣдующая исторія доставить намъ нѣкоторую возможность оцѣнить эту доказательную силу.

Года три тому назадъ, явилась въ Лондонъ изъ Луизвилля (въ Кентукки) молодая, красивая женщина, которая успѣла уже объѣхать ранѣе всѣ главнѣйшіе города и мѣстечки Соединенныхъ Штатовъ, въ качествѣ

которую самъ же онъ выдаетъ за общественный документъ. Я могу прибавить къ этому, что возможность подобной вещи подтверждается вполне тѣми свѣдѣніями объ этой личности, которыя были получены мною прямо изъ Нью-Йорка и которыя, ничуть не подвергая сомнѣнію добросовѣстности полковника Олькота, показываютъ однако же ясно, что онъ представляетъ истинный типъ тѣхъ «ротозѣевъ», которые, по словамъ мистера Гома, готовы схватить все, что имъ не поднесутъ, и которые проглатываютъ съ одинаковою легкостью и комара, и верблюда.

„физическаго и душевнаго медиума, готоваго на всѣ испытанія“. Она дала у насъ рядъ представленій въ большомъ наемномъ помѣщеніи Ганноверскаго сквера, причемъ на одномъ изъ такихъ представленій присутствовалъ и я. Передъ началомъ представленія, публикѣ пришлось выслушать маленькую вступительную лекцію, прочитанную господиномъ очень приличной наружности, который величалъ себя „полковникомъ“ Фаемъ и котораго въ публикѣ называли тогда отцомъ молодой дамы, хотя, въ другихъ мѣстахъ, ихъ отношенія были, повидимому, супружескими. „Полковникъ“ откровенно заявилъ своей аудиторіи, что онъ намѣренъ воздерживаться отъ какого бы то ни было объясненія природы предлагаемыхъ „явленій“: онъ не требуетъ признанія ихъ спиритистическими; но, съ другой стороны, онъ не предлагаетъ ихъ публикѣ и какъ фокусническія штуки. Однимъ словомъ, онъ предоставляетъ каждому и каждой составить себѣ свое мнѣніе на этотъ счетъ. Такъ что рѣчь, въ сущности, напоминала отвѣтъ содержателя балагана маленькой дѣвочкѣ, заинтересовавшейся одной изъ выставленныхъ имъ диковинъ: — „а это все что ты хочешь, моя милочка“.

Представленіе состояло изъ двухъ частей; первая часть, или „свѣтлый сеансъ“, представляла ничто иное, какъ повтореніе на новый ладъ извѣстной „штуки со шкапомъ“, введенной впервые въ употребленіе братьями Дэвенпортъ; вторая же часть представляла „темный сеансъ“, предназначенный для „явленій“ совсѣмъ другого сорта. Такъ какъ я видѣлъ передъ этимъ „штуку со шкапомъ“, на представленіяхъ Кука и Маскеляйна, которые выполняли ее „съ новыми изумительными эффектами“, то я былъ вполне увѣренъ, что они могли

бы, безъ малѣйшаго затрудненія, воспроизвести все, что было продѣлано Евою Фай, такъ какъ всѣ ея подвиги по этой части могли быть объяснены очень простымъ предположеніемъ, а именно тѣмъ, что руки ея были связаны въ дѣйствительности далеко не такъ туго, какъ это могло казаться. Впрочемъ, мистеръ Маскеляйнъ даже утверждаетъ (Новѣйшій Спиритизмъ, стр. 121), что въ то самое время какъ Ева Фай давала свои представленія въ помѣщеніи Ганноверскаго сквера, мистеръ Кузь дѣйствительно давалъ точное воспроизведеніе этихъ самыхъ вещей, по два раза въ недѣлю, въ Египетской залѣ.

По окончаніи первой части представленія, шкапъ былъ убранъ прочь; Ева Фай усѣлась на стулѣ, по срединѣ сцены; а „полковникъ“ пригласилъ лицъ, занимавшихъ два передніе ряда креселъ, взойти также на сцену и усѣсться тамъ въ кругъ, на креслахъ, разставленныхъ кольцомъ вокругъ молодой женщины; затѣмъ имъ было предложено взять другъ друга за руки, такъ чтобы составилъ полный, замкнутый „кругъ“ (въ составъ которато взошелъ и я, а равно и самъ „полковникъ“). Послѣ этого Ева Фай начала громко и мѣрно ударять въ ладоши; а насъ пригласили внимательно слѣдить за этимъ ритмическимъ хлопаньемъ въ ладоши, послѣ того какъ свѣтъ будетъ погашенъ, такъ какъ непрерывность этого хлопанья должна будетъ служить намъ доказательствомъ, что никакое „явленіе“, требующее для своего выполненія помощи рукъ, не можетъ быть дѣломъ Евы Фай. Послѣ этого, были внесены разныя „принадлежности“, — какъ-то, гитары, колокольчики и вѣера, — которыя и были разложены тамъ и сямъ „безъ всякаго порядка“, причемъ нѣкото-

рыя изъ нихъ были положены на колѣни зрителей, участвовавшихъ въ составленіи круга. Затѣмъ, на сценѣ и около сцены, газъ былъ совершенно потушенъ, а, въ остальныхъ прожкахъ, былъ завернутъ такъ, что отъ него оставалась только маленькая синяя точка; вслѣдствіе чего на сценѣ наступила, конечно, такая темнота, что никто изъ людей, не знавшихъ ея по привычѣ, не могъ различать рѣшительно ничего. Немедленно вслѣдъ за этимъ, внутри круга послышался шорохъ, какъ будто отъ „духовъ“, скрытно и осторожно сновавшихъ туда и сюда: затѣмъ струны гитаръ стали звучать, колокольчики звонить, открытые вѣера вѣять намъ въ лица; иного толкали въ ногу, иного щипали въ руку, иного дергали за бакенбарды, нѣкоторыхъ „старыхъ воркуновъ“ трепали по подборобку,—и, во время всего этого, продолжало непрерывно слышаться мѣрное битье въ ладоши! Но, даже допуская, что тутъ не было никакого общенства, и что руки „полковника“ все время тщательно удерживались руками зрителей, такъ что онъ не могъ оказать никакого содѣйствія своему товарищу, неужели же для всякаго человѣка, обладающаго даже средней сообразительностью, и не „одержимаго“ спиритскими идеями, не ясно, что Ева Фай, продѣлывая всѣ эти „дѣла“ одною рукою, могла отлично поддерживать все время звукъ хлопанья въ ладоши, ударяя другою, свободною рукою по своему лбу, по щекѣ или по обнаженной верхней части другой, „работающей“ руки? Но если бы какой нибудь докучный скептикъ высказалъ открыто подобное предположеніе (чего, впрочемъ, въ моемъ присутствіи не случилось), то „полковникъ“ имѣлъ въ запасѣ другое „явленіе“. „Чтобы доказать совершеннѣйшую невозможность подобной вещи,

„медіумъ“ разрѣшаетъ кому либо одному изъ присутствующихъ джентльменовъ держать ее за руки все время, и тѣмъ не менѣе колокольчикъ будетъ звонить, гитара будетъ брѣнчать, и даже весьма возможно, что джентльменъ, держащій руки медіума, ощутитъ передъ своимъ лицомъ вѣянье вѣера“. Все это, говоритъ мистеръ Маскеяйнъ, можетъ быть выполнено очень легко. „Миссъ Фай сунетъ колокольчикъ въ ротъ полковнику, который и будетъ трясти его, какъ бульдогъ трясетъ крысу; между тѣмъ какъ его сапогъ будетъ дергать въ это время гитарныя струны и извлекать изъ нихъ бряцающіе звуки; а самъ „медіумъ“, держа вѣеръ въ зубахъ, будетъ нѣжно вѣять имъ въ лицо джентльмену, который держитъ ее за руки“. Такимъ образомъ объяснялъ онъ своей аудиторіи, въ Египетской залѣ, каждое изъ тѣхъ кажущихся чудесъ, которыя совершались во время „темныхъ сеансовъ“ Евы Фай. „Чудеса эти“, — справедливо прибавлялъ онъ, — „слишкомъ просты и слишкомъ нелѣпы, чтобы заслуживать другаго разбора“.

Хотя, въ публичныхъ собраніяхъ, Ева Фай и не заявляла притязаній на званіе спиритистическаго „медіума“; но, въ частной жизни, она выдавала себя именно за такого „медіума“, и, по весьма основательнымъ личнымъ соображеніямъ, тщательно старалась убѣдить въ истинности своего „медіумства“ всѣхъ лондонскихъ спиритовъ, а въ особенности мистера Крукса. Вслѣдствіе этого, мистеръ Круксъ подвергъ ее нѣкоторому искусу, обставленному извѣстными предосторожностями, которыя онъ считаетъ „научными испытаніями“, но которыя, какъ я слышалъ изъ очень хорошаго источника, могли быть обойдены съ помощью „уловки“ до того простой (напоминающей нѣсколько подобную же „штуку“,

въ извѣстномъ разсказѣ Эдгара Поэ — Потерянное письмо), что она прошла совершенно незамѣченной со стороны высоко изощренной научной проницательности и остроумія мистера Крукса! ¹⁾ Неудовлетворительность предосторожностей мистера Крукса со стороны устраненія обмана подтверждается также и разсказомъ мистера Маскеляйна, который говоритъ (Новѣйшій Спиритизмъ, стр. 122), что въ то самое время, когда происходилъ весь этотъ „научный искусъ“, дѣловой агентъ миссъ Фай обратился къ нему съ предложеніемъ отъ этого „медіума“ — раскрыть, за извѣстную сумму денегъ, все это дѣло, включая сюда и „научныя испытанія“; причемъ миссъ Фай, недовольная незначительностью поддержки, оказанной ей спиритами, обѣщаетъ „запутать въ свое обличеніе по меньшей мѣрѣ шесть крупныхъ тузовъ, все членовъ Королевскаго Общества!“ Предложеніе это, сдѣланное сначала словесно, было повторено впослѣдствіи въ письмахъ (помѣченныхъ: „Бирмингамъ, 12 и 15 мая 1875), которыя находятся до сихъ поръ въ рукахъ мистера Маскеляйна и копіи съ которыхъ я видѣлъ самолично.

Такъ какъ это предложеніе было отклонено мистеромъ Маскеляйномъ, и такъ какъ лондонская аудиторія миссъ Фай стала сильно пустѣть, то она уѣхала снова въ Соединенные Штаты, захвативъ съ собою письмо мистера Крукса, въ которомъ онъ говоритъ, что, въ виду сомнѣній, возникшихъ на счетъ спиритистическаго характера ея „явленій“, онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми

¹⁾ Подробное изложеніе всей этой исторіи будетъ дано во второмъ изданіи моихъ Четниѣ.

другими членами Королевскаго Общества, подвергъ ихъ „научнымъ испытаніямъ“ и, убѣдившись изъ этихъ испытаній въ ихъ неподдѣльности, охотно соглашается свидѣтельствовать въ ея пользу и дать ей свою рекомендацію. Это письмо было напечатано *in fac-simile* въ Американскихъ газетахъ, и Ева Фай, извѣщая о своихъ спиритистическихъ сеансахъ, не преминула, конечно, заявить, что неподдѣльность ихъ „подтверждена профессоромъ Круксомъ и другими членами Королевскаго Общества!“

Но, къ несчастію для репутаціи какъ самой миссъ Фай, такъ и мистера Крукса, случилось такъ, что одинъ молодой человѣкъ изъ Нью-Йорка (мистеръ Вашингтонъ-Ирвингъ-Бишопъ), занимающій прекрасное общественное положеніе въ своемъ отечествѣ (онъ сынъ очень извѣстнаго юриста и крестникъ знаменитаго Вашингтона-Ирвинга), забралъ себѣ въ голову затратить массу времени и труда на обличеніе претензій спиритистическихъ „медіумовъ“.

„Одинъ изъ его друзей, котораго онъ сильно любилъ, какъ любилъ его всякій, кому выпадало на долю удовольствіе знать его; — молодой человѣкъ, подававшій большія надежды, умный, даровитый, блестящій, — захворалъ и былъ отправленъ на излеченіе въ чужія страны. Тамъ онъ попался безвозвратно въ адскія сѣти спиритистическихъ лекарей-медіумовъ, которые возвратили его роднымъ и друзьямъ безнадежно помѣшаннымъ, каковымъ онъ остался и по сей день. Мистеръ Бишопъ, огорченный до глубины души его судьбою, — вѣдь эти узы очень сильны, когда они заключаются дѣйствительно серьезно, — далъ себѣ слово не оставить неперевернутымъ ни одного камня, пока онъ не

докопается до объясненія всѣхъ медиумическихъ штукъ". (Бостонскій Вѣстникъ, 6 ноября 1876).

Убѣжденный, что тутъ все строится на обманѣ, онъ посвятилъ много мѣсяцевъ на изслѣдованіе этого дѣла и, наконецъ, нашелъ ключъ къ этой тайнѣ. Затѣмъ онъ выучился продѣлывать самъ все, что только дѣлала Ева Фай, — эта „женщина, успѣшно надувавшая оба полушарія, обиравшая деньги съ богатыхъ и бѣдныхъ, со знати и съ черни, дурачившая людей самаго провицательнаго ума, глубокихъ изслѣдователей человѣческой и всякой другой природы". Овладевъ этимъ искусствомъ, онъ сталъ показывать точныя воспроизведенія всѣхъ представленій Евы Фай въ небольшомъ кругу своихъ личныхъ друзей и знакомыхъ, въ числѣ которыхъ находились многіе изъ наиболѣе знаменитыхъ членовъ медицинской и духовной профессіи города Нью-Йорка. Двое изъ медиковъ, присутствовавшихъ на этихъ представленіяхъ, — изъ которыхъ одинъ хорошо извѣстенъ въ нашемъ отечествѣ, какъ знаменитый фізіологъ и очень талантливый хирургъ, а другой занималъ недавно должность Главнаго Военнаго Хирурга Соединенныхъ Штатовъ, — написали ему по этому поводу слѣдующее письмо:

„Нью-Йоркъ, 30 Марта 1876.

Любезный Сэръ!

Намъ доставило много удовольствія быть свидѣтелями того весьма удовлетворительнаго приѣма, съ помощью котораго Вы показали обманчивость и лживость всѣхъ претензій такъ называемыхъ спиритистическихъ медиумовъ, а въ особенности миссъ Анни-Евы Фай, которой удалось получить одобреніе и поддержку мистера Вильяма

Крукса и другихъ членовъ Британскаго Общества. Мы убѣждены, что представленія, даваемые этимъ народомъ, способны дѣйствовать весьма гибельнымъ образомъ на легковѣрное и безпорядочное воображеніе многихъ личностей; а потому, въ виду успѣшнаго противодѣйствія имъ, мы усердно просимъ Васъ сообщить публикѣ тѣ способы, помощью которыхъ такъ называемые спириты выполняютъ свои ложныя чудеса. Подобное обличеніе, о которомъ мы серьезно просимъ Васъ, можетъ повести только къ хорошимъ послѣдствіямъ, а потому, въ виду важности этого дѣла, мы надѣемся, что Вы сдадитесь на нашу просьбу. Съ величайшимъ уваженіемъ, остаемся Вашими покорными слугами

Вильямъ А. Гаммондъ, докт. мед.
Александръ В. Моттъ, докт. мед.“

За эту просьбою послѣдовала черезъ мѣсяцъ другая, въ томъ-же самомъ смыслѣ, со стороны двадцати четырехъ джентльменовъ, по большей части весьма извѣстныхъ пасторовъ разныхъ исповѣданій и знаменитыхъ докторовъ. Вслѣдствіе этой второй просьбы, было организовано публичное представленіе, которое состояло: 1) изъ повторенія самыхъ таинственныхъ подвиговъ „медіумовъ“, включая сюда и „писаніе на аспидной доскѣ“, и „цвѣты изъ невидимаго сада“ и т. д. и, затѣмъ, 2) изъ объясненія на практикѣ, на глазахъ у всѣхъ зрителей, всего *modus operandi* (способа выполненія) этихъ фокусовъ. Изъ числа множества писемъ и статей, свидѣтельствующихъ о полнотѣ и удовлетворительности этого обличенія, я выбираю нижеслѣдующее письмо, потому что авторъ его, докторъ Беллозъ, — одинъ изъ моихъ личныхъ, очень почи-

таемых мною друзей; а потому я могу свидѣтельство-
вать самолично, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ,
въ пользу его умственныхъ дарованій, нравственныхъ
достоинствъ и практической сообразительности ¹⁾. Впро-
чемъ, тѣ выраженія, въ которыхъ онъ даетъ свое сви-
дѣтельство, подтверждать и сами мой взглядъ на его до-
стоинства и покажутъ, съ какою силою и полнотою онъ
сѣмѣлъ схватить и понять этотъ предметъ.

„Нью-Йоркъ, 16-го октября 1876.

Любезный сэръ! ●

Спѣшу засвидѣтельствовать Вамъ о томъ удовольствіи
и пользѣ, которыя я вынесъ изъ Вашего представленія,
такъ успѣшно раскрывшаго глава публикѣ на приѣмъ,
посредствомъ которыхъ воображаемыя доказательства
спиритизма навязываются уму легковѣрныхъ людей. Вы
показали самымъ успѣшнымъ и убѣдительнымъ обра-
зомъ, что даже самая интеллигентная аудиторія можетъ
быть окончательно обманута свидѣтельствомъ своихъ
собственныхъ чувствъ по отношенію къ такимъ вещамъ,
которыя, какъ Вы-же показали потомъ совершенно ясно,
представляютъ ничто иное, какъ простыя фокусническія

¹⁾ Впрочемъ, быть можетъ, будетъ небезполезно прибавить, что докторъ Беллозъ былъ инициаторомъ и организаторомъ, а впоследствии, по единодушному избранію своихъ товарищей, и президентомъ той великой Добровольной Санитарной Коммисіи, которая, во время войны между Сѣверными и Южными Штатами, пополняла труды правительственной военной организаціи Сѣвера и содѣйствовала всевозможными способами здоровью и благосостоянію арміи. Размѣры дѣйствій этой Коммисіи были таковы, что черезъ руки доктора Беллоза прошло, по его словамъ, полтора милліона фунтовъ стерлинговъ за тѣ четыре года, которые онъ состоялъ въ этой должности.

штуки, гдѣ средствами къ достиженію успѣха служатъ лишь ловкость рукъ и умѣнье отвлекать вниманіе зрителей отъ дѣйствительныхъ условій случая къ разнымъ искусственнымъ обстоятельствамъ, умышленно избраннымъ самимъ фокусникомъ. Заставивъ Вашу аудиторію, въ теченіе цѣлыхъ полутора часовъ, быть очевидцемъ такихъ вещей, которыя показались каждому положительно сверхъестественными, и приведя ее въ такое недоумѣніе и смущеніе, какого не могъ-бы вызвать ни одинъ фокусникъ, Вы сами дали ей разрѣшеніе всѣхъ мучившихъ ее задачъ. Я убѣдился вполне, что между вещами, искренно или живо приписываемыми спиритами дѣйствию духовъ, нѣтъ ни одной, которая оказалась-бы выше искусства ловкаго фокусника, обладающаго необыкновенною гибкостью членовъ, большою мышечною силою и проворствомъ въ движеніяхъ, усовершенствованными постояннымъ упражненіемъ, и умѣющаго искусно играть легковѣріемъ большинства человечества.

Я считаю, что Ваше обличеніе имѣетъ большую общественную важность, такъ какъ оно стремится освободить общественный умъ отъ очень вреднаго и очень распространеннаго заблужденія, которое, по истинѣ, становится по немногу пастоящей вульгарной религіей, охватывающей уже и теперь цѣлыя тысячи людей. Никакое описаніе продѣлокъ спиритовъ не въ состояніи замѣнить дѣйствительнаго зрѣлища, гдѣ человѣкъ видитъ все собственными глазами. Поэтому, я полагаю, что Ваши представленія могутъ быть съ пользою повторены въ каждомъ городѣ, гдѣ новѣйшіе некроманты давали свои сеансы, съ участіемъ воображаемыхъ духовъ, и гдѣ они успѣли уже сдѣлать своею игрушкою

болѣе слабую часть населенія. Не приписывая Вашей теперешней дѣятельности какихъ-либо восторженныхъ побужденій, я, однако-же, думаю совершенно серьезно, что Ваше представленіе, совершенно независимо отъ какихъ-бы то ни было цѣлей, которыя Вы при этомъ преслѣдуете, есть одно изъ самыхъ поучительныхъ и самыхъ полезныхъ, какія я когда-либо видѣлъ, а также одно изъ самыхъ интересныхъ и успѣшныхъ. Желая Вамъ длиннаго ряда постоянныхъ смѣнъ довольныхъ зрителей.

Истинно Вашъ

Генри В. Беллозъ.“

Бостонскій Вѣстникъ увѣряетъ, что представленія мистера Бишопъ произвели немедленное дѣйствіе на положеніе Евы Фай, „низведя ее сразу до роли мелкаго уличнаго фокусника. Ей пришлось даже послѣ этого взять формальное торговое свидѣтельство на патентованнаго фокусника, прежде чѣмъ она получила возможность продолжать свою вредную дѣятельность и увеличивать снова свои дурно-добытые барыши“.—Быть можетъ, слѣдуетъ пожелать, чтобы подобный-же приемъ былъ приложенъ къ подобнымъ случаямъ и нашими судебными властями. Не будемъ дѣлать изъ „медіумовъ“ мучениковъ, подвергая ихъ уголовному преслѣдованію; но пусть имъ выдадутъ „билеты“, какъ „патентованнымъ фокусникамъ“, и тогда пусть ихъ себѣ продолжаютъ заниматься своимъ промысломъ, безъ разрѣшеній и запрещеній, до тѣхъ поръ, пока они будутъ находить людей, согласныхъ платить деньги за то, чтобы смотрѣть на нихъ и на ихъ продѣлки.

Слава о представленіяхъ мистера Бишопъ быстро до-

стигла Бостона, гдѣ немедленно образовался Комитетъ, пригласившій его повторить ихъ въ этомъ громадномъ умственномъ центрѣ. Комитетъ этотъ, какъ и комитетъ Нью-Йорка, также составилъ изъ самыхъ извѣстныхъ членовъ медицинской и духовной профессій этого города. (Во главѣ подписавшихъ приглашеніе, находящееся у меня въ рукахъ и помѣченное 18-мъ октября 1876, стоитъ почтенное имя Оливера Венделя Гольмса). Результатъ этихъ новыхъ представленій былъ столь-же успѣшенъ, какъ и въ первомъ случаѣ. Газеты были переполнены разсказами о разоблаченіяхъ мистера Бишопъ и притомъ по отношенію не къ одной только Евѣ Фай, но и ко множеству другихъ „медіумовъ“. Между прочимъ, ему удалось разоблачить штуку Гарди, на сеансахъ котораго „духи“ лѣпили руки изъ размягченнаго параффина (объ этой штукѣ я буду еще говорить ниже), а также такъ называемое „чтеніе въ мысляхъ“. Къ описаніямъ этихъ разоблаченій были прибавлены въ газетахъ и „пояснительные примѣры“ тѣхъ пріемовъ, съ помощью которыхъ выполняются всѣ „медіумическія“ штуки. Немаловажнымъ признакомъ того дѣйствія, которое возымѣли въ высшей степени похвальныя усилія мистера Бишопъ, можетъ служить поведеніе американскаго журнала *Graphic*. Этотъ журналъ настолько поддавался спиритизму по поводу „матерьялизацій“ братьевъ Эдди, что, посылая спеціальнаго „Коммиссіонера“ для доставленія отчета объ этомъ дѣлѣ, выбралъ на это мѣсто человѣка, который стоялъ завѣдомо на сторонѣ спиритистическихъ ученій (этимъ „коммиссіонеромъ“ былъ тотъ самый полковникъ Олькотъ, о которомъ было уже говорено мною выше). Но, посмотрѣвъ частнымъ образомъ на подражанія мистера Бишопъ этимъ „ма-

терьялизаціямъ“, а также „матерьялизаціямъ“ „Кэти Кингъ“ (репутацію которой такъ старался возстановить передъ этимъ „Коммиссіонеръ“ Graphic'a), редакция этого журнала высказалась въ слѣдующей рѣшительной формѣ:

„Мистеръ Бишопъ разъяснилъ, наконецъ, тайну „Кэти Кингъ“, которая въ теченіе долгаго времени противустояла, повидимому, самымъ строгимъ изслѣдованіямъ; а въ послѣднее время онъ занялся разоблаченіемъ тѣхъ приемовъ, посредствомъ которыхъ братья Эдди произвели сверхъестественныя, гробовыя явленія, которыя такъ долго смущали общественный умъ и злоупотребляли легковѣріемъ множества умныхъ и мыслящихъ людей“. (Graphic, 12 апрѣля 1876).

Возвращаясь къ тому-же самому предмету, черезъ мѣсяцъ послѣ этого (10 мая), Graphic говоритъ:

„Было-бы очень похвально, еслибы наше духовенство, врачи и вообще главнѣйшіе граждане пригласили мистера Бишопъ повторить свои представленія въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ нашего отечества. Потому-что его разоблаченія всевозможныхъ „медіумическихъ“ прѣдлоковъ отличаются такою полнотою и совершенствомъ, что даже самые легковѣрные люди не могутъ не придти къ убѣжденію, что „духи“ не имѣютъ никакого отношенія ко всѣмъ этимъ явленіямъ“.

Явленія „МАТЕРЬЯЛИЗАЦИИ“.

Въ настоящее время, каждый, вѣроятно, уже слышалъ, что спириты, по ихъ увѣреніямъ, не только могутъ вступать въ сношенія съ „духами“ посредствомъ постукиваній, писанія на аспидной доскѣ и т. п., но могутъ также заставлять этихъ „духовъ“ „матерьялизироваться“,

т. е. облекаться снова въ вещественныя формы, имѣющія такой же составъ, строеніе и вѣсъ, какъ и тѣла обыкновенныхъ смертныхъ. Насколько я знаю, мистеръ Гомъ былъ первый, которому удалось „получить“ руки „духовъ“; но вскорѣ онъ былъ такъ далеко превзойденъ другими, „матерьялизовавшими“ цѣлыя фигуры, что теперь онъ считаетъ своимъ долгомъ не только обличить этихъ „матерьялизаторовъ“, какъ обманщиковъ, но и разоблачить вполнѣ тѣ разнообразныя способы, посредствомъ которыхъ выполняется этотъ фокусъ. Такъ какъ я никогда не присутствовалъ самолично ни на одномъ изъ такихъ представленій, и потому могу говорить о нихъ лишь по слухамъ, то и предпочитаю позаимствовать у мистера Гома рассказъ о томъ, какъ это все происходитъ.

„Ничего, хотя бы въ самой слабой степени похожаго на испытаніе, не допускается на такихъ сеансахъ; напротивъ того, обманъ принимаетъ здѣсь часто самую смѣлую и самую грубую форму; тѣмъ не менѣе „медіумъ“ осыпается поздравленіями съ успѣхомъ сеанса, а легковѣрные глупцы чувствуютъ себя на верху блаженства. Предположимъ, что кружокъ спиритовъ собрался на сеансъ съ цѣлью полученія „матерьялизованныхъ“ формъ или лицъ. Въ этомъ случаѣ, весь ходъ дѣла регулируется сообразно съ характеромъ присутствующихъ личностей. Если между присутствующими имѣются неизвѣстныя личности, или люди, обладающіе по слухамъ значительною долей здраваго смысла, ничто не идетъ хорошо. Публикѣ объявляютъ, что кругъ „негармониченъ“. Доступъ въ заднюю комнату оберегается самымъ ревнивымъ образомъ. Наконецъ, послѣ введенія въ комнату сеанса несчастнаго, блѣднаго луча свѣта, „ма-

терьялизація“ наступаетъ. Но все, что въ состояніи различить при этомъ присутствующіе, — это что-то бѣлое; кромѣ этого бѣлаго нѣчто, они не видятъ рѣшительно ничего: ни чертъ лица, ни даже общаго очертанія фигуры. Таковъ вѣрный портретъ, быть можетъ, большинства сеансовъ съ цѣлью полученія „фигуръ духовъ“. Но если аудиторія состоитъ изъ хорошо извѣстныхъ и восторженныхъ простаковъ, то публикѣ немедленно заявляютъ, что на этотъ разъ всѣ обстоятельства очень благоприятны для успѣха. Въ комнату впускается большее количество свѣта; „форма“ оказывается очень ясною; она вступаетъ въ самую комнату и движется между присутствующими вѣрующими. Ихъ легковѣріе быстро поднимается послѣ этого до лихорадочнаго жара и бреда. Штопанная шаль въ сальныхъ пятнахъ оказывается въ ихъ глазахъ „невыразимо роскошною одеждою, сотканною изъ какой-то тончайшей и нѣжнѣйшей матеріи“. Большой платокъ, скрученный жгутомъ и обернутый вокругъ головы, превращается въ несомнѣнный тюрбанъ. Накладныя бакенбарды и китайская тушь производятъ „мужественное, благородное лице“; а румяна и бѣлила, въ соединеніи съ искусно расположенною прическою, достаточны для того, чтобы повергнуть легковѣрныхъ зрителей въ восторженное изступленіе по поводу представившагося имъ „видѣнія невыразимой красоты“. Простота обращенія этихъ духовныхъ посѣтителей по истинѣ очаровательна. Извѣстны случаи, что они усаживались за чайный столъ и съ аппетитомъ принимались за ѣду, „спрашивая веселымъ тономъ, — хорошо ли помазаны масломъ тартинки“. Случалось, „что они приготовляли для присутствовавшихъ стаканы крѣпкаго грогу и, не довольствуясь однимъ пригото-

ніемъ, принимали и сами участіе въ истребленіи этого грога. Въ подобныхъ маленькихъ собраніяхъ, испытанія совершенно не въ употребленіи, или, лучше сказать, тамъ даже и не упоминается о нихъ никогда. Изъ числа присутствующихъ тутъ простаковъ нѣтъ ни одного, который согласился бы скорѣе погибнуть, чѣмъ бросить подозрительный взглядъ въ заднюю комнату, въ то время какъ „форма“ уже покинула ее и разгуливаетъ въ комнатѣ сеанса. Тутъ нѣтъ ни одного, который не рѣшился бы скорѣе дозволить отрубить собственную руку, чѣмъ отважиться схватить ею эту „форму“, чтобы изслѣдовать ее поближе и поосновательнѣе. Въ такихъ собраніяхъ, духъ чувствуетъ себя во всѣхъ отношеніяхъ какъ у себя дома, и можетъ входить въ задній кабинетъ или выходить изъ него, какъ ему (или ей) захочется.

„Такимъ образомъ, темнота сеанса прямо пропорціональна здравому смыслу участвующихъ въ немъ лицъ. Гдѣ скептицизмъ силенъ и рѣшителенъ, принимаются самыя ревнивыя предосторожности, чтобы этому скептицизму не удалось подсмотрѣть слишкомъ многого. Если скептики предлагаютъ какія-нибудь испытанія, которыя оказываются совершенно неудобными, то обманщикъ, котораго они собираются уличить съ помощью ихъ, обыкновенно отклоняетъ ихъ. Если же, съ другой стороны, предлагаемыя мѣры кажутся ему такими, которыя могутъ быть обойдены помощью фокусничества или сообщничества, то онъ немедленно принимаетъ ихъ“.

При самой простѣйшей формѣ такихъ представленій, появляется только одинъ „духъ“; и если бы кому-нибудь вздумалось замѣтить по этому поводу, что онъ „очень похожъ на самого медиума“, то, въ нѣкоторыхъ

случаяхъ, такихъ недовѣрчивымъ людямъ дозволяютъ проникнуть въ заднюю комнату, или кабинетъ, въ которомъ заранѣе приготовлено уже „чучело“, представляющее „медіума“, или введенъ сообщникъ, тоже представляющій „медіума“, лежащаго въ состояніи магнетическаго сна; понятно, что, при подобномъ освидѣтельствѣ, не допускается никакого свѣта, кромѣ бутылки съ фосфоризованнымъ масломъ, или какого либо другаго подобнаго же мерцанія; ощупываніе, конечно, тоже не дозволяется. Бывали случаи, когда иной злостный скептикъ, желая доказать во чтобы то ни стало, что „духъ“ и „медіумъ“ одно и тоже, забрызгивалъ тайно чернилами руку „духа“ и потомъ показывалъ публикѣ присутствіе чернилъ на рукѣ „медіума“, послѣ его (или ея) возвращенія въ общество; или же помазывалъ тайно черниломъ свою собственную ладонь и затѣмъ, во время дружескаго пожатія, сообщалъ нѣкоторую часть этого чернила ладони „духа“, который, не подозрѣвая такой хитрости, возвращался къ обществу, въ качествѣ „медіума“, не отмывъ предварительно этого обличительнаго знака. Но теперь, повидимому, оказывается, что подобныя улики не имѣютъ рѣшительно никакого значенія, такъ какъ всѣ подобныя случаи могутъ быть сведены къ „отлично извѣстному закону спиритизма“, по которому всякое впечатлѣніе этого рода, произведенное на „духа“, переходитъ на „медіума“. Что же касается до такого испытанія, какъ раскрытіе настежь дверей между обѣими комнатами и одновременное изслѣдованіе обѣихъ фигуръ при полномъ свѣтѣ, то ни о чемъ подобномъ, конечно, нечего и думать.

Въ другомъ рядѣ случаевъ, „духа“ представляетъ

„чучело“, сдѣланное изъ кукольной головы съ плечами, въ человѣческую величину, изъ длиннаго развѣвующагося платья. Такая кукла поддерживается въ своемъ положеніи самимъ „медіумомъ“, который скрытъ за занавѣсью и просовываетъ между ея половинками только одну свою руку. Иногда же, тутъ можетъ явиться два „духа“ заразъ, причемъ одного исполняетъ самъ „медіумъ“, а другаго кукла. Эта послѣдняя, при помощи очень простаго приспособленія, можетъ даже проваливаться черезъ полъ, или такъ сказать постепенно уходить въ землю.

Размышляя о томъ, какое множество мужчинъ и женщинъ, считающихъ себя людьми разсудительными и хорошо образованными, становятся жертвами такого очевиднаго обмана, несмотря на постоянно повторяющіяся обличенія и разоблаченія, почти отказываешься вѣрить такому факту. Что касается до меня, то, въ моихъ глазахъ, эти обнаруженія душевнаго состоянія челоѣчества нашего времени представляются фактами, заслуживающими величайшаго сожалѣнія. Мистеръ Гомъ говоритъ, что, насколько онъ знаетъ, въ настоящее время существуетъ не болѣе пяти „матерьялизирующихъ медіумовъ“, которые не были еще разоблачены и уличены въ обманъ, однако же, не смотря на это, дѣло продолжаетъ идти своимъ порядкомъ. Фактъ этотъ объясняется, повидимому, тѣмъ, что многіе почтенные спириты, попавшіеся съ самаго начала на удочку и покровительствовавшіе этому дѣлу, впослѣдствіи, стыдясь своего простодушія и легковѣрія, не только не публикуютъ сами разоблаченій этого дѣла, но употребляютъ еще всѣ силы, чтобы удержать отъ этого и другихъ. Впрочемъ, судья Коксъ, который сначала, повидимому, тоже

попался до нѣкоторой степени въ эту ловушку, впоследствии добросовѣстно и энергически обличилъ весь обманъ. Въ книгѣ мистера Гома опубликовано его длинное письмо, содержащее между прочимъ рядъ наставленій одного „медіума“ (дамы) своей ученицѣ. Изъ этихъ наставленій мы узнаемъ *inter alia*, что, для избѣжанія обыска по части „принадлежностей“, который производится иногда при входѣ, она приноситъ нужный ей вуаль подъ панталонами.

Обращаясь теперь къ мистеру Круксу, мы можемъ сказать, что онъ далеко не былъ осторожнымъ научнымъ изслѣдователемъ этихъ „матерьялизаций“; но что, напротивъ того,—какъ это можно видѣть изъ его собственныхъ выраженій,—онъ „вдался“ въ это дѣло самымъ восторженнымъ образомъ. Одинъ изъ его любимѣйшихъ „духовъ“ это—англійская (а не американская) „Кэти Кингъ“, о „восхитительной прелести“ которой онъ говоритъ слѣдующимъ образомъ:

„Но фотографія не въ силахъ изобразить все совершенство красоты лица Кэти, все равно какъ слова безсильны описать всю чарующую прелесть ея манеръ. Въ самомъ дѣлѣ, фотографія можетъ только дать такъ сказать планъ, или карту ея наружности; но какимъ образомъ могла бы она передать блескъ и чистоту ея окраски или вѣчно измѣнчивое выраженіе ея необыкновенно подвижныхъ чертъ, то отуманенныхъ печалью, когда она рассказываетъ нѣкоторыя изъ горькихъ испытаній своей прошлой жизни, то улыбающіяся со всею невинностью счастливаго дѣвичьяго возраста, когда она соберетъ моихъ дѣтей вокругъ себя и начнетъ забавлять ихъ разными анекдотами изъ своихъ приключеній въ Индіи?

„Round her she made an atmosphere of life,
The very air seemed lighter from her eyes;
They were so soft and beautiful, and rife
With all we can imagine of the skies;
Her over powering presence made you feel
It would not be idolatry to kneel“¹⁾. *идолопоклонство*

Поистинѣ мы можемъ повторить здѣсь очень справедливое изреченіе, что „ученый, пишущій подобнымъ образомъ, зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ изслѣдованіи“. А теперь посмотримъ, какимъ образомъ мистеръ Круксъ, очарованный этими „духовными“ прелестями поддался вліянію Кэти Кингъ, и какъ онъ былъ вознагражденъ за это ея полнѣйшимъ довѣріемъ. Онъ говоритъ:

• „Постепенно дошло до того, что она отказывалась являться на сеансъ, если я не бралъ на себя лично всѣхъ распоряженій относительно его устройства. Она говорила, что ей необходимо постоянно чувствовать меня подлѣ себя, и что она желаетъ, чтобы я всегда находился по близости отъ кабинета. И я нашелъ, что послѣ установленія этого довѣрія, и послѣ того, какъ она убѣдилась вполне, что я ни за что не нарушу даннаго ей обѣщанія, каково бы оно ни было, явленія значительно возрасли въ силѣ, и намъ стали свободно представляться такіа испытанія, которыхъ ни за что

¹⁾ The Spiritualist, 5 іюня 1874. — (Она распространяла вокругъ себя атмосферу жизни, самый воздухъ казался свѣтлѣе отъ ея глазъ, которые были такъ нѣжны и прекрасны, такъ полны всего, что мы только можемъ вообразить себѣ на небесахъ; подавляющее могущество ея присутствія заставляло васъ чувствовать, что коленнопреклоненіе не было бы тутъ идолопоклонствомъ).

невозможно было бы добиться, если бы я подошелъ къ дѣлу другимъ образомъ. Она часто совѣтовалась со мною относительно личностей, присутствовавшихъ на сеансахъ, и относительно того, куда слѣдуетъ посадить того или другаго изъ нихъ, ибо въ послѣднее время она стала очень нервозна, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неразумительныхъ затѣй, имѣвшихъ цѣлью употреблять физическую силу, въ качествѣ пособника въ болѣе научнымъ способамъ изслѣдованія¹⁾.

Эта послѣдняя фраза намекаетъ на одно непріятное обстоятельство, случившееся еще на первыхъ порахъ материализаціи „Кэти Кингъ“ и состоявшее въ томъ, что одинъ недовѣрчивый членъ Діалектическаго Общества, для котораго „материализація“ оказалась, повидимому, немного „черезъ чуръ сильною“, осмѣлился безцеремонно обнять ея „духовную“ талью; впрочемъ, онъ былъ достойно наказанъ за свое бестыдство, а именно, его дернули за бороду съ такою силою, которая, говорятъ, надолго лишила ее ея прежней красоты.

Затѣмъ преподобный Морисъ Дэвисъ, очень извѣстный писатель, далеко не враждебный спиритизму, и даже бывшій одно время членомъ Совѣта Британской Національной Ассоціаціи Спиритовъ, въ своей книгѣ—*Мистическій Лондонъ*—описываетъ слѣдующимъ образомъ роль мистера Крукса (котораго онъ величаетъ „Профессоромъ“) на одномъ сеансѣ, происходившемъ въ его присутствіи:

„Профессоръ все время исполнялъ должность церемоніймейстера, постоянно удерживая свое мѣсто у от-

¹⁾ The Spiritualist, 5 іюня 1874.

верстія (черезъ которое появляется лицо „духа“); и я сильно боюсь, что, съ самаго же начала, онъ возбуждалъ въ каждомъ невольное подозрѣніе своимъ замѣтнымъ ухаживаніемъ не за медиумомъ, а за призракомъ“.

Затѣмъ онъ рассказываетъ, какимъ образомъ поведеніе мистера Крукса во всемъ этомъ дѣлѣ нанесло послѣдній смертельный ударъ его колебаніямъ въ пользу „духовъ“; такъ какъ до этого времени онъ склонялся къ мысли, что въ этихъ таинственныхъ появленіяхъ неземныхъ лицъ должно скрываться „что-нибудь“ необычайное.

До меня доходили слухи, будто-бы мистеръ Круксъ признавался частнымъ образомъ, что его „медиумы“, не будучи въ силахъ вызвать „явленій“ честными средствами, прибѣгали въ крайности и къ нечестнымъ средствамъ. Будемъ надѣяться (если только этотъ слухъ справедливъ), что теперь, когда онъ знаетъ (если только онъ не зналъ этого ранѣе), что его именемъ и репутаціей положительно торгуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и что, изъ за него, волокутъ по грязи и имя Королевскаго Общества, онъ добросовѣстно выступить впередъ и публично признается, что ему приходилось иногда быть жертвою обмана. Только такимъ признаніемъ можетъ онъ исправить хотя отчасти тотъ вредъ, который онъ нанесъ своею нерасудительною „поддержкою“ одного изъ грубѣйшихъ обмановъ, какіе когда либо появлялись на сцену, а именно обмана, продѣланнаго надъ нимъ и другими Евою Фай.

„Послѣднія новости“ по части спиритистическихъ материализаций.

Всѣмъ извѣстно, что Парижъ „вводитъ моды“ по части дамскаго туалета; но что касается до Спиритизма, то здѣсь роль Парижа по части „введенія моды“ играетъ Бостонъ (Соед. Шт.). Самое послѣднее спиритистическое „явленіе“, еще невнесенное (насколько мнѣ извѣстно) въ Англію, состоитъ въ „полученіи“ изображеній рукъ усопшихъ друзей, „вылѣпленныхъ“ услужливыми „духами“ изъ параффина. Дѣло это происходитъ такимъ образомъ. Участники садятся вокругъ стола, причѣмъ въ составившійся такимъ образомъ „кругъ“ входитъ и „медіумъ“; подъ столомъ ставится кадка съ горячей водою, въ которую бросается нѣсколько кусковъ твердаго параффина; вещество это берется приблизительно въ такомъ количествѣ, чтобы, растаявъ, составить слой въ два или три дюйма толщиною. Послѣ долгаго или короткаго ожиданія, „духи“ извѣщаютъ нѣсколькими „стуками“, что процессъ оконченъ; тогда поднимаютъ скатерть, покрывавшую столъ, и находятъ на полу, подъ столомъ, или-же на колѣняхъ „медіума“ руку изъ твердаго параффина, которая и принимается вѣрующими за несомнѣнную работу „духовъ“. Понятно, что слѣдуетъ считать „доказаннымъ“, что рука не была принесена заранѣе медіумомъ, ибо какимъ образомъ такая хрупкая вещь могла бы быть принесена въ карманѣ или скрыта въ складкахъ одежды? Правда, — подозрительные полу-вѣрующіе могутъ подмѣчать иной рѣзъ волоконца, прилипшія къ такой рукѣ, очевидно, отъ какой-то хлопчато-бумажной матеріи, къ которой

она прикасалась, или же могутъ находить иногда, что рука, „полученная“ на данномъ сеансѣ, представляетъ очень подозрительное сходство, — по формѣ, или по какому нибудь маленькому недостатку или поврежденію, — съ рукою, видѣнною ими ранѣе, на одномъ изъ предыдущихъ сеансовъ; но развѣ это доказываетъ что-нибудь? Всякому понятно, что хлопчато-бумажныя волокна были принесены „злыми духами“; не менѣе извѣстно также, что даже „добрые духи“ дѣлаютъ иногда промахи въ своемъ дѣлѣ; а потому повтореніе того же самаго недостатка не представляетъ равно ничего удивительнаго, особенно если работа производилась въ обоихъ случаяхъ тѣми же самыми „духами“. Понятно, что никакіе факты, могущіе быть легко устраненными съ помощью подобныхъ объясненій, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія въ глазахъ людей, заранѣе предрасположенныхъ вѣрить всему, что они увидятъ.

Но какъ объяснить нижеслѣдующій фактъ? Нѣсколько докучныхъ скептиковъ, рассказываетъ мистеръ Гомъ, купили нужное количество параффина и попросили торговца тщательно взвѣсить купленные куски и записать оказавшійся въ нихъ вѣсъ. По окончаніи сеанса, когда вода остыла и параффинъ снова затвердѣлъ, онъ былъ вынутъ цѣликомъ изъ воды и отнесенъ къ тому же самому торговцу, который, свѣсивъ его вторично, нашель, что онъ вѣситъ ровно столько же, сколько вѣсилъ прежде. Понятно, что объясненіе этого обстоятельства уже готово: или господа, задумавшіе это испытаніе, и торговецъ, отъ независимаго и безпристрастнаго приговора котораго зависѣлъ его результатъ, находились въ стачкѣ между собою, съ цѣлью „поддѣлки доказательствъ“; или же „духи“

могли не только выѣпливать руки; но и добывать параффинъ. Подозрѣвать „медіума“ значило-бы, по мнѣнію мистера Уоллеса, обнаруживать „предосудительную готовность подхватывать и распространять всякую ложь, какая только можетъ быть пущена во вредъ“ подобной личности. Но, съ другой стороны, сомнѣваться въ добросовѣстности скептиковъ вполне законно. Я не могу, конечно, сомнѣваться въ томъ, что для „духовъ“ столь же легко достать себѣ параффину, какъ и выѣплить изъ него руку; но, въ такомъ случаѣ, какая же надобность въ стоящей подъ столомъ кадкѣ? — Впрочемъ, господа Круксъ и Уоллесъ могутъ сказать, что всѣ эти „пустыя розказни“, безъ указанія „времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ“, пущены въ ходъ мистеромъ Гомомъ, и что свидѣтельство этого человѣка не должно быть принимаемо, вслѣдствіе его очевидной враждебности къ описываемымъ имъ „медіумамъ“. Пусть такъ; но тогда я приведу имъ другой случай, основанный на свидѣтельствѣ, данномъ подъ присягою такимъ человѣкомъ, который пользуется прекраснымъ общественнымъ положеніемъ и высокою репутаціею со стороны добросовѣстности. Поэтому, въ этомъ случаѣ, мои противники обязаны признать приводимое мною свидѣтельство, пока имъ не удастся доказать его невѣрности.

Въ воскресенье вечеромъ, 29 октября 1876 года, мистриссъ Гарди, живущая въ Конкордъ-стритѣ, № 4, въ „солидномъ домѣ, расположенномъ (по свидѣтельству Boston Herald) въ одной изъ самыхъ модныхъ окрестностей Бостона“, держала публичный сеансъ, собранный посредствомъ объявленія въ Herald, которое уведомляло, что сеансъ этотъ будетъ посвященъ „выѣпливаніямъ и матерьялизаціи формъ духовъ“. На этотъ

сеансъ Herald отправилъ своего корреспондента, въ сопровожденіи „скептическаго эксперта“,—который былъ никто иной, какъ докучный мистеръ Вашингтонъ-Ирвингъ-Бишопъ. Въ залу засѣданія внесли употребляемую въ этихъ случаяхъ кадку, и всѣ желающіе были допущены къ осмотру и изслѣдованію какъ самой кадки, такъ и ея содержимаго; причемъ „нѣкоторые изъ зрителей, въ жару своего любопытства, даже обмакивали пальцы въ эту маслянистую жидкость, въ которой предстояло вскорѣ купаться рукамъ ангеловъ“. Представитель газеты Boston Herald послѣдовалъ ихъ примѣру; но, „погружая свой палецъ въ прозрачный жаръ, онъ тайно всыпалъ туда изъ ладони унцію или двѣ того невиннаго вещества, которое употребляется обыкновенно молочницами Новой-Англіи для приданія краснаго цвѣта ихъ сырамъ, и затѣмъ помѣшалъ жидкость пальцемъ“. Мистриссъ Гарди, повидимому, „почуяла крысу“, ибо сначала „она заявила, что сомнѣвается въ появленіи въ этотъ вечеръ какихъ либо обнаруженій присутствія духовъ, по той причинѣ, что въ кадку примѣшаны кѣмъ-то постороннія вещества“, между тѣмъ какъ „тѣ чистые духи, съ которыми она сносится, ненавидятъ всякія химическія комбинаціи“. Впрочемъ, когда спросили у „духовъ“, не согласятся ли они смилостивиться надъ собравшимся обществомъ, они пообѣщали, что черезъ семь минутъ матеріализація одной духовной формы будетъ готова; и дѣйствительно, всего послѣ пяти минутъ ожиданія, во время котораго вся публика сидѣла съ затаеннымъ дыханіемъ отъ волненія, мистриссъ Гарди заявила, что духи кончили свое дѣло. Скатерть была сдернута со стола, и публика увидѣла на полу, въ шести дюймахъ отъ правой ноги

мистриссъ Гарди, прелестную модель человеческой руки, холодную какъ мраморъ и бѣлую какъ алебастръ. „Со всѣхъ сторонъ комнаты раздались восклицанія удивленія и восхищенія; многіе почувствовали себя въ присутствіи возвышенныхъ реальностей незримаго мира; но корреспондентъ Herald'a не былъ изъ числа этихъ послѣднихъ“. Въ то время, какъ „полученная“ рука переходила изъ рукъ въ руки для осмотра, онъ опустилъ свои пальцы въ остывавшій теперь параффинъ, и повторилъ это дѣйствіе нѣсколько разъ, пока пальцы не покрылись корою изъ полужатвердѣвшаго параффина; затѣмъ онъ отодралъ эту кору и скаталъ ее въ маленькій шарикъ, величиною съ мускатный орѣхъ. Послѣ этого, обратившись къ публикѣ, онъ показалъ, что рука, по свидѣтельству всѣхъ, была холодна; а по тому не могла быть сдѣлана изъ параффина, находящагося въ кадкѣ, такъ какъ этотъ параффинъ не могъ охладиться такъ совершенно въ такое короткое время; и что рука эта имѣетъ чисто - бѣлый цвѣтъ, а пототу опять таки не соотвѣтствуетъ тому матерьялу, который находится въ кадкѣ и который имѣетъ ясно - красный цвѣтъ, какъ всѣ присутствующіе могутъ видѣть, хотя бы изъ того образчика; который онъ сейчасъ вынулъ оттуда. Когда ему возразили на это, что красящее вещество могло быть размѣшано очень неровно, и что нѣкоторыя части находящагося въ кадкѣ параффина могли остаться неокрашенными, онъ немедленно предложилъ мистриссъ Гарди двадцать долларовъ, если она ухитрится вылѣпить бѣлую руку изъ этого параффина; но она отклонила этотъ вызовъ. Тогда мистеръ В. Ирвингъ-Бишопъ взялъ еще другой образчикъ изъ кадки, а также отломилъ небольшой кусокъ отъ „полученной“ руки. Въ это время сеансъ

руки. На слѣдующій день онъ отнесъ оба образчика къ профессору Кэмбриджскаго университета, Горсфорду; а на другой день послѣ того онъ сдѣлалъ передъ мѣстнымъ мировымъ судьей слѣдующее присяжное показаніе:

„Я, Вашингтонъ - Ирвингъ - Бишопъ, изъ Нью-Йорка, заявляю подъ присягою, что, въ воскресенье вечеромъ, 29 окт. 1876 г., я присутствовалъ на сеансѣ у мистриссъ Гарди, живущей въ № 4, Конкордъ-стритъ, каковой сеансъ предназначался для полученія слѣпковъ и матерьялизаціи рукъ духовъ. При этомъ была получена парафиновая форма руки, которая, по утвержденію мистриссъ Гарди, была сдѣлана духами изъ растопленнаго параффина, находившагося въ кадкѣ, стоявшей подъ столомъ. Но я заявляю, что мною было подсыпано въ сказанный параффинъ красящее вещество, и что я взялъ, съ цѣлью сравненія, образчикъ полученной на сеансѣ руки, а также и образчикъ содержимаго кадки, для чего я опускалъ мой палецъ въ теплый еще параффинъ и снималъ приставшую къ нему кору.

„Что, вслѣдъ затѣмъ, я передалъ оба эти образчика профессору Кэмбриджскаго университета, Горсфорду, который, положивъ по кусочку cadaго въ отдѣльную пробирную трубочку и приливъ къ нимъ нужнаго реактива, нашелъ, что параффинъ, взятый изъ кадки, представлялъ слабый красноватый оттѣнокъ, тогда какъ параффинъ изъ модели не далъ никакихъ слѣдовъ нахожденія въ немъ красящаго вещества.

Вашингтонъ-Ирвингъ-Бишопъ,

98, пятое Авеню, Нью-Йоркъ“.

„Суффолькъ, С. С.

Дано подъ присягою и подписано сего 31 октября 1876 г.

Ч. Дж. Бруксъ, Мировой судья“.

Неужели и послѣ этого мы не вправѣ утверждать, вмѣстѣ съ принцемъ Галемъ, что „эти лжи походятъ на породившаго ихъ отца: какъ и онъ, онъ велики какъ горы, видимы, ощутимы“? Въ виду такого полного изобличенія, корреспондентъ Herald'a былъ вполне правъ, говоря о вылъпленной рукѣ, что „она была символическимъ выраженіемъ хитрости и ловкости той женщины, которая произвела ее и которая въ теченіе многихъ лѣтъ спекулировала на легковѣріе общества и вела безсердечный торгъ самыми нѣжными симпатіями человеческой природы“. Онъ былъ правъ, высказывая свое убѣжденіе, что „всѣ такъ сильно хваленныя спиритистическія явленія, имѣвшія мѣсто въ роскошномъ домѣ мистриссъ Гарди, представляютъ самыя грубыя надувательства и заслуживаютъ быть поставленными въ одну категорію съ надувательствами такихъ претендентовъ-шарлатановъ, какъ Кэти-Кингъ, братья Эдди или мистриссъ Беннеттъ, искусныя и наглыя мошенничества которыхъ были недавно обличены на этихъ столбцахъ“. Наконецъ, онъ имѣлъ право сказать, что, по истинѣ, наступило уже время обратиться къ сильной рукѣ закона, съ требованіемъ охранить публику отъ подобныхъ надувательствъ и мошенничествъ.

Спиритистическія Откровенія.

„По плодамъ ихъ познаете вы ихъ“,—вотъ выраженіе, по отношенію къ которому опытъ находится въ полномъ согласіи съ авторитетомъ. А потому я намѣренъ заключить этотъ краткій обзоръ спиритизма, въ его современномъ видѣ, краткимъ указаніемъ на его ученія.

Самая высшая форма этихъ ученій можетъ быть подчерпнута, по увѣренію мистера Уоллеса ¹⁾, изъ устныхъ рѣчей одной изъ даровитѣйшихъ „медіумовъ“, мистриссъ Гардинджъ ²⁾, съ изреченіями которой можно познакомиться по избраннымъ образчикамъ, приводимымъ мистеромъ Уоллесомъ. Главная идея, проходящая черезъ всѣ ея рѣчи, заключается въ томъ, что будущая жизнь есть жизнь прогресса; и что та степень вышоты, до которой мы достигли въ этой жизни, „путемъ правильнаго употребленія дарованныхъ намъ способностей,— „ибо ни одна іота изъ того, чему мы выучились, или что мы думали, или къ чему мы стремились здѣсь, не пропадаетъ для насъ“, —будетъ измѣрять собою вышоту той ступени (если можно такъ выразиться), съ которой мы начнемъ наше восхожденіе въ будущей жизни, отъ болѣе низкихъ до болѣе высокихъ его сферъ.

Но нетрудно видѣть, что мы вовсе „не нуждаемся въ призракахъ, чтобы узнать отъ нихъ подобныя вещи“. Хотя спириты и говорятъ, что „знаніе того, что мы духи и что мы живемъ для безсмертія, а также знаніе способовъ обезпечить себѣ то или другое положеніе въ ожидающей насъ вѣчной жизни“ составляетъ самую послѣднюю и самую благороднѣйшую изъ тѣхъ „свѣтлыхъ страницъ, которыя Богъ открылъ намъ“, однако же каждому извѣстно, что эта идея составляетъ издавна основное ученіе христіанства во всѣхъ его формахъ. Что же касается въ частности до идеи не-

¹⁾ Смотри его Чудеса и Новѣйшій Спиритизмъ стр. 110.

²⁾ Она принадлежитъ къ такъ называемымъ trance-mediums т. е. «медіумамъ»; проявляющимъ свои сверхъестественныя способности въ припадкѣ столбняка, или магнетическаго сна.

прерывности и прогресса, то это всегда было учением той религиозной общины (общины Чаннинга и Мартино), въ которой я былъ воспитанъ; такъ что я знаю его съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ помню себя.

Точно также и о Новыхъ Десяти Заповѣдяхъ мистриссъ Гардинджъ можно сказать, что если онѣ и представляютъ какое-либо улучшеніе противъ Старыхъ Десяти Заповѣдей, то лишь постольку, поскольку онѣ прививаютъ христіанскую мораль къ древнему еврейскому кодексу. Впрочемъ, глядя на „зависть, ненависть, злобу и всяческія немилосердія“, обнаруживаемыя „медіумами“ въ своихъ междуусобныхъ ссорахъ, нельзя не придти къ заключенію, что даже „передовые“ спириты, повидимому, ничуть не свободнѣе отъ этихъ недостатковъ, чѣмъ обыкновенные христіане.

Нижеслѣдующими образчиками изреченій „духовъ“ я обязанъ мистеру Гому (Op. cit., p. 304). Они, очевидно, принадлежать къ низшимъ формамъ спиритическихъ откровеній; тѣмъ не менѣе эти сообщенія сдѣланы также „духами“, которые тоже должны жить въ „Гадесѣ“ мистриссъ Гардинджъ.

Джонъ Вильксъ Бутсъ, убійца президента Линкольна, рассказывалъ одному американскому „кругу“ спиритовъ: „я и Линкольнъ частенько дружески болтаемъ здѣсь между собою. Мы оба совершенно согласны, что было бы нелѣпо упрекать меня за его убійство. Видите ли, — въ міровомъ порядкѣ вещей было предопредѣлено, что я сдѣлаю это; и я рѣшительно не понимаю, какъ можно порицать меня за то, что я выполнилъ свой жребій. А для міра это было даже къ лучшему“.

Очевидно, что источникомъ вдохновенія этой философіи служитъ ученіе о человѣческомъ автоматизмѣ,

изъ котораго, по моему мнѣнію, она вытекаетъ, какъ логическое слѣдствіе и вполне законное дѣйствіе. Хотя, въ другихъ мѣстахъ своей книги, мистеръ Гомъ причисляетъ меня къ „матерьялистамъ“, за то что я принимаю его формы „спиритуализма“, однако же я совершенно схожусь съ нимъ въ убѣжденіи, что если бы ученія, подобныя только что изложенному, были общепринятыми между спиритами, то мы имѣли бы полное право „смотреть на спиритизмъ, какъ на величайшее проклятіе, которое выпадало когда-либо на долю чело-вѣчества“; ибо отрицанія тѣхъ нравственныхъ инстинктовъ, которые лежатъ въ самой глубинѣ нашей природы, представляютъ только, — какъ я старался показать это въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, — самое убѣдительное доказательство ихъ поистинѣ ненаучной природы.

Вотъ нѣсколько цитатъ, представляющихъ образчикъ тѣхъ возвышенныхъ ученій, которыя принесены намъ „духами“ изъ „другаго, лучшаго міра“, обитаемаго болѣе чистыми и болѣе высокими существами, чѣмъ тѣ, что пребываютъ въ этомъ мірѣ. „Мудрость это то, что мудро. Мудрость не глупость, а глупость не мудрость, Мудрость не зло, а зло не мудрость. Не все—мудрость и не все—глупость“. Я слыхалъ объ одномъ мальчикѣ, для котораго, вслѣдствіе его несчастной обстановки, воскресенья были днями унынія и скуки, и который, услышавъ, что наша жизнь на небесахъ будетъ „однимъ сплошнымъ воскресеньемъ“, отвѣтилъ, что если это дѣйствительно такъ, то онъ не желалъ-бы пойти на небеса. Что касается до меня, то я тоже перешелъ-бы вполне

¹⁾ Въ предисловіи къ четвертому изданію моихъ Основаній Физиологіи Духа.

на сторону матерьялистовъ и предпочель-бы полное уничтоженіе, если вышеприведенная болтовня дѣйствительно представляетъ вѣрный образчикъ разговоровъ блаженныхъ.

Когда „Діалектическое Общество“ пригласило профессора Гёксли принять участіе въ ихъ изслѣдованіяхъ спиритизма, онъ отклонилъ отъ себя эту задачу, сказавъ:—«единственная выгода, которая можетъ простечь, на мой взглядъ, изъ доказательства истинности спиритизма, можетъ заключаться лишь въ доставленіи еще одного лишняго довода противъ самоубійства. Потому что, дѣйствительно, лучше жить здѣсь, хотя-бы уличнымъ метельщикомъ, чѣмъ умереть и служить потомъ игрушкою всякаго „медіума“, нанимаемаго по гиней за сеансъ, который будетъ заставлять васъ болтать передъ публикою всякій вздоръ“.

Хотя мистеръ Гомъ совершенно не вѣритъ спиритической неподдѣльности вышеприведенныхъ изреченій, но мистеръ Уоллесъ, обладающій гораздо большею довѣрчивостію, признаетъ ихъ, вѣроятно, за изреченія „духовъ“, которые сдѣлали очень мало прогресса послѣ того, какъ они покинули нашъ міръ. Впрочемъ, ниже-слѣдующая цитата, приводимая мистеромъ Гомомъ изъ Свѣточа Спиритизма, окажется, я надѣюсь, чрезвычайно сильною даже для моего quoniam друга:

„Авторы-духи“ этого произведенія, по увѣренію издателя, не какія-нибудь мелкія личности; это ни болѣе, ни менѣе, какъ двѣнадцать апостоловъ христіанства. Издатель серьезно увѣряетъ насъ, что они продиктовали разновременно это несравненное произведеніе одной личности, которая потомъ напечатала его въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Содержаніе его составляетъ

жизнь Христа. Вся книга представляет почти невѣроятную смѣсь наглости, безстыдства, сумасшествій и нелѣпостей. Одинъ изъ апостоловъ милостиво сообщаетъ намъ слѣдующія подробности касательно ежедневной жизни двѣнадцати учениковъ Христа. „Мы всегда брали съ собой мальчика, чтобы чистить намъ башмаки. Учитель любилъ, чтобы мы были одѣты хорошо; въ особенности-же Онъ любилъ, чтобы наши башмаки были всегда хорошо вычищены“. Обыкновенное одѣяніе Христа состояло изъ широкой верхней одежды и ярко-голубыхъ сапоговъ. Однажды Онъ былъ оскорбленъ евреями, называвшими Его обманщикомъ. Это происшествіе описывается слѣдующимъ образомъ: „Какъ можете вы называть Меня обманщикомъ?“ сказалъ Учитель, обратившись къ нимъ. „Развѣ вы не видите Моихъ кудрявыхъ, золотистыхъ волосъ и Моихъ прелестныхъ голубыхъ сапоговъ? Неужели вы полагаете, что Я бы могъ имѣть подобныя вещи, еслибы былъ обманщикомъ?“ Одинъ изъ апостоловъ приводитъ различные факты касательно послѣдняго путешествія Іисуса въ Іерусалимъ: „Мы были тогда очень бѣдны и продавали по дорогѣ маленькія брошюрки о жизни и дѣлахъ Іисуса, чтобы добыть денегъ. Мы очень торопились достигнуть поскорѣе до Іерусалима, изъ опасенія, чтобы газеты не пронюхали о нашемъ прибытіи и не раструбили-бы о немъ по всему городу“. (О p. Cit., p. 309).

Надѣюсь, что этихъ цитатъ совершенно довольно. Но еслибы кто-нибудь захотѣлъ еще большаго, и притомъ гораздо худшаго сорта (въ родѣ того, напимѣръ, что „послѣ ужина, Учитель присоединился къ хороводу (round dance), въ которомъ плясали Его апостолы и Марія Магдалина“), то онъ найдетъ кое-что въ этомъ

родѣ въ книгѣ мистера Гома и еще болѣе на трехъ стахъ страницахъ того „рвотнаго“, изъ котораго состоитъ Свѣточъ Спиритизма и которое, въ нѣкоторыхъ его частяхъ, по словамъ мистера Гома, „просто невозможно цитировать“.

Знаменитый „Джонъ Кингъ“ встрѣчаетъ очень мало одобренія со стороны мистера Гома. Ибо хотя этотъ духъ „злаго человѣка, знаменитаго своими дурными дѣлами“, и заявилъ, что „онъ считаетъ своимъ долгомъ и удовольствіемъ дѣлать добро своимъ братьямъ-людямъ, что онъ есть укорятель грѣшниковъ и утѣшитель печальныхъ, что онъ считаетъ свою миссію божественной и видитъ въ ней свою славу, славу ангела“, тѣмъ не менѣе, онъ оказывается ужасно плотскимъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ поступковъ; такъ, напримѣръ, онъ частенько пускаетъ подушкою отъ дивана въ голову скептика; щекочетъ темя изслѣдователя бумажной трубочкой, говоря, что онъ „чиститъ ему голову паровой щеткой“; разливаетъ чай изъ чайника „самымъ обыкновеннѣйшимъ образомъ“ цѣлой компаніи старушекъ и выражаетъ имъ свою приверженность „къ ежедневной ваннѣ и къ бутылкѣ хорошаго стараго портера послѣ обѣда“. „Вотъ какимъ образомъ“—воскликаетъ мистеръ Гомъ—„прогрессируетъ Джонъ Кингъ къ высшимъ состояніямъ чистоты“ (Op. cit., p. 312).

Для каждаго читателя сочиненія мистера Гома, — Свѣтлая и Темная Стороны Спиритизма, — должно быть очевидно, что онъ совершенно согласенъ со мною относительно основнаго принципа, которымъ приходится руководиться при рѣшеніи вопроса о поддѣльности или неподдѣльности значительнаго числа тѣхъ явленій, которыя выдаются намъ за „спиритисти-

ческія“ откровенія; т. е. что и онъ рѣшаетъ эти вопросы просто по соображенію, на какой сторонѣ находится то, что ему кажется внутренней вѣроятностью; т. е. что онъ тоже довѣряется въ этихъ случаяхъ скорѣе свидѣтельству своего разсудка (Sense), чѣмъ свидѣтельству своихъ чувствъ (Senses). И я очень-бы рекомендовалъ мистеру Уоллесу внимательное изученіе Новѣйшаго Спиритизма мистера Гома, такъ какъ это сочиненіе представляетъ гораздо болѣе полную защиту этого положенія, чѣмъ та, которую я могъ-бы выполнить самолично, такъ какъ мои свѣдѣнія по части наиболѣе дикихъ ученій и выходовъ этой системы крайне ограничены.

„Не для того, говорить мистеръ Гомъ,—не для того отошедшіе въ вѣчность души возвращаются снова на землю, чтобы пить чай и играть на скрипкѣ, или сообщать смѣшныя и богохульныя вещи на счетъ Христа и Его апостоловъ, или наряжаться въ ермолку и желтые сапоги, или колотить присутствующихъ по головѣ бумажными трубочками, или бросать подушками въ скептиковъ, или выдавать убійцъ за достойныхъ уваженія личностей, или сообщать желающимъ, какой omnibusъ слѣдуетъ взять, чтобы проѣхать туда-то, или описывать намъ тотъ свѣтъ въ такомъ видѣ, что мы должны заключить, что человѣчество тамъ положительно вырождается. Ихъ миссія велика, а случаи къ ея выполненію ограниченны. Есть-ли у нихъ послѣ этого возможность тратить время на идиотизмы, которыхъ устыдился-бы любой школьникъ? Отнесемъ-же эти идиотизмы къ ихъ настоящимъ источникамъ: — часть къ помѣшательству, часть къ надувательству, большинство къ этому свѣту и лишь очень небольшое число къ тому. Признаемъ воз-

вышность и святость явленій, которыя показываютъ намъ, какъ —

„The beloved, the true-hearted
Revisit earth once more“ ¹⁾).

Устранимъ съ нашего пути все, что отзывается глупостью или мошенничествомъ, и будемъ настойчиво и неуклонно стремиться къ одной истинѣ. Давно уже пора описаннымъ мною заблужденіямъ и ошибкамъ „вымереть посреди ихъ поклонниковъ“. (Ор. cit., p. 323).

Я чувствую, что безстрашное обличеніе мистеромъ Гомомъ мошенничества „медіумовъ“ и легковѣрной глупости ихъ приверженцевъ сослужило такую большую службу дѣлу здраваго смысла, что мнѣ не хотѣлось-бы подвергать сомнѣнію собственную вѣру мистера Гома въ тѣ явленія, „возвышенность“ и „святость“ которыхъ доказываютъ, по его убѣжденію, фактъ возвращенія на землю отошедшихъ въ вѣчность духовъ. Тѣмъ не менѣе я никакъ не могу видѣть чего-либо нравственно или духовно „возвышающаго“ въ „удлинненіи“ и безъ того уже длиннаго тѣла мистера Гома, или въ его ночномъ полетѣ по воздуху, при лунномъ свѣтѣ, причемъ онъ вылетѣлъ изъ одного окна, а влетѣлъ въ другое, на высотѣ шестидесяти футовъ отъ поверхности земли. Точно также я рѣшительно не вижу ничего особенно „священнаго“ въ томъ, что мистеръ Гомъ беретъ горячіе угли въ руку или накладываетъ ихъ на голову какому-то лысому господину. Что касается до меня, то я склоненъ думать, что подобные подвиги представляютъ такую-же бесплодную трату драгоценнаго,

¹⁾ Любимые, вѣрные сердцемъ
Возвращаются на землю еще разъ.

ограниченнаго времени и рѣдкихъ, благопріятныхъ случаевъ для проявленія своей дѣятельности со стороны отошедшихъ въ вѣчность духовъ, какъ и тѣ ихъ подвиги, которые самъ-же мистеръ Гомъ такъ жестоко „прибилъ къ позорному столбу“. И я только прошу у него позволенія пользоваться, по отношенію къ его собственнымъ притязаніямъ, тою-же самою независимостью сужденія, касательно опредѣленія внутренней вѣроятности того или другаго факта, какую онъ прилагаетъ такъ свободно къ притязаніямъ другихъ.

Разсуждая объ этомъ предметѣ шесть лѣтъ тому назадъ ¹⁾, я указывалъ на „охватившую насъ въ послѣднее время нездоровую жажду „знаменій“, которыя свѣдѣтельствовали-бы о дѣйствительности существованія безтѣлесныхъ духовъ, и на пропорціональное этому равнодушію къ законному вліянію благородныхъ жизней и чреватыхъ поучительностью изреченій великихъ и добродѣтельныхъ людей, покинувшихъ ранѣе насъ этотъ свѣтъ“. Я ссыался тогда при этомъ на двухъ великихъ людей,—сэра Джона Ф. В. Гершеля и Джорджа Грота,—на погребеніи которыхъ я присутствовалъ незадолго передъ этимъ, и утверждалъ, что они оставили послѣ себя несравненно болѣе возвышающее, болѣе обширное и болѣе прочное вліяніе, чѣмъ то, которое могли-бы оказать ихъ „духи“ посредствомъ извлеченія жалобныхъ нотъ изъ аккордіона или посредствомъ выстукиванія отрывковъ изъ ихъ сочиненій. Не вправѣ-ли я повторить теперь того-же самого о той женщинѣ — хотя я и имѣлъ честь быть ея братомъ—съ благороднымъ сердцемъ, недавняя кончина которой оплакивается не

¹⁾ Quarterly Review, October 1871.

только ея семьей и личными друзьями, но и громаднымъ кругомъ людей, охватывающимъ цѣлый міръ и заключающимъ въ себѣ представителей всѣхъ ступеней общества, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ? Жизнь Маріи Карпентеръ, посвященная спасенію «опасныхъ и погибающихъ классовъ» общества отъ грубаго невѣжества и унижающаго порока, «управлялась», во-первыхъ, «духомъ» Великаго Учителя той вѣры въ отеческое отношеніе къ намъ Бога и во взаимное братство людей, которой было «одержимо» все ея существо; во-вторыхъ, «духомъ» ея земнаго отца, который, и поученіемъ, и примѣромъ, воспитывалъ ее для жизни, посвященной на служеніе человѣчеству, и, наконецъ, «духомъ» Джозефа Тукермана, столь извѣстнаго всему Бостону (Соед. Шт.), и «духомъ» Раммогуна Роя, великаго реформатора Индіи. Вотъ тѣ вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ она выполнила во вторую половину своей семидесятилѣтней жизни тотъ трудъ, къ которому первая половина этой жизни была непрерывнымъ подготовленіемъ, — трудъ, который, какъ я осмѣливаюсь утверждать, не былъ еще до сихъ поръ превзойденъ, со стороны своего могущественнаго вліянія, обширности и производительности, никакимъ другимъ одиночнымъ филантропомъ, мужескаго или женскаго пола. И я ничуть не сомнѣваюсь, что когда исторія этой жизни и подробности этого труда будутъ сполна сообщены свѣту, «духъ» Маріи Карпентеръ одушевитъ ревность и направитъ дѣятельность тѣхъ, которые слѣдуютъ по ея стопамъ, несравненно болѣе успѣшнымъ и дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ тогда, когда-бы ея «матерьялизированный» образъ явился посреди обитателей ея Исправительнаго Учрежденія, или когда-бы женщинамъ Индіи пришлось

черпать ея наставленія изъ ея «постукиваній» или изъ ея «царапаній на грифельной доскѣ».

Люди, бывшіе при жизни «книгами, которыя знали и читали всѣ человѣки», и достигшіе истиннаго величія, подвизаясь въ служеніи другимъ («тотъ, кто хочетъ быть болѣе между вами, да будетъ всѣмъ слугою»), оставляютъ послѣ себя вліяніе, которое становится все болѣе и болѣе широкимъ, все болѣе и болѣе глубокимъ съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ, точь въ точь такъ, какъ это бываетъ съ вліяніемъ, оставляемымъ людьми, великими по своей умственной силѣ и по своему нравственному достоинству. И я увѣренъ, что всякій, кто будетъ стараться расположить свою жизнь согласно «духовнымъ указаніямъ» Джона Ф. В. Гершеля, Джорджа Грота или Маріи Карпентеръ, сдѣлаетъ гораздо болѣе для передачи подобнаго вліянія послѣдующимъ поколѣніямъ, чѣмъ еслибы онъ, получивъ, послѣ своей смерти, дозволеніе «посѣтить еще разъ землю при мерцаніи мѣсяца», оказался въ распоряженіи профессиональнаго «медіума», который торгуетъ „сношеніями съ духами“ и который заставилъ-бы его удовлетворять пошлomu любопытству людей, приходящихъ въ восторгъ отъ его увѣреній, что ему „довольно весело и пріятно тамъ наверху“, или что ему „очень тоскливо тамъ внизу“, — смотря потому, какія представленія имѣютъ они о его достоинствахъ.

